СЕРГЕЙ ВАХРИН

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВРЕМЕНИ

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Камчатка – Россия – Мир. Путешествие по времени. — Петропавловск-Камчатский : Издательство «Камчатпресс», 2020. — 268 с. : ил.
ISBN 978-5-9610-0360-4

Эта книга о сохранении исторической памяти, о жителях Камчатки (постоянных или временных), которые и оставили нам в наследство эту память о своих замечательных деяниях во славу нашего Отечества – Ростово-Суздальского, Владимирского, Московского княжеств, Московского царства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации…

Эта книга об исторических и духовных связях Камчатки со всей великой Россией и со многими государствами мира, представители которых оставили свой след в истории нашего края.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

Издано при поддержке
холдинга «Витязь-Авто»

IISBN 978-5-9610-0360-4

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2020
© Вахрин С.И., 2020
© «Камчатпресс», 2020

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Вы держите в руках уникальную книгу. Ее автор, известный на Камчатке краевед, писатель, журналист и историк Сергей Иванович Вахрин, приглашает читателей в путешествие по страницам истории Камчатки.

Это настоящий подарок камчатцам, которые искренне любят свой родной край и гордятся его славным прошлым, а также всем, кто захочет прикоснуться к истории нашего уникального полуострова, открытого русскими казаками более 300 лет назад, лучше понять живущих здесь людей, их традиции и нравы.

Книга знакомит нас с необыкновенно талантливыми людьми, жившими здесь или посещавшими когда-либо камчатскую землю. Через историю нашего полуострова мы узнаем историю других стран и народов. И все это вместе, переплетаясь в судьбах людей, помогает нам представить будущее.

Я уверен, что издание «Камчатка – Россия – Мир» сделает Камчатский край ближе для людей в разных уголках нашей страны и мира, вызовет желание посетить его, чтобы узнать и полюбить!

Владимир Солодов

Идея фестиваля «Камчатка – Россия – Мир», как и идея этой книги, родилась неслучайно. В течение более уже трехсот лет полуостров является частью Российского государства, и с Камчаткой связали свою судьбу за эти столетия миллионы людей — выходцы из самых разных городов и весей России и мира. Но сегодня картина обратная — россияне покидают Камчатку. Причины разные. Но есть и главная — разорвана духовная связь Камчатки с Россией. Восстановить, сохранить и развить эти духовные исторические связи Камчатки с нашей Большой Родиной — главная задача и фестиваля, и этой книги.

Что такое Камчатка?

Для кого-то это волшебная страна вулканов, гейзеров, медведей и лососей…

А для кого-то, по выражению писателя Валентина Пикуля, — это длинная капля, повисшая с замороженного носа Чукотки.

Кто-то еще помнит, что Камчатка — это последняя (задняя) парта в его классе.

А для кого-то это такая же Родина, как Москва для москвичей или Париж для парижан.

Но есть и нечто, что объединяет нас всех, независимо от места проживания, — это общемировая история, в которой Камчатка занимает свое особое место.

Почему особое?

Так уж сложилось со времен существования легендарной Берингии, связывающей своим огненным поясом Азию и Америку, что через Камчатку шло заселение народов, которые, двигаясь первоначально с Алтая вслед за мигрирующими мамонтами, уходили через Камчатку в ту незнаемую землю, которую европейцы позже назовут Новым Светом, или Америкой.

Вы не поверите, но на Камчатке обнаружено поселение первых аборигенов, возраст которого исчисляется пятнадцатью тысячами лет! Здесь жили протоиндейцы, протоэскимосы, протоалеуты, протокамчадалы (протоительмены)…

Более того — здесь же обнаружено и культовое захоронение собаки, то есть собака на Камчатке была приручена человеком пятнадцать тысяч лет назад.

И неслучайно самый дорогой подарок, которые сделали моряки с крейсера «Африка» царю Александру III, была камчатская собака, которая, естественно, и получила соответствующую кличку — Камчатка. Она была любимой в царской семье и погибла, когда произошло известное крушение поезда в Борках.

А потом по Сибири-матушке двинулись «встречь солнцу» русские казаки, промышленные и торговые люди родом из Великого Устюга, Холмогор, Усолья Камского и Вычегодского, с Пинеги и Ваги…

К этому времени уже не существовало легендарной Берингии, но от нее остались многочисленные острова Алеутского архипелага, и русских людей не остановила морская преграда — вскоре в географическом обиходе появилось новое название — Русская Америка.

И снова хлынул поток русских промышленных людей из старинных городов Русского Севера и Центральной России осваивать эти новые земли и новые богатства.

А параллельно осваивались морские просторы, прокладывались кругосветные морские трассы и на Камчатку прибывали моряки из разных городов и весей России — и это были не только великие Беринги и Шпанберги, Крузенштерны и Беллинсгаузены, Берхи и Врангели, но и тысячи русских матросов из русских деревень, которые своим трудом обеспечивали возможности осуществления самых грандиозных морских проектов. И кто посчитал — сколько простых русских матросов похоронено в глубине моря на пути России к морской славе?!

И в 1854 году не Завойко и Арбузов, не легендарные братья Максутовы, не капитан фрегата «Аврора» Изылметьев, заслуга которых перед Отечеством бесспорна, обеспечили победу над англо-французами во время Петропавловской обороны, а мужество, стойкость и героизм тех рядовых матросов, казаков и добровольцев-«охотников», которые и приняли на себя главный удар врага и отразили его натиск, заставив врага позорно бежать с камчатской земли, а англо-французскую эскадру с ее живой силой и артиллерией бесславно ретироваться из Авачинской бухты…

А в годы индустриализации страны Камчатка из дальней и забытой нищей окраины превратилась в крупнейший «рыбный цех» Советского Союза. И сотни тысяч людей из разных уголков СССР принимали участие в развитии полуострова — народного хозяйства, культуры, здравоохранения, образования…

И сегодня в России, наверное, если не в каждом роду, то во втором или третьем наверняка, найдется персона, связанная историческими (давними или недавними) корнями с далеким полуостровом, с которого, если говорить о восходе солнца, начинается каждый новый день в нашей стране.

И задача программы «Камчатка – Россия – Мир» — восстановить и упрочить эти исторические духовные связи, восстановить память о предках и сохранить эту родовую память для потомков.

А цель этой программы, повторяю, очень простая — чтобы Камчатка ощущала себя неотрывной частью русской земли и русской истории, ибо сегодня уже существует огромнейшая демографическая проблема на Камчатке — русскоязычное население активно покидает полуостров.

Но и конечно же это нужно для того, чтобы развивать в Камчатском крае событийный туризм, основанный на уникальном историческом наследии полуострова, чтобы каждый житель России смог принять не только личное и активное участие в развитии в нашей стране и в мире фестивального движения «Камчатка – Россия – Мир», но и в самом фестивале на самой Камчатке, который будет ежегодно проходить в культурно-историческом центре «Нижнекамчатский острог», в том месте на нашей планете, откуда отправлялись наши предки-россияне в плавание к далеким берегам Русской Америки, покоряя Великий (и вовсе даже не тихий) океан.

А начнем мы наш рассказ со столицы — с Москвы и москвичей.

Василий Суриков, «Утро стрелецкой казни», фрагмент

МОСКВА

Конечно, сегодня в Москве и ее окрестностях проживает немало людей, которые еще недавно трудились на Камчатке, а выйдя на заслуженный отдых, вернулись на свою историческую родину или получили перевод на новое место работы вместе с новой, уже столичной, должностью. Они создали здесь Камчатское землячество «Гамулы», которое пустило свои корни и в других городах, в частности в Санкт-Петербурге. И мы надеемся, что с помощью членов этого землячества или с помощью социальной сети «Дети Гамулов» сможем развернуть фестивальное движение «Камчатка – Россия – Мир» по всей стране и привлечь своих земляков к делу по сохранению и использованию на благо Камчатки уникального исторического наследия полуострова.

Итак, Москва.

В истории нашей страны особое место оставил землепроходец и мореход томский казак Иван Юрьев сын Москвитин, который первым из россиян вышел на побережье Тихого океана — к Ламскому (Охотскому) морю.

Это случилось в 1639 году.

Давайте вспомним, что поход Ермака Тимофеевича в Сибирь был начат в 1581 году. Не прошло и полувека, как сибирские казаки (в составе которых были и вольные и «невольные» русские, а также военнопленные — ссыльные черкасы (запорожцы), литвины (белорусы), ляхи (поляки), греки, немчины...) прошли всю Сибирь по суше и по Ледовитому морю.

А в 1647 году енисейский казак Константин Иванов сын Москвитин «со товарищи» были отправлены в долину Баргузина: «Этим казакам первым из русских людей удалось пересечь Западное Забайкалье с севера на юг и достичь 29 июня 1647 года ставки монгольского князя Турухай-табуна, кочевавшего с 20 тысячами своих подданных между правыми притоками Селенги — реками Чикой и Хилок. Князь доброжелательно принял русских и их подарки: шкуры бобра, выдры, рыси, пару соболей и «сукна лазоревого вершок». Турухай-табун передал со служилыми людьми в дар царю золотой «усечек» и серебряную чашку, а В. Колесникову — серебряную тарелку. В знак своей покорности русскому царю князь предоставил казакам право сбора ясака с двух тысяч своих улусных людей, которые внесли им 50 соболей».

Кто бы ведал тогда, что из Забайкалья, через столетие, будут черпаться главные

Игорь Пискунов, портрет Степана Крашенинникова

силы для проведения всех новых экспедиций и походов «встречь солнцу», в том числе и Первой, и Второй Камчатских.

А в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции прибыл в Сибирь уроженец Москвы, сын солдата лейб-гвардии Преображенского полка, студент Славяно-греко-латинской академии Степан Петрович Крашенинников, который скрупулезно описал эту далекую неизвестную еще широкому кругу людей землю, войдя в мировую науку как ботаник, географ, историк, этнограф и конечно же как путешественник, который обошел и объехал наш полуостров из края в край, вдоль и поперек, останавливаясь в каждом населенном пункте, который встречался на его пути, и занося сведения о людях — их одежде, обычаях, языке, образе жизни — в мировую сокровищницу знаний.

Но мало кто знает другое: в Сибирь Степан Крашенинников прибыл в 1733 году в составе академического отряда Великой Северной экспедиции под руководством профессоров И.Г. Гмелина (1709–1755), Г.Ф. Миллера (1705–1783), Людовика Делиля де ла Кроера (около 1688–1741). Гмелина и Миллера возможность отправки на голодную и холодную (как они выяснили у старожилов Якутска) Камчатку привела в панику, и вместо себя они отправили беспрекословно им подчинявшегося студента, который уже за годы пребывания в Сибири (пока учителя отдыхали) вместо них обошел, изучил и описал все Забайкалье.

Но для всего мира Степан Петрович Крашенинников открыл именно Камчатку. В своем бессмертном творении «Описание земли Камчатки» он не только рассказал об этой земле и ее жителях — камчадалах, курилах и коряках своим современникам, но и сохранил для потомков самих камчадалов многое из того, что ушло со временем из их повседневной жизни.

«…Страна печальная, гористая, влажная, — писал великий поэт России Александр Сергеевич Пушкин, конспектируя книгу Степана Петровича Крашенинникова. И далее: Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы.

…Во время же отлива ходит по морю вал с белью и с засыпью вышиною до 30 сажен.

…Медведи, которые обдирают кожу и мягкие места, но никогда не умертвляют людей; ободранных же «называют камчадалы дранками.

…Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки.

…Когда их спросишь, отчего ветер рождается? ответствуют за истину от Балакитга… Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению. Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и столь сильно, сколь великой ветр ему понравится, а когда он устанет, то утихнет и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего камчатского Еоля (*Еоль — Эол, древнегреческий повелитель ветров*) в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приезжает, тогда она находится в радости; а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась: и оттого бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зорю и вечернюю и погоду, которая с тем соединяется, филозофствуя по смешному своему разуму и любопытству и ничего без изъяснения не оставляя.

...Главной у них грех скука и неспокойство, которого убегают всеми мерами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по их мнению лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради прежде сего самоубивство было у них последней способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось...»

«Завоевание Сибири постепенно совершалось, — писал А.С. Пушкин. — Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Вызвались смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между сими в своих жалких острожках».

И еще одна страничка, которую необходимо заполнить о Москве и москвичах, — это ссыльные московские стрельцы, которых отправляли в Сибирь и на службу, и в ссылку на «вечное житье».

Было два крупных бунта — первый, или Хованщина, в 1682 году, в результате которого к власти пришла Софья Алексеевна, объявленная регентшей при малолетних царевичах Иване и Петре.

Второй — стрелецкий бунт 1689 года — одно из самых кровавых событий времен Петра I.

И он был кровавым не по итогам самого бунта, а по итогам следствия, которое продолжалось до 1707 года и стоило жизни более тысячи человек — почти половины от всех участников (четыре полка общей численностью 2200 человек). Оставшихся в живых сослали в Сибирь.

И вот результат: в 1682 и 1689 годах в Якутске появляются казаки Артемьевы, Букины, Варюхины, Елисеевы, Жук(овы), Ивановы, Каменьщиковы, Козьмины, Ларионовы, Мартемьяновы, Медведицыны, Михайловы, Наеренок, Орловы, Печник, Решелец, Савельевы, Семеновы, Степановы, Тихоновы, потомки которых несли службу и на Камчатке.

До этого был еще Соляной бунт 1648 года, который также пополнил ссыльными московскими стрельцами гарнизоны Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска...

Иллюстрации к первому изданию книги «Описание земли Камчатки»

Казак Москвитин Иван Юрьевич, худ. Ф.А. Москвитин

Тобольский кремль, www.sunhome.ru

ТОБОЛЬСК

Центром освоения Сибири и ее, на многие десятилетия, столицей был Тобольск.

И поэтому следующий наш рассказ о Тобольске и тоболяках.

В исторической литературе очень частой ошибкой бывает, когда отчество героя или его прозвище становится официальным именем, а настоящая фамилия исчезает из истории.

Так случилось и на этот раз — человек, который официально прошел из Ледовитого океана (а не предположительно, как Семен Иванов Дежнев «со товарищи») в Тихий океан, а потом, увидев, что на Анадырской корге моржей промышленники истребили настолько, что они уже и не пришли на лежбище, отправился на юг и достиг устья реки Камчатки, а потом добрался и до ее верховий, где и зимовал, добывая пушнину и собирая ясак.

Это случилось в 1662–1663 годах.

Официально имя его звучит как Иван Меркурьев Рубец. Рубец — это прозвище. Настоящая его фамилия — Бакшеев. Он уроженец Тобольска. Позже род казаков Бакшеевых, в числе многих других тобольских казачьих родов, осел в Забайкалье.

Уроженцем Тобольска был и Емельян Софронович Басов, который 12 августа 1743 года первым из русских людей возглавил промысловую экспедицию на острова Тихого океана. Он высадился на острове Беринга, где недавно еще зимовали члены экипажа пакетбота «Святой Петр» и где был похоронен капитан-командор Беринг. Именем Басова назван мыс в Анадырском заливе, залив и полуостров на Новой Земле.

А двумя годами позже отправился на таком же шитике (судно шитое лозой) и другой уроженец Тобольска, — Михаил Васильевич Неводчиков, который, минуя остров Беринга, направился далее на восток и высадился уже на американской земле — на Ближних Алеутских островах. Здесь его именем названа бухта, а на полуострове Камчатка — один из мысов.

Спустя еще много-много лет, когда земли по реке Амур станут владением Российской империи, отметится в истории географических открытий потомок атамана казачьей «старой сотни» Тобольска Ивана Дурыни — в честь его потомка, исследовавшего берега Охотского и Японского морей в Приамурье и Приморье будет назван мыс: «Дурынина, мыс, на северном берегу бух. Краковка. Назван в 1860 г. экспедицией подполковника КФШ В.М. Бабкина. Бухта Краковка — открытая бухта Японского моря

на побережье Партизанского и Лазовского районов Приморского края».

Историки не только постоянно делают ошибки, путая отчества и прозвища с фамилиями героев прошлого, очень часто они даже и не пытаются выяснить, откуда родом эти люди.

Если, например, пришли они на Камчатку из Якутска — значит, это якутские казаки, в то время как формирование Якутского казачьего полка шло, как минимум, из трех мест — казаков из Березова, Тобольска и Енисейска, а впоследствии постоянно направлялись на службу в здешние места так называемые «годовальщики» из Тобольска, Томска, Енисейска, которые могли находиться в служебных командировках по несколько лет, а потом возвращались в родные места или оставались уже по доброй воле или за какие-то служебные провинности «на вечное житье».

Было по-всякому: служба есть служба.

Так и в отряде Владимира Владимировича Атласова, когда он совершал свой первый поход на Камчатку, было несколько уроженцев Тобольска на службе в Якутском казачьем полку.

Авторитет этих людей был очень высоким — ведь неслучайно именно им впоследствии доверяли камчатские приказчики оставаться вместо них, когда сами они уходили с собранным ясаком в Анадырский острог (то есть военное укрепление), а затем в Якутск.

Поморский коч, худ. Константин Черепанов, cherepanov-arts.ru

Владимир Атласов оставил вместо себя камчатским приказчиком Потапа Серюкова (Сюрюкова), который обосновался в Верхнекамчатском зимовье, ставшем впоследствии острогом и административным центром Камчатки, и жил мирно среди коренного населения, собирая ясак. Не дождавшись замены, он со своим отрядом попытался самостоятельно добраться до Анадырского острога, но коряки, с которыми вступил в острый конфликт Владимир Атласов во время своего похода, не позволили ему этого сделать — весь отряд был уничтожен.

Но в 1700 году из Якутска был направлен на Камчатку новый приказчик Тимофей Родионович Кобелев, отряд которого повели

Владимир Атласов, худ. А.В. Ковалев

участники похода Атласова, уроженцы Тобольска — сын боярский Иван Григорьевич Мокринский, казаки Семен Леонтьевич Ломаев, Иван Яковлевич Куклин, Василий Данилович Бронник...

В самое трудное для полуострова время, когда возвратившийся из Москвы и якутской тюрьмы казачий голова Владимир Владимирович Атласов совершил множество грубейших злоупотреблений властью, за что свергнут казаками и посажен в тюрьму, Семен Леонтьевич Ломаев избран казачьим кругом приказчиком Камчатки до прихода из Якутска нового официального лица. И это не было случайностью — в 1705 году камчатский приказчик Василий Михайлович Колесов, воз-

вращаясь в Якутск, тоже оставил управлять острогами Семена Ломаева.

А Владимир Атласов, возвращаясь из Москвы, где он был обласкан и вознагражден за присоединение к империи Камчатской землицы, собирал, согласно царской воле, новый отряд для службы на Камчатке — и в Тобольске он набрал 50 казачьих детей из лучших «домовых» семейных казачьих родов, которые с детства были готовы к суровой казачьей службе в любом регионе Сибири.

Но Владимир Владимирович, ослепленный своей землепроходческой победой и полагая, что ему в Сибири все теперь нипочем, ограбил на Ангаре купеческий дощаник и вместо Камчатки попал в якутскую тюрьму с самыми преданными ему людьми.

А тобольские уроженцы пошли на Камчатку уже в отряде ссыльного запорожского казака, направленного на смену Тимофею Кобелеву, племянника гетмана Украины Демьяна Многогрешного черкашенина (то есть запорожского казака) Михаила Зиновьевича Многогрешного, имя

Алеутские острова, ic.pics.livejournal.com

которого постоянно путают историки, называя его то Зиновьевым, то Черкашенином, хотя на самом деле он был Многогрешным, как и его родные дяди — гетман Демьян Игнатьевич и черниговский полковник Войска Запорожского Василий Игнатьевич, сосланные один в Селенгинский острог, а другой — в Красноярский.

В 1712 году группа тобольских казаков, возглавляемая приказчиком Верхнекамчатского острога Константином Кыргызовым, подняла бунт и совершила грабительский налет на Нижнекамчатский острог.

Камчатский приказчик Василий Колесов, производивший следствие, установил имена зачинщиков: ими оказались представители самых элитных казачьих фамилий Тобольска, исключая самого Кыргызова.

Никита Дурынин — потомок тобольского атамана «старой сотни» Ивана Дурыни.

Иван Панютин — потомок другого тобольского атамана Тугарина Панютина.

Кирила Бекирев (Бекерев) — потомок ссыльного немецкого военнопленного — тобольского казака литовского списка Юрия Бекера.

И другие бывшие тобольские казачьи дети Иван Балин, Иван Лосев, Лазарь Ощепков, Иван Терентьев, Григорий и Кузьма Баландины, Павел Кабанов, Прокопий Месихин (Машихин), Алексей Бурой, Алексей Еремеев, Петр Иконников, Михаил Кобычев, Никита и Леонтий Носовы, Андрей Климов, Моисей Кириллов, Владимир Конищев, Анисим Сидоров, Лазарь Туман, Федор Зырян, Петр Неворотов…

По приговору приказчика Василия Колесова «тех его Константиновых (его самого повесили) товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

Судя по дальнейшей истории, всем им было определено теперь «вечное житье» на полуострове. И на Камчатке появились первые старожилы, которые обзаводились семьями, выбирая себе подруг из аборигенок и в спешном порядке возводя церковь (первая Николаевская церковь была построена уже в 1713 году, но освящена только в 1725 году, а в 1731 году сожжена восставшими камчадалами), чтобы благословить свой брак и крестить новорожденных казачат.

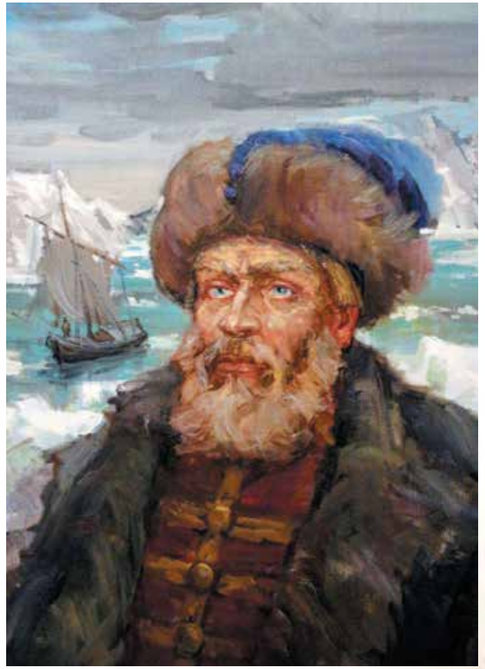
И в период героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, а также в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке мы встречаем многие из этих имен. Правда, такие же фамилии уже носили и коренные камчадалы, получившие их при крещении от своих крестных отцов-казаков.

Вот такова история…

Валерий Шиляев. Бот «Камчадал» в кипящем Охотском море

Владимир Латынцев, портрет Семена Дежнева

Тобольск был не только кузницей кадров служилого люда Сибири, он впоследствии стал и кузницей рыбацких кадров Сибири и Дальнего Востока.

В 1927 году в Тобольске открывается рыбопромысловая школа.

1 августа 1930 года на ее базе создается рыбопромышленный техникум. В нем два отделения — технологическое (подготовка мастеров по выпуску рыбной продукции) и техника добычи рыбы (подготовка тралмастеров для промысла рыбы в морях и океанах).

В период войны техникум был переведен в Ханты-Мансийск, но в 1945 году возвращен в Тобольск и размещен в Доме наместника на территории Кремля.

Начиная с первых послевоенных лет рыболовецкий флот СССР активно пополняется немецким рыболовным флотом, полученным в качестве контрибуции от Германии, и специалисты по добыче рыбы стали нужны, как никогда прежде. И дипломированные тралмастера из Тобольского рыбопромышленного техникума, как в свое время тобольские казаки, были востребованы на всем огромном сибирском и дальневосточном пространствах.

В числе тех, кем гордится техникум, имя Виктора Дмитриевича Бакшеева (возможно потомка тобольского казака Ивана

Герой Социалистического Труда Георгий Васильевич Мещеряков

Меркурьевича Бакшеева-Рубца, который повторил мореходный подвиг Семена Дежнева) — Виктор Дмитриевич возглавлял базу промышленного рыболовства «Приморрыбпром» в пору ее былого расцвета.

Но первым по списку в Книге почета выпускников техникума идет имя камчатского тралмастера, впоследствии капитана дальнего плавания, капитан-директора большого морозильного траулера и первого начальника крупнейшей сегодня в России компании «Океанрыбфлот», Героя Социалистического Труда Георгия Васильевича Мещерякова.

В 1964 году на БМРТ «Узбекистан» он установил рекорд Дальнего Востока, выловив 130 тысяч центнеров рыбы.

Но прославился он не этим — а организацией промысла дальних рыбопромысловых экспедиций судами БМРТ (большой морозильный траулер-рефрижератор) и БАТМ (большой автономный траулер морозильный) у берегов Северной и Южной Америки, вблизи архипелага Кергелен и льдов Антарктиды.

Не знаю, как сейчас, но еще недавно на Камчатке существовала «диаспора» («тобольская дружина») выпускников Тобольского рыбопромышленного техникума, которую негласно возглавлял всегда неунывающий, добрый и всегда внимательный

к людям Петр Карпович Кривошеев, с которым и мне приходилось работать вместе.

Он был мастером-технологом высочайшего класса — именно благодаря Петру Карповичу на плавбазе «Рыбак Чукотки» впервые на Дальнем Востоке был организован выпуск консервов непосредственно в море, а не на берегу, как это было традиционно.

В своих воспоминаниях он называет многих из своих коллег по учебе, кто в разные годы работал на нашем полуострове: «Из выпуска 1948 г. выросли такие руководители, как начальник областного управления Камчатрыбвода Д.Ф. Колмогоров, директор Оссорского рыбокомбината Ф.С. Горев, главный технолог Олюторского и Усть-Камчатского рыбокомбинатов, затем главный технолог Тралфлота Р.А. Лантухова, директор Жупановского и Усть-Камчатского рыбокомбинатов, начальник промысловой разведки Главкамчатрыбпрома, начальник Тралфлота И.П. Черниговский…

Выпуски 1955–1960 гг. прославила своими трудовыми подвигами и достижениями целая плеяда механиков: главный инженер Оссорского рыбокомбината Л.В. Сидоров, главный механик консервного завода в Колпаковском рыбокомбинате В.А. Матвеев, начальник отдела управления материально-технического снабжения Камчатрыбпрома Г.Н. Панов, главный механик Усть-Камчатского рыбокомбината К.Н. Семухин, проработавшие более 30 лет на Петропавловской жестянобаночной фабрике братья Ю.Н. и Б.Н. Ненашевы, главный инженер рыбокомбината им. С.М. Кирова, главный специалист ЦПКТБ Дальрыбы А.Ф. Навильников, директор Олюторского рыбокомбината, заместитель генерального директора Камчатрыбпрома А.П. Старцев, главный механик Петропавловской жестянобаночной фабрики В.И. Ишимцев.

Из выпусков 1965–1975 гг. ряды тобольской дружины на Камчатке пополнили заместитель начальника отдела добычи Камчатрыбколхозобъединения В.А. Фатеев, главный механик Олюторского рыбокомбината П.В. Еперин, начальник технического отдела Океанрыбфлота А.Ф. Шандауров, начальник механико-судовой службы Тралфлота Н.Р. Емельянов».

Петр Карпович Кривошеев

Современный флот «Океанрыбфлота»

Санкт-Петербург, фото Д. Мартьянова, wallbox.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К судьбам людей, связанных либо рождением, либо славой с этим городом, мы будем часто возвращаться — Санкт-Петербург был столицей России, когда на Камчатке происходили многие выдающиеся события, прямо или косвенно связанные именно с этим городом.

Например, мало кто знает, что в Санкт-Петербурге родился Николай Петрович Резанов.

Собственно, и о самом Резанове большинство жителей современной России узнали только из получившей широкую популярность рок-оперы «Юнона и Авось» поэта Андрея Вознесенского и композитора Алексея Рыбникова о романтической любви русского дворянина Резанова и испанки Марии де ла Консепсьон (Кончиты) Марцела Аргуэлло — дочери губернатора Калифорнии.

История Кончиты, которая посвятила всю свою оставшуюся жизнь этой любви, хотя она знала о ранней смерти Николая Петровича, затронула не только россиян. Задолго до Вознесенского этой теме посвятил свою книгу «The Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov» американский писатель Гектор Шевиньи, который еще в 1937 году писал: «Консепсьон оказалась не только внешне прекрасной, своевольной и страстной женщиной. Она оказалась сильной духом, способной вынести всё с гордо поднятой головой и без жалоб и компромиссов прийти к своему горькому концу».

То есть в Америке знали эту романтическую историю задолго до нас, россиян. И посвящали ей книги. Например, знаменитый американский писатель Брет Гарт еще в 19-м столетии посвятил Кончите вот эту балладу:

«Юнона и Авось», спектакль театра «Ленком М. Захарова», в ролях Александра Волкова и Дмитрий Певцов, lenkom.ru

Консепсьон де Аргуэльо

Перевод с англ. М. Зенкевич

Средь холмов от моря близко — крепость странная на вид,
Здесь обитель францисканцев память о былом хранит.
Их патрон отцом вдруг крестным городу чужому стал,
Ангел ликом здесь чудесным с ветвью золотой сиял.
Древние гербы, трофеи безвозвратно сметены,
Флаг чужой парит здесь, рея над камнями старины.
Бреши и рубцы осады, на стенах их много тут,
Только на мгновенье взгляды любопытных привлекут.
Нить чудесно-золотую лишь любовь вплести могла
В ткань суровую, простую, — та любовь не умерла.
Лишь любовь та неизменно оживляет и сейчас
Эти сумрачные стены, — слушайте о ней рассказ.

Здесь когда-то граф Резанов, русского царя посол,
Возле амбразур у пушек важную беседу вел.
О политике с властями завязал он разговор,
Обсуждая вместе с ними о Союзе договор.
Там с испанским комендантом дочь красавица была,
Граф с ней говорил приватно про сердечные дела.
Обсудили все условья, пункт за пунктом, все подряд,
И закончилось Любовью то, что начал Дипломат.
Мирный договор удачный граф с властями завершил,
Как и свой любовный брачный, и на север поспешил.
Обрученные простились на рассвете у скалы,
В путь чрез океан пустились смело Русские Орлы.

Возле амбразур у пушек ожидали, вдаль смотря,
Что жених-посол вернется к ним с ответом от царя.

Concepcion Arguello and Nikolai Rezanov as depicted on a mural in the Post Interfaith Chapel (фреска в межконфессиональной часовне)

День за днем дул с моря ветер в амбразуры, в щели скал,
День за днем пустынно-светел Тихий океан сверкал.
Шли недели, и белела дюн песчаных полоса,
Шли недели, и темнела даль, одетая в леса.
Но дожди вдруг ветер свежий с юго-запада принес,
Зацвело все побережье, отгремели громы гроз.
Изменяется погода, летом — сушь, дожди — весной.
Расцветает все полгода, а полгода — пыль да зной.
Только не приходят вести, писем из чужой земли
Коменданту и невесте не привозят корабли.
Иногда она в печали слышала безгласный зов.
«Он придёт», — цветы шептали, «Никогда», — неслось с холмов.
Как живой он к ней являлся в плеске тихом волн морских.
Если ж океан вздымался — исчезал ее жених.
И она за ним стремилась, и бледнела смуглость щек,
Меж ресниц слеза таилась, а в глазах — немой упрек.
И дрожали с укоризной губы, лепестков нежней,
И морщинкою капризной хмурился излом бровей.
Подле пушек в амбразурах комендант, суров и строг,
Мудростью пословиц старых дочку утешал, как мог.
Много их еще от предков он хранил в душе своей,
Камни самоцветов редких нес поток его речей:
«Всадника ждать на стоянке, — надо терпеливым быть»,
«Обессилевшей служанке трудно будет масло сбить»,
«Тот, кто мед себе сбирает, мух немало привлечёт»,
«Мельника лишь время смелет», «Видит в темноте и крот»,
«Сын алькальда не боится наказанья и суда»,
Ведь у графа есть причины, объяснит он сам тогда.
И пословицами густо пересыпанная речь,
Изменив тон, начинала по-кастильски плавно течь.
Снова «Конча», «Кончитита» и «Кончита» без конца

Памятник командору Резанову в Красноярске

Стали звучно повторяться в речи ласковой отца.
Так с пословицами, с лаской, в ожиданье и тоске,
Вспыхнув, теплилась надежда и мерцала вдалеке.

Ежегодно кавалькады появлялись с гор вдали,
Пастухам они веселье, радость девушкам несли.
Наступали дни пирушек, сельских праздничных потех, —
Бой быков, стрельба и скачки, шумный карнавал для всех.
Тщетно дочке коменданта до полуночи с утра
Распевали серенады под гитару тенора.
Тщетно удальцы на скачках ею брошенный платок,
С седел наклонясь, хватали у мустангов из-под ног.
Тщетно праздничной отрадой яркие плащи цвели,
Исчезая с кавалькадой в пыльном облачке вдали.
Барабан, шаг часового слышен с крепостной стены,
Комендант и дочка снова одиноко жить должны.
Нерушим круг ежедневный мелких дел, трудов, забот,
Праздник с музыкой напевной только раз в году цветет.

Сорок лет осаду форта ветер океанский вел
С тех пор, как на север гордо русский отлетел орел.
Сорок лет твердыню форта время рушило сильней,
Крест Георгия у порта поднял гордо Монтерей.
Цитадель вся расцветилась, разукрашен пышно зал,
Путешественник известный, сэр Джордж Симпсон там блистал.
Много собралось народу на торжественный банкет,
Принимал все поздравленья гость, английский баронет.
Отзвучали речи, тосты, и застольный шум притих.
Кто-то вслух неосторожно вспомнил, как пропал жених.
Тут воскликнул сэр Джордж Симпсон: «Нет, жених не виноват!
Он погиб, погиб бедняга сорок лет тому назад.

Красноярск, могила Н.П. Резанова. Портрет Н.П. Резанова неизвестного художника

Умер по пути в Россию, в скачке граф упал с конем.
А невеста, верно, замуж вышла, позабыв о нем.
А жива ль она?» Ответа нет, толпа вся замерла.
Конча, в черное одета, поднялась из-за стола.
Лишь под белым капюшоном на него глядел в упор
Черным углем пережженным скорбный и безумный взор.
«А жива ль она?» — В молчанье четко раздались слова
Кончи в черном одеянье: «Нет, сеньор, она мертва!»

А в России о Резанове не просто забыли — его выкинули из исторической памяти. И потому поэма Андрея Вознесенского ничего исторического, кроме любви Кончиты, не содержит.

Когда я работал над своей книгой «Встречь солнцу» (издана в 1996 году), я столкнулся с тем, что практически никакой информации о Николае Петровиче Резанове в обобщенном виде в нашей российской истории нет — были только разрозненные какие-то кусочки из его биографии.

Вина за это целиком и полностью лежит на военных моряках — участниках первого кругосветного плавания, которые не желали делить славу моряков с каким-то гражданским лицом. Даже если это лицо было не только камергером Его Величества государя императора, но и главным инициатором и, еще главнее, — организатором этого действительно беспримерного на тот период плавания вокруг света в Русскую Америку.

В своих мемуарах они его просто оболгали.

А Крузенштерн, который в буквальном смысле слова издевался над Резановым во время плавания, пользуясь полной беззащитностью Николая Петровича, был прощен Резановым на Камчатке во время следствия только из-за того, чтобы не пострадала слава России, осуществившей это плавание.

Но Крузенштерн не простил своего «унижения» Резанову и, пользуясь ранней смертью дипломата, очернил его в глазах российской общественности и российской официальной истории.

Кончита любила Николая Петровича. А Николай Петрович любил свою покойную жену Анну Григорьевну Шелихову. Обручение камергера Резанова и дочери губернатора Калифорнии — это был дипломатический ход во имя спасения жителей Русской Америки, погибающих от цинги. И об этом сам Николай Петрович писал свояку (мужу Евдокии Григорьевны Шелиховой) — Михаилу Михайловичу Булдакову.

Но в истории, безусловно, останется только Любовь.

А за кадром романтической рок-оперы осталась жизнь этого замечательного человека, благодаря дипломатическому таланту которого идея его тестя Григория Ивановича Шелихова о создании Российско-Американской компании для освоения Русской Америки была воплощена в жизнь. И ни кем-то, а царской семьей.

Он организовал и обеспечил возможность осуществления российскими моряками кругосветных плаваний в Русскую Америку.

Он установил дипломатические отношения с Калифорнией, принадлежавшей в ту пору Испании.

Он же попытался установить дипломатические и торговые отношения с Японией, которая занимала в то время строго изоляционистские позиции.

К сожалению, он рано умер. В 1807 году, в Красноярске, спеша возвратиться в Санкт-Петербург, где его ждали неотложные дела, связанные с Русской Америкой.

И как бы мы ни относились к неисторичности рок-оперы «Юнона и Авось», именно благодаря ей в России наконец-то возник серьезный и глубокий интерес к этому человеку — Николаю Петровичу Резанову, любовь к которому освятила жизнь не только воспетой в веках Марии Кончиты, но и осветила всех нас...

Старая православная часовня. Источник: фото Общества по сохранению Форта Росс

Успенский храм, Архангельск, фото В. Карьялайнена, uspensky29.ru

АРХАНГЕЛЬСК

В истории России было несколько поворотных моментов, которые трудно назвать галсами. Галс — это движение парусного судна относительно ветра, который, собственно, и заставляет судно двигаться.

Рождение Архангельска, или Новых Холмогор, ознаменовалось именно тем, что капитан судна под названием «Россия» уловил тот исторический момент, когда ветер наполнял паруса России.

В 1553 году английский мореплаватель Ричард Ченслер зашел в устье Северной Двины и завязалась международная торговля, в результате чего и рождается рядом с древним Михаило-Архангельским монастырем первый в России морской порт, который в конечном итоге меняет свое первичное название Новые Холмогоры на Архангельск.

Как сообщают нам архангелогородские историки, Архангельск приносил государству до 60% дохода от всей внешнеэкономической деятельности России: «Вместе со всей страной рос поморский Север. В составе Русского национального государства он был одним из передовых районов, развивавшихся по восходящей линии. Широкий размах получили здесь солеварение, смолокурение, рыболовство, железоделательный, слюдяной, звериный, морской и лесной промыслы. Успехам производственной деятельности северян содействовало отсутствие помещичьего землевладения, наличие неисчерпаемых природных ресурсов, а также то обстоятельство, что края не коснулось запустение Московского уезда, Псковской и Новгородской земель, вызванное Ливонской войной, опричниной и хозяйственным разорением 70–80-х годов

XVI века. Скорее наоборот, новый приток населения из южных районов, вызванный упомянутыми причинами, содействовал дальнейшему развитию производительных сил Европейского Севера России.

Во второй половине XVI века в Поморье складывается большой областной рынок, охвативший Подвинье, Корельское побережье и Заонежье, земли Великого Устюга и Вычегодские, бассейны рек Пинеги, Мезени, Печоры. Поход Ермака привел к включению в поморский рынок Западной Сибири, откуда через Сольвычегодск стали поступать экспортные товары в Архангельск. Из нашего города они вывозились за рубеж».

Чего только не было в Беломорье: пушнина, ворвань (продукты морских промыслов), соль, семга, треска... Восхищаясь богатством края, Ричард Ченслер писал своим хозяевам: «Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж». Его соотечественник Антоний Дженкинсон пополнил список товаров новыми наименованиями: «...Русские выделывают много дегтя, смолы и золы из осины».

Мы, потомки, самым бессовестным образом вырвали из истории российского флота те ее славные страницы, которые связаны с мореплаванием наших русских поморов в самом опасном из всех — Северном Ледовитом океане.

История нашего российского флота сегодня датируется потешными безделицами царевича Петра в Плещеевом озере, в то время как за многие века до рождения этого человека, прозванного русским наро-

Копия большой поморской трехмачтовой купеческой лодьи XVIII века

Поморская лодья. Реконструкция: А.А. Ольшевский, blogs.modelsworld.ru

Грумант (Шпицберген),
фото Suraida, www.domesticadventurer.com

дом Антихристом, наши поморы ходили на Грумант, а по все еще существующей, но все так еще и не доказанной (но для меня несомненной) версии, доходили и до Аляски, потому что тот морской флот, который создали наши предки, — мог двигаться не только по воде, но и по льду, не вмерзая в него.

Прорубая окно в Европу, чем так гордятся наши историки, восхваляющие деяния Петра Великого, они вычеркивают из истории тот факт, что до воцарения Петра в эту самую Европу были настежь (порой даже чересчур) распахнуты двери, позволявшие развиваться и торговле, и промышленности России. Всей, подчеркнем, России — от Астрахани до Архангельска, связанных речными водными магистралями.

Но мы ведь живем в своей стране по одной и той же извечной формуле: «Весь мир (насилья, патриархальщины, варварства и всего прочего...) мы, безусловно, разрушим до основания, а затем...» на обломках своей собственной страны будем ее заново возрождать...

Так было и при Петре Великом.

Он не только захлопнул эти самые двери в Европу. Он еще и запретил под страхом смертной казни вести какую-либо торговлю через Архангельский порт.

И спасением для Русского Севера стала Сибирь — туда был направлен весь ее неисчерпанный потенциал — экономический, энергетический, торговый, служилый, профессиональный...

И когда понадобилось Петру Первому проторить морскую дорогу на Камчатку, то не послал он в Сибирь своих иноземцев-наймитов, а именным указом направил туда архангелогородских мореходов Никифора Моисеевича Тряску (по другой версии Треску), Кондратия Федоровича Мошкова, Якова Невейцына и Ивана Бутина, а с ними «лодейщиков» — судостроителей Кирилла Плотницкого, Ивана Каргополова, Варфоломея Федорова, Михаила Карамакулова.

В 1716 году судно было готово. Это была поморская лодия «наподобие архангелогородских соем, шитая вичами».

Сегодня мы знаем размеры судна, построенного архангелогородцами (в литературе ее называют «Восток», «Святое Ламское море»): восемь с половиной сажени на три и на три с половиной сажени. Строил Кирилл Плотницкий. Сажень — примерно 2 метра 20 сантиметров: то есть длиной примерно 18 метров, шириной шесть с половиной метров и высотой четыре метра.

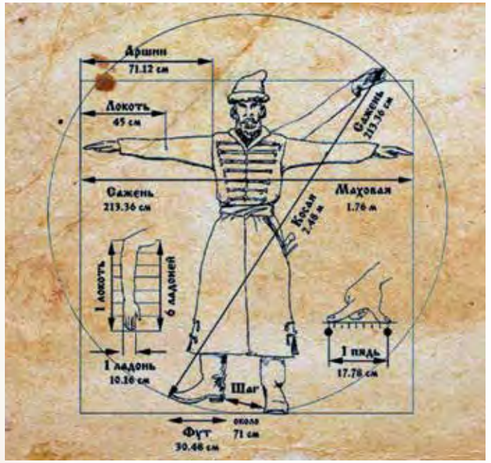
Для справки:
Сойма — длина 5–12 м, грузоподъемность 10–15 т, экипаж 2–3 чел. Имели 2 короткие мачты- однодеревки со шпринтовыми парусами, иногда кливер. Передняя мачта располагалась почти у форштевня, задняя в средней части судна. Корпус соймы имел наибольшую ширину к носу от мидель-шпангоута. Форштевень и киль делали из одного елового ствола с корнем, остальной набор крепили деревянными нагелями, а обшивку к набору крепили внакрой вицей. Большие соймы имели палубу с люками и трюмы. В носовой части хранили провизию и судовое имущество, средняя предназначалась для грузов, в корме размещался экипаж.

Вот на таких суденышках архангелогородские мореходы покоряли Тихий океан, вывозили с Камчатки пушнину, меняли служилых людей.

Мы чтим имя великого мореплавателя Витуса Беринга. Но привел бот «Святой Гавриил» к берегам Аляски вовсе не он, а архангелогородский мореход Кондратий Федорович Мошков (он же был и участником Первой Камчатской экспедиции, задачи которой и выполнил четыре года спустя — в августе 1732 года, открыв существование американской земли). Он же обследовал Шантарские острова, побывал и на Курильских островах.

Великий мореплаватель Иван Крузенштерн в 1805 году

не смог найти судоходного русла реки Амур, сев на мель и введя в заблуждение Адмиралтейство, что Амур — реке не судоходная. Но еще летом 1730 года экипаж бота «Святой Гавриил» (мореходом на котором был все тот же неугомонный Мошков) определил, что у Амура два устья: одно — глубиной от 5

до 6, а другое от 15 до 20 саженей, пригодное для судоходства. Но у нас жизнь протекает еще по одной общей формуле: иностранцы знают все наши секреты, а мы только и делаем, что наступаем на исторические грабли, открывая то, что давно открыли наши предки, или изобретаем то, что ими же давно изобретено…

И начиная с 12 августа 1743 года из Нижнекамчатского острога один за другим отправились покорять Тихий океан «шитые вичами» суденышки, так и называемые шитиками, мореходами на которых были выходцы с Русского Севера, в том числе и архангелогородцы, благодаря которым Россия приобрела Русскую Америку…

А потом немецкие родичи Петра Великого не за понюх табака, как гнилой ненужный товар, сбагрили Русскую Америку Северным Соединенным Штатам Америки…

Бот «Святой Гавриил», гравюра

Закат на Амуре, фото А. Степанова, khabmeteo.ru

Астрахань, здание бывшей торгово-промышленной биржи

АСТРАХАНЬ

Русская крепость Астрахань была возведена на берегу Волги в 1558 году. Так у России появился второй (после северного Архангельска на Белом море) порт на Каспии, который обеспечивал не только торговый путь в Азию, но и создавал для России очень важный рыбопромысловый прецедент — Россия впервые за свою историю выходила на мировой рыбный рынок.

Безусловно, это было напрямую связано и со вторым (если не первым?!) по значению соляным промыслом в Астраханской губернии — знаменитое озеро Баскунчак давало до 80% всей добываемой в России соли, потеснив некогда знаменитые северные усолья.

Это была рыбная столица России на протяжении нескольких веков.

Великий Петр внес и здесь свою лепту — записав все рыбные промыслы на себя, великого государя, сделав промыслы казенными и породив тем самым незаживающую на теле государства и по сей день язву — браконьерский промысел.

Удивительно — впрочем, чему мы удивляемся — ведь спрос рождает предложение, при том обилии соли, какое было в губернии, к посолу каспийской сельди приступили лишь в 1824 году, а на воблу смотрели как на сорную рыбу. В чести была только царская, или красная, рыба — осетрина и черная икра.

В годы развитого социализма дальневосточники с пренебрежением относились к «митьке», как они называли минтай, который сегодня является самой востребованной рыбой в мире.

Так сушеная вобла и соленая селедка стали очень скоро кормилицами России, ее символикой.

Соответственно изменились и пропорции промысла: «В первом десятилетии XX века в Каспийском море с низовьями впадающих в него рек добывалось ежегод-

но рыбы больше, чем в любом другом море России (в среднем 32,5 миллионов пудов, что составляло 52% русской и 11% мировой добычи. На долю Астраханской губернии из этого количества приходилось в среднем 15 миллионов пудов, или 25% добычи всей Российской империи, или 5% мировой). Среди добываемых видов рыбы преобладала сельдь, составляющая не менее 42% от общего морского и речного улова, а также вобла — 38%. Рыбы осетровых пород (белуга, осетр, севрюга и стерлядь) составляли не более 2%. На остальные виды рыб (судак, сазан, лещ и пр.) приходилось 18%».

Но самое удивительное не в этом — первый рыбоконсервный завод в Астрахани был пущен в эксплуатацию лишь в 1911 году.

В этом же году на Камчатке, рыбная промышленность которой ведет начало своей истории только с 1896 года, выпуск рыбных консервов был уже налажен, и губернатор области В.В. Перфильев в своем отчете отмечал: «...В Усть-Камчатске... в текущем году выпущено уже 18000 ящиков консервов (по 48 банок). Главный сбыт их в Лондоне» (а ведь тогда о Северном морском пути еще даже речи не было — доставляли Южным, но все равно было выгодно!).

Получение икры в Астрахани; литография, 1913 г.

На фото: выловленные осетры на Нижней Волге

Строительство же рыбоконсервных заводов на полуострове началось в 1899 году.

И это был серьезнейший технологический прорыв в развитии рыбной отрасли Дальнего Востока, которая сегодня занимает лидерствующее положение в России.

Консервы из лососевых видов рыб в годы советской власти стали стратегически важными, так как приносили стране валюту. С 1927 по 1936 год на Камчатке были построены 16 суперсовременных по меркам той эпохи рыбоконсервных заводов.

А вот что касается профессиональных кадров, то этот вопрос в СССР решился в 1930 году, когда по приказу Наркомата внешней и внутренней торговли в Москве и Астрахани были открыты институты рыбной промышленности и рыбного хозяйства.

Вообще, примеров появления людей с характерной фамилией Астраханцев в сибирской и дальневосточной истории предостаточно.

Одним из первых был Иван Астраханец, ставивший в 1594 году Сургут, потомки которого впоследствии служили в Томске. Вот что сообщал в 1680 году его внук Сенька Михайлов сын Астраханцев: «...Дед ро-

1958 г. Рабочие упаковывают икру на консервном заводе в Астрахани

дом вологжанин (вероятно, воложанин? — С.В.), по указу государя прислан в Сургут город строить, а потом переведен в Томск, куда его отец был привезен в молодых летах и верстан в конную службу, а он родился в Томске и верстан в отцово место. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Другой томский казак — Митька Астраханцев в том же 1680 году уточняет свою родословную: «Дед астраханец. В Томск перешел «город ставить» в конную службу, убит на службе. Отец и он сам родились в Томске, 6 четв. ржи, 4 четв. овса, 2 п. соли. Пашни нет».

В книге «Древний город на Оби: История Сургута» говорится об Иване Астраханце, строившем в 1594 году Сургут и «ставшем в дальнейшем» тобольским сыном боярским. Он также «ставил» Томск, Кузнецкий и Красноярский остроги, ходил к Ямышевскому озеру, где возвел в 1634 году первый «русский» острог.

В материалах Якутской приказной избы за 1675 год мы находим такую вот запись: «Выписка по делу о выдаче ссыльному астраханскому подьячему Алексею Халдееву, назначенному в пашню в Якутском остроге, “пашенного завода” (лошади, серпа и косы) и отводе ему сенных покосов». А вот и подробности: «1674 г. Привезен из Тобольска вместе с другими астраханскими бунтовщиками астраханский подьячий Алексей Халдеев “с приставы и с провожатыми с тобольскими служилыми людьми”. Велено устроить его на пашне и беречь, чтоб он куда не ушел. Вина его состояла в том, что он во время бунта Стеньки Разина был увлечен насильно есаулом Лазарем Тимофеевым из Астрахани в Симбирск в качестве писца и затем с Федором Желудяком, ближайшим (соратником) Васьки Уса, — в Царицын, а оттуда опять в Симбирск, участвовал в осаде Соляного городка и писал письма на Терек к тамошним жителям, чтобы они убили стольника и воеводу Петра Прозоровского, и проч. Указ на имя воеводы Волконского, привезенный в следующем году с казаком Матвеем Курочкиным, повелевал, в случае нового воровства Халдеева, казнить его смертною казнию, не отписываясь к великому государю. Халдеев умер 8 февраля 1706 г., будучи подьячим приказной избы». И, как выясняется, профессионалы ценились везде — и у Разина, и у якутских воеводов: «...А. Халдеев в Якутск прибыл в сентябре 1674 г. и здесь жил и работал долго. Вначале пахал пашню на Амге как пашенный, затем был зачислен в штат подьячих приказной избы, то есть попал в один из высокооплачиваемых разрядов служилых людей. В этом чине он работал и в 1702 г. В ходе службы увеличивалось и годовое жалованье. По окладной книге

Фото Арсена Федосенко, ua.osetr.co

1686 г. он получал 6 рублей денег, 7 четвертей с осминой ржи, овса тож и 2 пуда соли. А в окладной книге 1691 г. денег значится уже 15 рублей, хлеба 8 четвертей с осминой и с полтретником и с полполчетвериком ржи, 7 четвертей с осминой овса, 4 пуда соли».

В 1702 году якутский подьячий Алексей Халдеев составлял роспись товаров, разграбленных казачьим головой Владимиром Атласовым и его казачьей командой на реке Тунгуске, за что все «заводчики» этого грабежа вместо Камчатки попали в якутскую тюрьму.

В 1685 году в Нерчинском остроге служит казак Петр Астраханцев, оставивший большое потомство.

В 1699 году в Иркутске служит в казаках Мишка Федоров Астраханцев, а в 1722–1723 годах правителем Илимского воеводства назначен иркутский дворянин Петр Федорович Астраханцев.

В 1748 году в Нижнекамчатском остроге служил казак Вавила Астраханцев

Вот так рассеивались Астраханцевы и астраханцы по всей Сибири-матушке.

Но я хочу продолжить рыбацкую тему.

19 октября 1933 года в Астрахани родился Владимир Афанасьевич Бирюков, которому в истории Камчатки выпало исключительное по своей напряженности время, когда от него, как от человека, как от профессионала, потребовались не только умения, знания, опыт, но и колоссальное мужество, которым, как показало время, обладали далеко не все, кто был в это время рядом с ним.

Ему выпало быть губернатором Камчатки с 1991 по 2000 год включительно. К этому времени, к правительству России, правительству Камчатской области у всех нас, кто жил в это время, особый счет. Но, на мой взгляд, Владимир Афанасьевич был достойным капитаном на земле-корабле, попавшем в 12-балльный (по высшей шкале) социально-экономический и демографический шторм.

Главное детище полуострова — ее рыбная отрасль — не рассыпалась в прах и пыль, как это произошло по всему Дальнему Востоку России — и особенно в Приморье и на Сахалине, где рухнули все гиганты советской рыбной промышленности: «Дальморепродукт», Владивостокская база тралового и рефрижераторного флота, Корсаковская база океанического рыболовства, Невельская база тралового флота, а также практически все рыболовецкие колхозы региона…

Но я хочу рассказать не об этом периоде его жизни.

Владимир Афанасьевич закончил Астраханский институт рыбной промышленности и рыбного хозяйства и в 1956 году был направлен на Камчатку — работал механиком и главным механиком Кихчикского, Октябрьского и Озерновского рыбокомбинатов. Рыбокомбинат — это объединение нескольких рыбоконсервных заводов и рыбоперерабатывающих баз, представлявших (каждый!) отдельные населенные пункты, расположенные от центральной базы на 10–40 километров.

Впоследствии В.А. Бирюков вырос до начальника Камчатрыбпрома — главного производственного объединения всех государственных рыбопромышленных (добывающих и перерабатывающих) предприятий Камчатской области, а затем и до председателя Камчатского облисполкома.

Как раз в этот период начинается известная на всю страну — не на нынешнюю, а на весь огромнейший Советский Союз, афера чиновников ЦК КПСС, направленная на дискредитацию человека, который сорок лет возглавлял рыбную отрасль СССР, будучи наркомом сталинского призыва, — министра рыбного хозяйства СССР Александра Акимовича Ишкова.

Эта афера называлась «Рыбное Дело».

Суть ее заключалась в том, что А.А. Ишков в целях снижения цены рыбы для населения страны, имея полномочия на оптовую продажу рыбы на внутреннем и внешнем

Александр Николаевич Якунин вручает памятную медаль им. А.А. Ишкова Владимиру Афанасьевичу Бирюкову

рынках, добился строительства по всей стране магазинов «Океан» для обеспечения розничной продажи рыбы внутри страны, минуя посредников от Министерства торговли.

Торговцы, наживавшиеся на искусственном дефиците рыбы и икры, а также прикормленные ими чиновники из ЦК КПСС, курирующие рыбную отрасль, этого ему не простили — и раскрутили дело, которое впоследствии пришлось стыдливо прикрыть, но в результате поспешных следственных действий и столь же поспешных приговоров был расстрелян заместитель министра дальневосточник Владимир Ильич Рытов, а руководители крупнейших производственных объединений долгое время находились под следствием, некоторые из них, не выдержав моральных пыток, ушли из жизни…

Следственную схему разбил в пух и прах земляк Владимира Афанасьевича, уроженец Астрахани, закончивший тот же институт, Юрий Иванович Кокорев, который в это самое время возглавил экономическое управление Министерства рыбного хозяйства СССР. И, наделав много шума, «Рыбное Дело» было тихо списано в архив…

Но под шумок успели отправить на пенсию сталинского наркома, который за свои 40 лет руководства сумел вывести рыбную отрасль СССР на самые передовые рубежи в мире — советские рыбаки в это время уже вели промысел во всех четырех океанах мира.

И, разумеется, среди них, как и среди командиров отрасли, были и многочисленные выпускники Астраханского рыбвтуза…

Юрий Иванович Кокорев в просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов»

Магазин «Океан» в Петропавловске-Камчатском

Карымский вулкан, п-ов Камчатка

Камчатка, lookw.ru

БОЛЬШЕРЕЦК

В 1701 году с прибытием первого официального приказчика Камчатки Тимофея Родионовича Кобелева с отрядом якутских казаков начинается активное заселение полуострова служилыми людьми.

Владимир Атласов в своем первом походе на Камчатку прошел западным побережьем до реки, которая впоследствии получила название реки Голыгиной. Еще Степан Петрович Крашенинников задавался вопросом об истории происхождения этого названия. Но точного ответа никто из камчатских казаков ему дать не смог. Не нашел он ответа и в архивных материалах.

Поэтому с легкой руки Степана Петровича появилась версия о том, что в походе Атласова участвовал некий казак Голыгин, который якобы в этой самой реке утонул…

Но Владимир Атласов ни словом не обмолвился об этом факте.

Борис Петрович Полевой установил, что, действительно, в отряде Атласова был якутский казак Никита Голыгин, но он благополучно вернулся из похода и был на Камчатке в год смерти (точнее, убийства) Атласова в 1711 году, и даже, по некоторым данным, был сопричастен к этому убийству и казачьему бунту, но ему удалось уйти от ответственности и возвратиться в Якутск в 1713 году в отряде десятника Василия Савастьянова Щепетного.

Моя версия такова — до этой реки доходил во время одного из двух своих камчатских походов (самостоятельном или под руководством Луки Семенова Мороски Старицына) в 1690-х годах Иван Васильевич Голыгин. И поэтому река Голыгина, как и река Морошечная (на которой по одной из версий погиб Мороска), названы их именами.

Кстати, на Камчатке не так много топонимов, связанных с казачьими фамилиями, появившихся еще до того, как их зафиксировал в своем труде студент Славяно-греко-латинской академии Степан Крашенинников.

Хотя здесь были весьма любопытные личности.

Например, казак по имени Мыкыз, или Имикыз.

Степан Петрович Крашенинников, рассказывая об истории Большерецкого острога, сообщал в главе «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» очень интересные вещи: «…прикащик Черкашенин августа 6 дня (1703 года. — С.В.) отправил служивых 15 че-

ловек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить… которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенный анбар и зимовья построили».

Река Большая (камчадалы называли ее Кыкша) — действительно, самая большая на западном побережье Камчатки, была и самой густонаселенной — в ее бассейне находилось более десятка хорошо укрепленных острожков и народ был весьма воинственным.

Река Большая во времена С. Крашенинникова считалась северной границей Курильской землицы, которую населяли не камчадалы, а курильцы (айны), смешавшиеся уже с камчадалами, почему их называли также курильскими камчадалами.

Мыкыз (Имикыз) — это настоящее, еще не разгаданное имя якутского казака Данилы Петрова сына Беляева Мыкыза, который служил в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Он пришел на Камчатку в 1701 году в отряде Тимофея Кобелева и был направлен ясачным сборщиком на реку Большую.

Удивительно, но его курильские камчадалы не тронули. Вскоре вы поймете, что и почему меня удивляет в этой истории.

Мы знаем сегодня имена первых строителей Большерецкого острога.

Приказчиком был Дмитрий Ярыгин. С ним был умерший в Большерецком остроге от старости уроженец Тобольска (предки которого были выходцами из Березова, а сам древний дворянский род из Рязани) Иван Григорьевич Мокринский, потомок Савватия Ивановича Мокринского — брата Святого Долмата Исетского (в миру Дмитрия Иванова сына Мокринского).

А вот состав казаков, который был полностью уничтожен большерецкими воинами в 1707 году: Василий Барабанщиков, Василий Барашнаев, Павел Воробьев, Афанасий Воронин, Андрей Зырянов, Петр Истомин, Никифор Карнаухов, Кондратий Кожемяка, Никифор Кочкуров, Сава Крохин, Владимир Крылов, Андрей Лунянов, Андрей Панаевский, Алексей Пантелеев, Петр Протасов, Алексей Петров, Петр Прянишников, Петр Птицын, Сергей Ружников, Иван Сергивеев, Андрей Скуриха (Скураха), Артемий Травин, Петр Травинин, Петр Тупицын, Иван Харчевников, Никифор Юрлов.

Этот, 1707 год, был вообще переломным в истории Камчатки.

Данила Петров сын Беляев Мыкыз (казак со стажем — поверстан в службу в 1688 году) обвинил казачьего голову при-

Река Большая. Автор: YakovLew, commons.wikimedia.org

казчика камчатских острогов Владимира Владимирова сына Атласова в присвоении им черно-бурой лисицы, полученной от крещеного камчадала Ивана Ворыпаева.

К этому времени ситуация на Камчатке сложилась крайне критическая из-за непродуманных действий казачьего головы, который, вместо того чтобы тушить разгоревшийся пожар восстаний аборигенов, подбрасывал в огонь все новые и новые порции дров — камчадалы уничтожили не только гарнизон Большерецкого острога и сожгли сам острог, они разгромили крупный русский военный отряд на берегу Авачинской бухты и повсеместно уничтожали разрозненные отряды ясачных сборщиков.

Агрессивная политика Атласова, направленная на запугивание местного население, приведение его «встрах», получала достойный отпор от местных воинов, которые не боялись смерти и которых, по крайней мере, в то время — на заре колонизации — невозможно было запугать.

Атласов попытался было палашом зарубить Беляева — ему не дали, оттащили. Оттащили, кстати, будущие участники убийства Владимира Владимировича и еще двух приказчиков — Чирикова и Липина, которое совершится через четыре года, — казаки Иван Башмаков, Григорий Переломов и Харитон Березин.

Все попытки казаков, предпринятые ими для восстановления Большерецкого острога в период с 1707 по 1711 год, были провальными.

Вот, например, итоги Большерецкого похода 1710 года, о котором сообщает доктор исторических наук профессор Андрей Сергеевич Зуев: «…на р. Большую послал 40 казаков во главе с И. Харитоновым “усмирять изменников староплатежных ясачных иноземцов, и вновь неясачных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку призывать”». Но Харитонову… не повезло, его отряд был разбит. Причем описание этих событий дается в двух версиях. Согласно одной, изложенной в челобитной камчатских казаков и повторенной затем С.П. Крашенинниковым, отряд Харитонова внезапно днем, «на ходу» (на марше), был атакован иноземцами с р. Большой и с других рек, которые «скопився в многолюдстве». Внезапность нападения дала ительменам некоторое преимущество, и они сразу убили 8 казаков и многих (в том числе Харитонова) «испереранили». Однако казаки, вероятно, достаточно быстро оправились и «боем отбились», укрывшись в ближайшем пустующем ительменском острожке. Целый месяц они просидели там в осаде и, не дождавшись помощи из Верхнекамчатска, с трудом спаслись бегством.

Другая версия, зафиксированная опять-таки Крашенинниковым (несомненно, со слов казаков), представляет ход событий иначе. Харитонов, придя на р. Большую, осадил там какой-то острожек. Через некоторое время иноземцы сдались и впустили русских, обещая заплатить ясак. Отряд расположился в острожке. После этого к Харитонову стали приезжать тойоны из «нижних острожков» и уговаривать его поехать вниз реки, поскольку туда якобы им всем будет удобнее свозить ясак. Часть казаков категорически возражала против этого, подозревая со стороны ительменов обман. Однако пятидесятник не послушал их и отправился на батах вниз по реке. Далее случилось следующее: «Бывшие на батах в каюрах иноземцы завезли их в протоку очень быструю и тесную и, выскоча из батов, стали служивых побивать, а на берегах той протоки были другие иноземцы, которые там под скрытом сидели и дожидались их, которые в то же время из луков по них стреляли и убили из них 12 человек, сверх того многих переранили, а остальные едва отбиться могли и оттуда ночным временем побежали на Камчатку, а в дороге у них от голоду человека с три умерло».

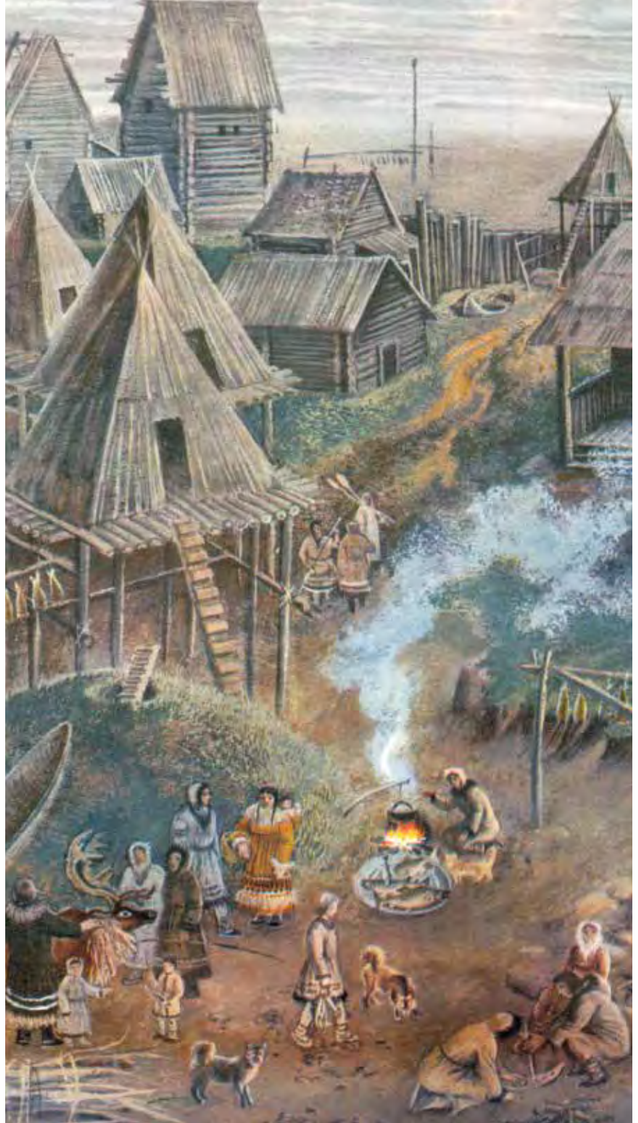

«Город Большерецк – столица Камчатки», английская гравюра, 1785 г. с рис. Веббера, художника экспедиции Д. Кука

Ситуация изменилась в 1711 году, когда против произвола камчатских приказчиков, точнее приказчика Осипа Миронова сына Липина, который под видом проведения розыска по делу об отстранении от власти Владимира Атласова вымогал пушнину у казаков, вос-

стали сначала верхнекамчатские казаки, а потом к ним примкнула и значительная часть нижнекамчатских — и сводный отряд из 75 человек, убивших трех камчатских приказчиков — Липина, Атласова и Чирикова — и поделивших их «пожитки», отправились заслуживать прощение от царя за это убийство и грабеж, приводя в ясак непокорных большерецких камчадалов и восстанавливая из пепла Большерецкий острог.

И вновь мы возвращаемся к «Хронике присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII — первой четверти XVIII в.» А.С. Зуева: «В марте 1711 г. «бунтовщики»-казаки в количестве 70–75 чел. во главе с выборными атаманом Данилой Яковлевичем Анциферовым и есаулом Иваном Петровичем Козыревским отправились на Большую реку “для построения вновь там острога и для приведения по-прежнему в ясашный платеж большерецких изменников”. 23 апреля на р. Большой они «розбили» иноземческий острожек Кушуги, который отказался идти в ясачный платеж. При штурме погибли три казака. Взяли в аманаты самого Кушугу и под него ясак. Ниже прежнего русского ясачного зимовья, вероятно, на месте разбитого Кушугина острожка, между впадающими в р. Большую речками Быстрою и Гольцовкой, построили свой «острог земленой, в нем ясачное зимовье,

Художник С. Бордюг. Н.Я. Эйдельман «Что там, за морем-океаном?», М., 1984

а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили». После этого призвали миром в ясачный платеж 8 «изменников» — «Карымчу Товача с товарыщи». Позднее успех этого предприятия приписывал себе И. Козыревский: «И на показанной Большой реке острог и ясачное зимовье из-за бою со служилыми людьми поставил, и с бою аманатов взял, и в вечной ясачной платеж привел».

20 мая новопостроенный острог был окружен большерецкими иноземцами пяти острожков во главе с Каначем, который призвал «к себе с иных многих посторонних рек иноземцев». По его призыву приплыло «сверху и снизу Большой реки великое множество батов, а в них было Пенжинского моря, авачинских и курильских иноземцов числом около трех тысяч». Это было первое крупное совместное выступление ительменов, которые выставили объединенное ополчение. Надеясь на свое явное численное превосходство, «изменники», «ходя около острогу, всячески служивых устрашали, грозя не стрелами, но шапками их побить». На следующий день, 21 мая, ительмены пошли на приступ, но были отбиты. После этого, отслужа молебен (с казаками был архимандрит Мартиниан — на самом деле поп-расстрига, бывший архимандрит, сосланный на Камчатку из Томска в пешие казаки за незаконное винокурение. — С.В.), половина казаков пошла на вылазку. Поддержанные оружейным огнем из острога и сами сделав один залп, смельчаки бросились врукопашную («бились на копьях»). Не ожидавшие контратаки ительмены пришли в замешательство и бросились бежать, «кому куда способнее было». «А понеже, — как писал Крашенинников, — они приплыли к острогу на батах, то бросаясь в оные, иные перетонули, а иные побиты; и сия их погибель столь была велика, что реки запрудились трупами». О большом количестве погибших ительменов сообщали и сами казаки. Но при этом вряд ли будет ошибкой считать, что большая часть погибших «изменников» утонула в реке в суматохе бегства. Именно поэтому много трупов оказалось в воде, а не на берегу. Погиб и сам «пущий вор и заводчик» бунта Канач. В этой связи стоит обратить внимание на одно очень интересное наблюдение Г.В. Стеллера: «Если в прежние времена кто-либо случайно попадал в воду, то ительмены считали большим грехом, если этому человеку удавалось как-нибудь спастись. Они того мнения, что раз подобному человеку уже было предназначено утонуть, то он поступил неправильно, не утонув. Такого человека с тех пор никто уже не впускал в свое жилище, никто больше с ним не разговаривал, ему

В.А. Шохин, Юкольный городок, 1988 г. (из фондов КГБУ ККОМ)

не подавали решительно никакой пищи, не отдавали ему женщин в жены. Такого человека ительмены считали на самом деле уже умершим…» При таком отношении к воде неудивительно, что среди ительменов оказалось много утопленников. Правда, тот же Стеллер сообщал, что казаки самым жестоким образом расправились с пленными: «Взятые тогда в плен туземцы были безжалостно забиты насмерть ремнями и дубинами; некоторых туземцев раздели догола, без различия возраста, вымазали все тело вонючею рыбою и бросили их живыми на растерзание голодным псам». Потери же со стороны русских составили всего три человека убитыми да несколько казаков было ранено.

Разбив наголову ительменское ополчение, казаки двинулись подчинять пять большерецких острожков, которые выступили инициаторами и организаторами нападения на Большерецк. Первым делом они приступили к острожку Карымчи Тавача и осаждали его до 8 июля, неоднократно пытаясь взять штурмом. Ительмены не выдержали осады: частью бежали, частью сдались. Тавачев острог был разорен. Затем «к ясачному платежу привели и усмирили» остальные четыре острожка. После этого казаки подчинили несколько острожков в низовьях р. Большой. Крашенинников сообщал, что всего после разгрома ительменов казаки вниз по течению реки ниже Большерецка взяли 12 «иноземческих» острожков, собрав с них ясак.

Решительные действия казаков привели к некоторому «умиротворению» большерецких ительменов в результате ликвидации очагов их наиболее активного сопротивления и, вероятно, физического уничтожения лидеров этого сопротивления. Однако ситуация на Большой реке оставалась напряженной, большереченцы еще какое-то время предпринимали попытки уничтожить на своей земле русский острог: «под новопостроенной острожек многажды нощным временем большерецкие иноземцы с огнями подходили, чтоб оной острожек сжечь, однакож де всегда от него не без урону отбиваны были».

Новый переломный момент в истории Большерецкого острога наступает в 1716 году, когда мореход Никифор Моисеевич

Треска (Тряска) и пятидесятник пятнадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка Кузьма Соколов (к сожалению, историки так и не выяснили его отчества) проложили морской путь на Камчатку на ладье (лодии), которую кто-то из историков называет «Восток», кто-то — «Святое Ламское море».

Значение Большерецкого острога стремительно возрастает — он становится вторым тихоокеанским портом России после Охотска, откуда и пришла на Камчатку ладья.

Поэтому С.П. Крашенинников, сам житель Большерецкого острога в период своего нахождения на Камчатке, отмечал в своем труде Чекавинскую гавань — портпункт Большерецкого острога: «Примечания достойна она потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульных, и кладовые анбары от Камчатской (первой. — С.В.) экспедиции построены. Суда заводятся в оную во время прибылой воды, а в убылую воду так она узка, что через перескочить можно, и так мелка, что суда на боку валяются; однако от того не бывает им повреждения, для того что дно ее мягко.

Амшигачева, по-камчатски Уаушиммель, речка от Чекавиной верстах в 9 течет в Большую реку с северо-восточной стороны. Обе объявленные речки прозваны от казаков именами камчадалов, Чекавы и Амшигача, которые на них жилища свои имели».

В бассейне реки Амшигачевой имел свое летовье большерецкий казак Семен Васютинский.

На реке Начиловой («Чакажу» на языке камчадалов) стоял в то время острожек Чакажуж, тойоном которого был Гурулей. Что интересно: «Строения в нем две юрты, 9 балаганов да одна изба казачья сына Алексея Мутовина. Ясашных 5 человек, из которых один собольник да 4 лисичников».

Пристань Большерецка, мысок на Гольцовке с балаганами и частью собачьего лагеря, Комаров В. Л., «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»

Алексей Мутовин не случайно жил среди камчадалов — он и был по матери одним из них и служил толмачом.

А вообще исконная фамилия камчатских Мутовиных — тобольская казачья фамилия Мутовкины. А мутовка — это та же кухонная принадлежность, что и шумовка.

Река Большая образуется в результате слияния двух самых больших ее притоков — реки Быстрой и реки Плотниковой.

Быстрая река, по-камчадальски Конад, которая вершиною сходится с истоками реки Камчатки, была использована в свое время Витусом Берингом для переправки грузов Первой Камчатской экспедиции в Нижнекамчатский острог: «Путь сей хотя бы был труден и несколько продолжителен, ибо ради быстрого реки течения и многих находящихся на ней шивер и порогов, где кладь берегом обносить должно, более десяти верст на день перейти нельзя…»

С.П. Крашенинников сообщает и подробности о людях, живущих здесь: «Жилья по реке Быстрой: 1) заимка Трапезникова (иркутского посадского (торгового) человека Никифора Трапезникова. — С.В.), которая стоит над устьем протоки Ланхалан, а в ней два двора; 2) Остафьева заимка от устья в 6 верстах, а в ней 4 балагана да 2 шалаша, в которых живут двое служилых и 5 человек камчадалов из холопства освобожденных; 3) Запороцкова заимка (ссыльного Антона Запороцкого, возможно Запорожского. — С.В.); 4) Карымова (вероятно, зимовье служилого Карымова. — С.В.), а в них по одному двору; 5) камчатской острожек, Карымаев называемой («в нем 16 балаганов, тойон называется Карымай)».

В примечаниях С.П. Крашенинникова находим интересную запись: «Господин Штеллер пишет, что в Запороцкой заимке поселено несколько переведенцев поблизости пахотных мест, что учинилось уже по выезде моем с Камчатки».

Конечно, ни о какой реке Плотниковой Степан Петрович не знал — для него это была все та же река Большая. Он знал реку Сугачь, которая «потому известна каждому из тамошних жителей, что по ней выежжают на реку Авачу… Не доежжая 7 ½ верст до речки Сугача, есть камчатский острожек Мышху, он же и Начикин, которой стоит на южном берегу реки Большой».

Что касается Плотникова, то в тот период был известен только один, которого, в числе других, было приказано «арестовать по обвинению в «лихоимствах» казаков А. Штинникова, О. Соловьева, Н. Дурынина, М. Сапожникова, Ивана Герасимова, Максима Плотникова и солдата А. Змиева». Но о нем нам пока ничего не известно.

Мирное сосуществование казаков и камчадалов, описанное С.П. Крашенинниковым, как раз и произошло после крупнейшего в истории полуострова восстания камчадалов, вошедшее в историю под названием Харчинского бунта, главные виновники которого перечислены выше.

Это был повсеместный ответ камчадалов севера и юга, востока и запада Камчатки на творившийся на полуострове казачий беспредел, о котором с негодованием пишут все исследователи Камчатки, начиная со Степана Крашенинникова и Георга Стеллера.

Но так уже бывает в истории, что эти же самые «герои» эпохи начальной колонизации стали патриархами камчатских родов, потомки которых породнились за последующие столетия со всеми некогда противостоящими им родами камчадалов-аборигенов, став де-факто «камчадалами русской крови».

Вот список тех большерецких казаков, которые понесли наказание в результате следствия по Харчинскому бунту:

«В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшой, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской».

Часть из этих казаков в 1741 году будет переведена в Петропавловскую гавань для охраны построек и грузов Второй Камчатской экспедиции и станут первыми старожилами селения Петропавловская Гавань, или просто Гавань, — Усовы, Сургуцкие, Валынкины, Соловьевы, Новограбленные, Поповы, Чупровы…

В 1740 году Большерецкий острог становится главным административным центром Камчатки, где располагается Большерецкая приказная изба.

А через 40 лет после Харчинского бунта, в 1771 году, в Большерецком остроге прогремел на весь мир уже Большерецкий бунт.

Дело в том, что при царе Петре Камчатка становится местом политической ссылки – сюда ссылают важнейших государственных преступников, заподозренных не просто в государственной измене, а в государственном перевороте, дворцовом заговоре.

Так в 1742 году на Камчатку попадают Турчанинов, Ивашкин и Сновидов.

В 1762-м — Хрущов и Гурьев.

А в 1771 году Степанов с Пановым и присоединившиеся к ним по пути «изменники присяги», данной ими при первом пленении не воевать против России, но тут же ими и нарушенной и снова попавшие в плен к русским, швед Винбландт и словак из Священной Римской империи (Австро-Венгрии) на польской службе в Барской антироссийской конфедерации барон Беньевский.

Большерецк в то время представлял из себя раскаленный котел различного рода страстей.

Про первых, самых грамотных, мы уже сказали — они томились в ссылке, не находя

Группа жителей Большерецка в начале 1922 г. (фотография экспедиции С. Бергмана)

применения своим способностям, желаниям и, разумеется, страстям.

Через Большерецк проходила морская дорога в Русскую Америку, и здесь постоянно шел накал страстей другого рода — пушного бизнеса. В результате размолвок в связи с крушением судна промышленники убили своего хозяина — тотемского купца Федора (Федоса) Холодилова — и готовы были бежать теперь от наказания хоть на край света.

Среди камчатского служилого люда (а особенно среди моряков) тоже кипели свои страсти в связи с тяжелой службой.

Этим и воспользовались ссыльные, составив заговор и захватив власть в Большерецком остроге. Больше для нагнетания страха, нежели по необходимости, они убили камчатского командира капитана Нилова, который, кстати, к ним благоволил и даже нанял Беньевского с товарищами учителем к своему сыну. Разграбив местные торговые лавки, отняв оружие у местного населения, загрузив продовольствие и казенную пушнину на паромы из батов, сплавились в Чекавинскую гавань, где захватили галиот «Святой Петр» и ушли на нем в Китай.

Худ. И.П. Пшеничный. Казаки идут

Об этой истории уже писано-переписано, но все-таки скажем, что часть беглецов, в том числе и из коренных жителей Камчатки, которые, будучи промышленниками, тоже участвовали в заговоре и бунте, вернулись в Россию. Но не из Китая, куда они первоначально отправились вместе с главным «заводчиком» бунта Августом Беньевским, а уже из Франции.

Другая же часть отправилась с Беньевским завоевывать для Франции Мадагаскар (барон, правда, предлагал французскому правительству завоевать остров Формозу (Тайвань), на котором он побывал со своими людьми во время путешествия в Китай, но французы решили, что Мадагаскар для них поближе).

Что интересно: сопротивление бунтовщикам оказал только один человек в Большерецке — отставной сотник Иван Черных, кстати, его внук Павел Николаевич, тоже к тому времени отставной матрос, принимал участие в обороне Петропавловского порта в 1854 году и был награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

В связи с событиями Большерецкого бунта в 1771 году мы узнаем о том, что здесь проживает иркутский посадский Бречалов из семьи знаменитых иркутских купцов, один из которых примерно в эти же годы был бургомистром Иркутска, а также крестьянин Игнатьев — патриархи камчатских родов Бречаловых и Игнатьевых.

В 1773 году командир Камчатки Т.И. Шмалев составил описание Большерецка: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская большерецкая канцелярия… Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1783 году в связи с образованием самостоятельной Охотской области с Нижнекамчатским уездом новый административный центр полуострова перемещается из Большерецкого острога в Нижнекамчатский.

А кругосветные морские экспедиции, которые следовали в Петропавловский порт, а далее в Русскую Америку, «поставили крест» на Большерецком остроге как на важном портовом пункте.

В Иркипедии приводятся следующие данные о Большерецке: «Помимо ка-

зенных зданий, церкви и торговых лавок при остроге находились в 1726 — 17 жилых дворов, в 1738 — 33, 1773 — 41, к 1820-м гг. — 10, в 1909 — 19. Поселение располагалось на нескольких островах, разделенных протоками. В XVIII в. основное население составляли военнослужащие: в 1727 — 40 человек, 1759 — 79, 1775 — 152, 1799 — 24 человека».

Уроженец Большерецка Дмитрий Павлович Логинов в своей замечательной книге «Большерецкий острог», отчасти продолжающей знаменитое «Описание земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова, перечисляет количество фамилий жителей Большерецка на начало XX века: Логиновы, Коллеговы, Селивановы, Бречаловы, Игнатьевы, Сторожевские, Ворошиловы…

Русские — из рода казака Ивана Черных — также проживали еще и в соседнем селе Апача, где в основном жили только камчадалы.

Но именно эти немногочисленные жители Большерецка стали ядром большерецкой народной дружины, отразившей нападение на Камчатку японцев в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Первым начал боевые действия в устье реки Большой 13 мая 1904 года отставной казак Александр Максимович Селиванов.

Вот что сообщал об этом в своем отчете начальник Петропавловского уезда Антон Сильницкий: «13 мая большерецкая застава уже имела дело с японцами, причем 13 японцев было убито, а шхуна сожжена. Интересно, между прочим, что большерецкая застава пошла в атаку шхуны под начальством отставного 50-летнего казака Александра Селиванова по старому волжскому способу — «сарынь на кичку» (то есть на абордаж. — С.В.), и при этом на простых батах».

Селиванов Александр Максимович был по указу царя награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней, его сын — Александр Александрович — серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени. Селиванов Иван Ильич — Георгиевским крестом 3-й степени. Селиванов Николай Ильич — Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. Селиванов Павел Максимович — серебряной медалью «За усердие».

Черных Алексей Алексеевич — Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. Черных Александр Николаевич — Георгиевским крестом 4-й степени. Бречалов Андрей Иванович — серебряной медалью «За усердие». Ворошилов Македон Александрович — серебряной медалью «За усердие». Игнатьев Дмитрий Дмитриевич — серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени.

Владимир Петрович Сторожевский в годы Великой Отечественной войны был представлен своим командиром к званию Героя Советского Союза, но был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Звания Героя Советского Союза и Героя России были удостоены потомки большерецкого священника Петра Михайловича Логинова из рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых — уроженец Якутии Владимир Денисович (Дионисьевич) Лонгинов и наш земляк Олег Евгеньевич Мутовин (по матери тоже из рода Лонгиновых).

В 1928 году в связи с постоянными наводнениями Большерецкий острог был перенесен на новое место и получил новое имя — село Кавалерское. Позже и это село исчезло в связи с образованием Большерецкого совхоза имени Блюхера в 1930 году и переселением на его центральную базу жителей Кавалерского. В 1990 году село «Большерецкий совхоз» было переименовано в село Кавалерское.

Фото из архива «Витязь-Тревэл»

Великий Устюг, Соборное Дворище

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Второе слово в названии говорит о том, что город расположен в устье реки Юг (слияние реки Юг с Сухоной).

Построен ростово-суздальскими князьями еще в девятом столетии, но, находясь на границе Ростово-Суздальского и Новгородского княжеств, часто подвергался нападению, разорению и уничтожению.

В период с 1364-го по 1474 год существовало самостоятельное Устюжское княжество с центром в Великом Устюге. Теперь становится понятной и первая часть названия города (хотя историки говорят, что Великим он становится только при Иване Грозном, входя в состав опричных городов и принося опричникам немалый доход).

В связи с открытием торгового пути по Сухоне и Северной Двине к Белому морю, Холмогорам и Архангельску, Великий Устюг приобретает большое торговое и промышленное значение, расширяя границы своих торгово-промышленных интересов вплоть до Камчатки и Русской Америки.

Количество устюжан, прибывших в Сибирь, не поддается счету. Да и сами жители Великого Устюга готовы записать в список своих земляков всех сибиряков. Так из одной исторической книги в другую гуляет версия об устюжском происхождении Михаила Неводчикова, первооткрывателя Ближних Алеутских островов, хотя А.И. Алексеев нашел в архивах документы о том, что Михаил Васильевич яв-

Белые ночи на Северной Двине

ляется уроженцем Тобольска (но вполне вероятно, что его отец был выходцем из Великого Устюга). Устюжане считают своим земляком Владимира Владимировича Атласова, но его отец Владимир Тимофеевич Отлас сообщал о себе, что он с Усолья (Г. Леонтьева предполагает, что с Усолья Камского).

Это я сообщаю не для того, чтобы устюжане принялись переименовывать названия улиц, связанных с великими землепроходцами, рожденными за пределами Великого Устюга, а для того, чтобы пробудить естественный исследовательский интерес устюжан к забытым именам своих земляков, которые тоже оставили свой неизгладимый след в истории освоения Сибири и Дальнего Востока.

Я сегодня хочу рассказать о двух устюжанах, без которых поход Владимира Владимирович Атласова не состоялся бы.

Первым из них по значению считается Лука Семенов Старицын Мороска.

Поэтому начнем с него.

Скорее всего, он пришел в Сибирь промышленным человеком, охотником за пушным зверем, а потом (по своей воле, а может быть и поневоле) был верстан в якутские казаки.

Характер у него был весьма своенравный, жесткий, за что не раз был наказан. Службу он начал в 1678 году, но, как отмечает историк Б.П. Полевой: «Уже три года спустя он был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был «в бунту и одиначестве». За это он впервые был выслан на Анадырь, где также вел себя дерзко, «не боясь Бога и не помня крестного целования», жил «бестрашно».

В.Н. Латынцев. В зимние праздники. 2011. Х., м

Фото: 2019year.net

Второй раз он прибыл в Анадырский острог в марте 1692 года.

Я это особенно подчеркиваю, так как в исторической литературе укрепилась мысль, что Лука Семенов сын Старицын Мороска совершил свой первый поход на Камчатку в 1691 году.

Более того, историки уверены, что такой поход в действительности был совершен.

Тогда кем?

И тогда мы вспоминаем о втором человеке из Великого Устюга.

Читаем: ««7... году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем растоянии на реке Анадыре, завомое «за Носом», из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука... сын прозванием Старицын, по нем вторы человек... сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди...».

Историки такого масштаба как Михаил Иванович Белов и Борис Петрович Полевой, доктора исторических наук, сломали копья в прениях о том, кто такой этот Голыгин.

А секрет оказался настолько прост, что диву даешься.

Мыс Дежнева — самая восточная точка материковой России и всего континента Евразия. Главная достопримечательность мыса — памятник-маяк землепроходцу и мореплавателю Семену Дежневу в виде четырехгранного обелиска

Так случилось, что в Якутск почти одновременно пришли гулящий человек Осипов Голыга и промышленный человек Васка Иванов сын Голыгин.

Василий Иванович умер, а на его вдове женился тоже вдовый к тому времени Осип, у которого уже был взрослый сын, казак Иван Осипович Голыгин, в скором времени ставший десятником (первый по значимости казачий чин). У вдовы — дети Иван и Михаил Васильевичи Голыгины, а также еще один, о существовании которого мы узнаем из документа, характеризующего весьма жестокие нравы того времени: «Дело по челобитью казака Ивана Васильева сына Голыгина о возвращении с реки Колымы его сродного брата казачьего сына Петра Антонова, отданного в работу торговому человеку Матвею Ворыпаеву отчимом Осипом Голыгою».

То есть одновременно в Якутске состояли на службе два сводных брата Ивана Голыгина. Потом появился и третий — но уже Иван Иванович.

Сияние ноября над Анадырем, фото В. Матвеичева, photosight.ru

И в 1691 году совершить первый поход в сторону Камчатки мог только один из двух будущих руководителей уже хорошо известного в истории похода 1695–1696 годов, когда Лука Семенов Старицын Мороска и Иван Васильев Голыгин не дошли до реки Камчатка — им оставалось идти всего один походный день, но они решили вернуться, чтобы собраться с новыми силами, чем успешно и воспользовался удалой Владимир Атласов.

Итак, второй, а на самом деле первый — это Иван Васильевич Голыгин. Вполне вероятно, что в этом походе вместе с ним участвовал и его брат Михаил Васильевич. Именно с Михаилом был послан с ясаком в Якутск Владимир Атласов, получивший исчерпывающие данные о том походе и всех трудностях, с которыми столкнулись казаки на Камчатке. И обратно в Анадырский острог Атласов шел уже с воеводским наказом, данным лично ему, идти и открывать новую землю Камчатку. И его чуть было не опередил Мороска — собрав «ватажку» в 1695 году из промышленных и служилых людей, он вместе с Иваном Васильевичем Голыгиным, который уже проведал путь, чуть было не предвосхитили то, что задумал Атласов.

Охота на серого кита на Чукотке, фото А. Шапрана, konkurs.trip2rus.ru

Ни Голыгина, ни Мороску Атласов в свой поход не взял — не хотел делиться славою победителя. Голыгин остался в Анадырском остроге и позже погиб в стычке с чукчами, а строптивый Лука Мороска, несмотря ни на что, догнал Атласова, участвовал в походе, но погиб в бою с местными воинами. Одна из рек Западной Камчатки в память о нем называется Морошечной (хотя многие думают, что там изобилие морошки. Да, морошки там много, как и по всей корякской тундре, — только никто эти места Морошечными не называет).

Сын Ивана Осиповича Голыгина, Никита Иванович Голыгин, участвовал в камчатском походе Атласова, а в 1711 году принял участие в казачьем бунте и убийстве трех камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Владимировича Атласова.

И чтобы поставить некую точку в этой истории: со времен прихода русских на Камчатку одна из рек на юго-западе полуострова носит название Голыгина... Возможно, в память об Иване Васильевиче.

Говоря о путешествиях, нельзя не вспомнить еще одного человека, предки которого были выходцами из Великого Устюга, — сына священника Ивана Устюжанинова, который вместе с Августом Беньевским совершил весь тот круг славы, который обессмертил имя его «патрона».

Священник Алексей Устюжанинов, как стало известно следователям, был в сговоре с бунтовщиками, но камчатский протопоп Никифоров, заподозрив неладное, отозвал Устюжанинова из Большерецка в Нижнекамчатск, и для того, чтобы был повод вызвать Устюжанинова обратно (а он нужен был Беньевскому, чтобы повязать присягой и крестным целованием всех бунтовщиков), Беньевский, по одной из легенд, отравил священника Петра Логинова — патриарха рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых-Петрологиновых. Но Никифоров на отпевание Логинова прислал другого священника.

И малолетний Иван бежал с Камчатки вместе с Беньевским. А отец позже был выслан в Иркутск.

Иван Устюжанинов побывал на Формозе (Тайване), в Кантоне, на острове Маврикий, во Франции, откуда он вместе с Беньевским отправился завоевывать для Франции Мадагаскар (предлагая поначалу захватить Формозу — Тайвань). Позже Беньевский разойдется в своих интересах с французами и начнет воевать с ними. Его даже провозгласят королем Мадагаскара, но французская пуля сразит его насмерть.

Иван Устюжанинов до последнего вздоха Беньевского был с ним. Позже он вернулся в Россию. Долгое время, до глубокой старости, жил в Нерчинске, встречался с декабристами. Возможно, местные краеведы смогут нам рассказать какие-то подробности о его жизни.

Великий Устюг, вид на город с реки, commons.m.wikimedia.org

Острог, Мильково, wiki-org.ru

ВЕРХНЕКАМЧАТСК

Верхнекамчатский острог — прелюбопытнейшая страница нашей отечественной истории, в которой так много неясностей, предположений, тумана, что можно и заблудиться…

Самым увлеченным из путешественников, любивших странствовать по времени, связанному с нашим камчатским, точнее, дальневосточным, календарем был замечательный ленинградский историк Борис Петрович Полевой.

Человек очень увлеченный, в жизни очень скромный, но в науке очень задиристый, вечный оппонент крупнейшего специалиста по Русской Арктике, своего однокурсника Михаила Ивановича Белова, он атаковал его по многим вопросам, имеющим отношение, в том числе, и к нашей камчатской, точнее северо-восточной, истории России.

Михаил Иванович Белов, совершивший много научных открытий, автор более 250 публикаций, конечно же, допускал в своей работе и ошибки, и исторические неточности, и делал иногда выводы, которые оказывались впоследствии неверными.

Михаил Иванович, например, считал, что Отлас и Атласов — это одно и то же историческое лицо, но оказалось, что это отец — Владимир Тимофеевич Отлас, и сын — Владимир Владимирович Атласов.

Но и Борис Петрович Полевой, также не избежал целого ряда ошибок, неверных выводов, географических и исторических оценок, за что получает сегодня (и не только он — а очень многие из столь же маститых историков и краеведов) довольно серьезную критику со стороны своего оппонента камчатского краеведа Валерия Егоровича Быкасова, который изучает историю по принципу: «Просто было на бумаге, да забыли про овраги», — и проводит соответствующую ревизию тех или иных историко-географических исследований с точки зрения возможности проложить тот или иной предполагаемый исторический маршрут в соответствии с географической реальностью — расстоянием, временем года, наличием тех или иных географических препятствий на пути следования (рек, болот, гор), а также историческим соответствием тех или иных названий этих географических объектов (например, в разное время названия рек Пенжина, Гижига, Парень, Анадырь, Пахача, да и Камчатка принадлежали совсем не тем рекам, которым принадлежат сегодня, что очень часто оставалось и остается «за кадром» — историки, а тем более краеведы,

порой о таком историко-географическом феномене, как миграция географических названий, даже и не подозревают).

В результате Валерий Егорович Быкасов разбивает «в пух и прах» самую стройную, самую поэтическую версию Бориса Петровича Полевого о посещении Камчатки известным якутским (первоначально енисейским) казаком Федором Алексеевым сыном Чукичевым, в составе отряда которого служила легендарная для нашего полуострова личность — казак Иван Иванов сын Камчатой, именем которого, как полагал Борис Петрович, и названа была река Камчатка.

Но автором поэтических гипотез был не только Борис Петрович Полевой. Еще Степан Петрович Крашенинников писал по этому поводу: «Некоторые думая, что Камчатка река сим именем называлась и от природных жителей, вымыслили знатного воина Кончата, аки бы он жил при той реке, и бутто от него река получила название; но тому во опровержение может служить одно сие имя, которое дано ей издревле». Крашенинников имел в виду, что сами камчадалы называли эту реку Уйкоаль — Большая Река.

Но и Степан Петрович не избежал подобной ошибки: «Одна Камчатка река судовою почесться может: ибо она от устья в верх на двести верст или более столь глубока, что морское судно называемое кочь, на котором по объявлению тамошних жителей занесены были в те места погодою российские люди еще прежде камчатского покорения, проведено было для зимованья до устья реки Никула, которая ныне по имени бывшего на объявленном коче начальника Федота, Федотовщиною называется».

И здесь опровержением слов Степана Петровича может служить тот же факт — сами камчадалы называли реку Федотовщину Никул. Это, во-первых. А во-вторых, кто же смог сохранить это название, если со времен Федота Алексеева Попова, именем которого, как предполагал Крашенинников и многие другие историки, была названа эта река, минуло, по меньшей мере, не менее полувека — с 1648 по 1698 год, когда в верховьях реки Камчатки было основано зимовье казаками из отряда Потапа Серюкова.

То есть, получается, интересный вывод – казаки из отряда Серюкова или уже из пришедшего на смену Серюкову отряда Тимофея Кобелева знали, что на реке Никул стоит или стояло Федотовское зимовье.

И только таким образом это русское название могло сохраниться в земле коренных камчадалов.

Сегодня доказано, что Федот Алексеев сын Попов Холмогорец, фактический руководитель промысловой экспедицией, направленной на поиск неведомой еще со-

Камчатка, архив «Витязь-Тревел»

болиной реки Анадырь (которая кстати, находилась не там, где первоначально предполагалось), не был на Камчатке.

В 1654 году Дежнёв «отгромил у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилой человек Герасим померли цынгой, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю-де куда».

То есть, кочи Федота Попова Холмогорца все-таки обогнули Чукотский Нос и вошли в море, которое сегодня носит название Берингово. Но погибли они в земле коряков (по другой версии — где-то на юге Анадырского залива).

Итак, кто же из якутских казаков мог знать о существовании Федотовского зимовья?

Острог, Мильково

Любой. Потому что в Якутске все знали о том, что в 1662–1663 годах на реке Камчатке побывали экипажи двух кочей во главе с приказчиком Анадырского острога Иваном Меркурьевым сыном Бакшеевым Рубцом, тобольским казаком.

В 1668 году в Якутске Бакшеев Рубец официально подтвердил в своей челобитной, обращенной к царю Алексею Михайловичу о том, что он побывал в верховьях реки Камчатка.

Целовальником, то есть человеком, принимающим от казаков и камчадалов пушнину в государеву казну, в отряде Рубца был торговый человек Федор (Федот) Иванов сын Лаптев — второе по значимости лицо любой промысловой экспедиции, а если учесть, что второй коч, прибывший на Камчатку вместе с Рубцом, состоял из промышленных людей, то возможно, как и в случае с Федотом Поповым Холмогорцем, организатором этой экспедиции на Камчатку был Федот Иванов Лаптев, почему и зимовье было названо его именем.

В 1690 году в Якутске возникает так называемое «Камчатское дело», главным обвиняемым по которому выступает участник плавания Рубца на Камчатку пятидесятник Филипп Щербаков, и участники этого «Дела» намерены были, по версии следствия, бежать на Камчатку.

То есть, в Якутии знали и помнили, что на Камчатке есть Федотовское зимовье, куда и Владимир Атласов направил своих людей во главе с Потапом Серюковым.

Хижины камчадалов, гравюра XVIII века

Его небольшой отряд наполовину состоял из юкагиров, которых Атласов уже однажды обманул, и они восстали против него на реке Палане и убили несколько казаков. По-

этому рассчитывать на верность этих людей, которых уже однажды предали, было сложно.

Поэтому говорят, что Серюков сидел в устроенном им Верхнекамчатском зимовье, как мышка, не смея высунуть носа и боясь начать собирать ясак среди местного населения.

Это полная чушь.

Владимир Атласов, действительно, как в свое время Ерофей Хабаров, сделал все возможное, чтобы обозлить и настроить против русских людей и коряков, и юкагиров, и камчадалов, стараясь быстрым грабительским набегом, насилием и страхом собрать с инородцев такое количество пушнины, которое не только покрыло бы его личные затраты на экспедицию, но и обеспечило бы ему в дальнейшем достойную старость.

Потап Серюков был опытным тобольским казаком, почему и был поставлен во главе этого отряда, и он, действительно, жил мирно и спокойно среди коренного населения, не вмешиваясь в их жизнь, но ясак в государеву казну собирал в обязательном порядке.

Рододендроны, фото Д. Задирей, архив «Витязь-Тревел»

Так что Степан Петрович Крашенинников снова не прав: «Между тем оставленный на Камчатке служивый Потап Серюков жил в верхнем Камчатском остроГу три года без всякого утеснения от Камчадалов; ибо он за малодушеством ясаку собирать не отважился, но под видом купца торговал с ними; наконец и тот в Анадырск поехал, однако Коряки не допустив его до Анадырска со всеми товарищами убили. А выезд его, по-видимому, учинился, когда сын боярский Тимофей Кобелев на Камчатку приехал».

И погиб он в 1701 году по пути в Анадырский острог, куда пытался доставить собранный на Камчатке ясак. Этот ясак, кстати, не был разграблен коряками, кое-кто из отряда Серюкова остался жив и доставил пушнину в Анадырский острог, по назначению.

А Тимофей Кобелев, ведомый в Камчатку опытным «вожатым» и толмачем Иваном Енисейским, а также тобольскими казаками из отряда Владимира Атласова — сыном боярским Иваном Мокринским, Семеном Ломаевым, Иваном Куклиным, Василием Бронником — прибыли уже в обжитое Верхнекамчатское зимовье, в котором, безусловно, оставался кто-то из отряда Потапа Серюкова, по крайней мере, кто-то из промышленных людей, которые бы не за «какие коврижки» не покинули этот богатейший соболиный край.

В составе отряда Кобелева были также отец и сыновья Козыревские (см. главу «Козыревск»), Иван Шамаев, Алексей Поротой, а также Родион Преснецов, Иван Могилев, Терентий Смердов (первооткрыватели Авачинской бухты).

Патриархи будущих камчатских казачьих родов, первые постоянные жители Камчатки прибыли в основном своем составе «вторым эшелоном» — в отряде Михаила Зиновьева сына Многогрешного, который в 1703 году пришел на смену отряда Тимофея Кобелева. Это были казачьи дети из лучших семей Тобольска, набранные еще Владимиром Атласовом по именному указу царя Петра.

И никто из них, записываясь в камчатские казаки, не подозревал, что их здесь ожидает.

При Тимофее Кобелеве появляется официальное Нижнекамчатское зимовье со своим приказчиком и, соответственно, Камчадальский острог в верховьях Камчатки становится теперь Верхнекамчатским. Я не думаю, что так же он назывался и до Кобелева. Если назывался — значит и Нижнекамчатское зимовье имело это свое название еще раньше, ибо нет смысла называть зимовье Верхним, когда нет зимовья Нижнего. Как-то не логично.

Но сам Атласов в первом своем походе, оставляя здесь Серюкова, закрепляет за Верхним Камчатским зимовьем административный центр Камчатки, каковым Верхнекамчатский острог и являлся до 1740 года, а потом, очень короткое время с 1803 по 1812 год был областным центром (хотя все административные учреждения в тот период оставались в Нижнекамчатске — уездном центре с 1783 по 1803 годы, а потом уже были переведены в Петропавловский порт, который и был определен новым, и уже постоянным, административным центром полуострова, хотя и были пожелания снова вернуть столицу в Верхнекамчатск, который был удобным географическим центром полуострова).

И именно в Верхнекамчатске в 1707, в 1711 и в 1712 году, произошли казачьи бунты.

В 1707 году казачий круг сместил с должности приказчика Владимира Атласова, а самого казачьего голову посадил в «казенку», откуда тот бежал в Нижнекамчатский острог.

В 1711 году восставшие казаки во главе с атаманом Данилой Яковлевым сыном Анцыферовым Томским и есаулом Иваном Петровым сыном Козыревским убили трех камчатских приказчиков — Осипа Липина, Владимира Атласова и Петра Чирикова — и ушли в построенный ими заново, на месте уничтоженного камчадалами, Большерецкий острог. В 1712 году восстали оставшиеся в Верхнекамчатске молодые казаки, набранные еще Атласовым из Тобольска, во главе с приказчиком Константином Кыргызовым (см. главу «Тобольск»).

Все они были жесточайшим образом наказаны и стали патриархами будущих камчатских казачьих родов.

Шиповник, фото Д. Задирей, архив «Витязь-Тревел»

Особо выделялся среди них Никита Дурынин, возглавивший в 1713 году один из самых крупных воинских отрядов, состоящий из казаков и камчадалов бассейна реки Камчатка, направленный против авачинских камчадалов, которые сожгли заживо людей из отряда атамана Данилы Анцыферова. И впоследствии представители этого рода будут играть очень заметную роль в истории Дальнего Востока.

С.П. Крашенинников описывает, каким был острог в 1738 году: «Крепость в нём четвероугольная с палисадником во все стороны по 17 сажен. За крепостью часовня во имя Николая Чудотворца, Государев дом с принадлежащим строением, кабак с винокурнею, обывательских домов 22, а служивых и казачьих детей 56 человек».

Но к 1748 году большинство из верхнекамчатских казаков будет исключено из казачьего сословия и переведено в разряд «разночинцев», впоследствии и с Верхнекамчатского острога будет снят статус военного поселения и его жители — переведены в разряд крестьян.

Из былого казачьего времени останутся только фамилии Машихиных, Нечаевых, Пермяковых и Беляевых

В 1799–1812 году в Верхнекамчатске будет расположено одно из подразделений Сомовского полка (Казачьего гарнизонного батальона), в память о котором сохранилась в здесь фамилия военного поселенца, оставшегося на полуострове после расформирования батальона, — Зимин.

А в память о том, что в Верхнекамчатске была когда-то Богоявленская церковь, впоследствии перенесенная в соседнее село Мильково, осталась фамилия расстриженного верхнекамчатского священника Верещагина.

В 1850-х гг. Карл фон. Дитмар отмечал: «Сперва Верхнекамчатск играл роль укрепления, потом он был переименован в город и служил резиденцией для сборщика ясака. Теперь это только подобие камчадальского острога, и в нем не осталось и следа прежнего блеска. Десять домов с пристройками и огородами, часовня и кузница беспорядочно разбросаны по левому берегу Андрияновки. Жители (21 душа мужского и 32 души женского пола), имеющие 34 головы рогатого скота и 10 лошадей».

В годы советской власти верхнекамчатцы организовали колхоз «Коммунар», который впоследствии слился с мильковским колхозом «Безбожник», и жители села постепенно переселились на центральную базу колхоза.

В 1974 году Верхнекамчатск был исключен из официального списка населенных пунктов Камчатки.

Цветы Камчатки, фото Д. Задирей, архив «Витязь-Тревел»

Даховская, часовня во имя Всех Святых, fotoload.ru

ДАХОВСКАЯ, РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ

Это казачья станица на Северном Кавказе, появившаяся по итогам долголетней Кавказской войны, о которой писали Михаил Лермонтов и Лев Толстой. Вы не поверите, но об этих событиях писал и я, уроженец Камчатки, когда создавал первую свою исследовательскую работу, которая сегодня упоминается в библиографии практически всех серьезных книг по топонимике Краснодарского края и Республики Адыгея, — «Биография кубанских названий».

И здесь, в предгорьях Кавказа, на реке Дах, живет сегодня человек, благодаря которому начиная со второй половины 1980-х годов, мы с ним вдвоем и дружно принялись раздувать слабо тлеющий уголек камчатской исторической памяти, чтобы от него разжечь когда-нибудь большой огонь будущего международного фестивального движения «Камчатка – Россия – Мир».

Я в то время работал над своей первой книгой — «Покорители Великого океана», в которой многие страницы посвящены нижнекамчатским казакам, отправившимся 1 (12 по новому стилю) августа 1743 года в первый промысловый «вояж» к тихоокеанским островам, богатым пушным зверем, как это выяснили члены экипажа пакетбота «Святой Петр» экспедиции Витуса Беринга, зимовавшие совсем рядом с Камчаткой на необитаемом острове, который сегодня носит имя капитана-командора.

А мой друг — Николай Леонидович Бушнев — работал в это же самое время над историческим романом «Ясак и пашня», действия которого разворачивались в бассейне реки Камчатка.

Наша работа совпала еще с одним проявлением интереса к камчатской исто-

Обложка романа «Ясак и пашня», издательство и типография «Камчаттресс»

Николай Бушнев в гостях в «Стране рыбы и рыбоедов»

рии — на пустыре, оставшемся от некогда существовавшего Нижнекамчатского острога, а впоследствии обычного села Нижнекамчатска, расположенного в одном из самых живописных мест в бассейне реки Камчатка — на выходе реки из знаменитых Щек (закупоренного сопками водного пространства с обеих сторон реки), где климат сродни материковому — резко континентальный, с жарким летом и морозной, но сухой зимой, руководитель местной лесоперевалочной базы (ЛПБ) Геннадий Борисович Березкин задумал построить туристическую базу и открыть для туристов России и мира эти замечательные места.

Но столкнулся он с тем, с чем сталкиваются все его и наши последователи уже нескольких десятилетий, — труднодоступностью, отсутствием дороги, связывающей Нижнекамчатск с федеральной трассой и другими поселениями района.

О Нижнекамчатске в то время мало кто знал. И это Николаю Леонидовичу пришла в то время мысль связать судьбу Нижнекамчатской Успенской церкви, которая (полуразрушенная, с выбитой стеной, пустыми глазницами окон, со срубленными еще в 1920-е годы крестами) одиноко стояла на берегу реки Радуги, когда от села практически не осталось уже и следа.

Собранная с любовью в позапрошлом веке, она влачила жалкое существование в нашу воинствующую атеистическую советскую эпоху, будучи то клубом, то складом для минеральных удобрений, прошлогодней картошки и старых досок…

Это было в начале 1990-х. Николаю Леонидовичу по состоянию здоровья нужно было срочно уезжать на материк, где в станице Даховской он облюбовал себе место для будущего жилья и творчества.

А эстафету возрождения исторической памяти передал мне, заразив идеей восстановления Успенской церкви, являвшейся колыбелью русского православия на Камчатке и в Русской Америке, как и идеей развития туризма, опирающегося на историческое наследие Камчатки.

Автограф автора романа «Ясак и пашня»

Скажу сразу, что я его не подвел — 12 августа 1993 года в восстановленной нашим общим другом архитектором Виталием Станиславовичем Блажевичем церкви, прошло таинство ее освящения и крещения жителей соседних с Нижнекамчатском сел — в 1993 году восстановленная Нижнекамчатская церковь была единственной православной церковью на Камчатке. Священник с острова Атту (Ближние Алеутские острова) вместе с камчатским священником отцом Ярославом (Левко), который впоследствии построил и первую действующую церковь в Петропавловске, совместно проводили церковную службу.

А на исторической площадке Нижнекамчатского острога в этот же день прошло празднование 250-летия с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки, постановление о проведении которого подписал премьер-министр Российской Федерации Виктор Степанович Черномырдин.

Это я пишу не для хвастовства, а для контраста: через 25 лет, 12 августа 2018 года, о 275-летии с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки на Камчатке не вспомнил, кроме, разумеется, меня самого, никто.

С Америкой к этому времени у нас было уже не густо. А с исторической памятью и вообще пусто…

Тогда я снова начал все с нуля — с создания просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов».

Первое, еще неофициальное, открытие нашего Центра мы осуществили 23 сентября 2017 года вместе с Николаем Леонидовичем — мы представили его замечательную выставку «Страна рыбы и рыбоедов. Приколы и причуды природы».

Это был его дар нашему Центру.

А на Северном Кавказе Николай Леонидович в казачьей станице Даховской за то время, что он провел вдали от Камчатки, создал уникальный парк «Фантазий и Приколов», который посетили за эти годы тысячи и тысячи гостей из разных уголков нашей страны. Уникальность этого парка заключается в том, что в его основе лежит то, что сотворено самой природой, — деревяшки, коренья, булыжники, стволы, ветки, которые в руках художника превращаются в лежбище морских зверей, в камчатских морских попугаев — топорков, пеликанов, или вдруг из позвонка кита вырастают грибы с каменными шляпками…

И снова, как и 30 лет назад, мы вместе стоим все у тех же истоков рождения на Камчатке новой туристической отрасли — событийного туризма, опирающегося в своей основе не только на традиционное природное, но и историческое наследие полуострова.

«Страна рыбы и рыбоедов». Николай Бушнев у работы скульптора Андрея Адуканова «Упряжка Кутха»

Вместе с ним мы в 2019 году принимаем участие в Усть-Камчатском туристическом форуме, где впервые озвучиваем давнюю свою мечту о проведении международного фестиваля «Камчатка – Россия – Мир».

И эта наша мечта начала превращаться в быль.

Она была поддержана губернатором Камчатского края.

Она была поддержана Законодательным собранием Камчатского края.

А депутаты Государственной Думы Российской Федерации рекомендовали включить нашу мечту о фестивале «Камчатка – Россия – Мир» в национальный проект…

В 2019 году Николаю Леонидовичу Бушневу, автору самого лучшего исторического романа о Камчатке 18-го столетия, исполнилось 75 лет.

У себя в станице Даховской на огромной, необъятной для творчества площадке он создал, помимо приобретшего уже широкую известность в России парка «Фантазий и приколов», добрый десяток различных галерей и самостоятельных музеев, в том числе и с музеем далекой и любимой им Камчатки…

«Страна рыбы и рыбоедов». Экспозиция работ Н. Бушнева

Окрестности станицы Даховской, whitewater.dummy.hosting

Окрестности Елизово, вулканы Корякский и Авачинский, www.pexels.com

ЕЛИЗОВО (СТАРЫЙ ОСТРОГ, ЗАВОЙКО)

В нашей стране, вроде как, принято день рождения города или какого-то поселения начинать отсчитывать либо с момента его основания, либо с даты первого упоминания об этом поселении в исторических источниках.

А вот городу Елизову (бывшему село Елизово) в этом отношении не повезло. Его день рождения отмечают со дня выхода указа «о присвоении селу звания города». И это событие стало точкой отсчета официальной истории города, в котором и я сегодня живу. Поэтому в 2020 году городу Елизово исполнилось только 45 лет.

С чем, безусловно, я никогда не соглашусь.

Южная Камчатка от реки Большая на западном побережья и от реки Авача на восточном — северная граница земли, которую Степан Петрович Крашенинников называл в своем известном труде «Описание земли Камчатка» Курильской землицей.

То есть это была та часть огромного географического пространства в Тихом океане, которые населяли племена людей, в честь которых были названы и Курильские острова. Сами себя эти люди называли куру – «человек, люди» или айну. А далее они жили на Хоккайдо, Японских островах (пока их не вытеснили оттуда японцы) и острове Сахалин: «Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку Камчатку с окрестными местами. Впрочем, поступая по примеру тамошних народов, южную часть Камчатского

Берег реки Авача, realkamchatka.com

мыса (полуострова. — С.В.) называют Курильскою землицею по живущему там курильскому народу». Почему и одно из крупнейших по запасам нерки озеро на юго-западе Камчатки называется Курильским — по расположению в Курильской землице.

Курильский народ был народом воинственным, который привык жить вольно и свободно.

Особенно выделялись среди них авачинские камчадалы, которых казакам удалось покорить с большим трудом.

Кстати, поражение казаков на Аваче в 1707 году стоило должности приказчика Владимиру Владимировичу Атласову. И, конечно же, мы не можем обойти стороной это событие: «...зимою послал на Бобровое море в поход Исака (по другим источникам — Ивана. — С.В.) Таратина человеках в 70, а при каждом русском было по камчадалу. Они до Авачинской губы никаких противников не видали, а близ Авачинской губы, как они стали ночевать, служивые люди подсмотрели многое множество байдар и батов в помянутой губе, а иноземцы, подсмотря также русских, думали, как им на русских напасть ночью или днем, и удумали ждать их на дороге и напасть на них нечаянно, а понеже их было сот с восемь, то они уговорились, чтоб русских не бить, а вязать и розвесть по острожкам и держать их в холопях, чего ради каждой иноземец имел при себе долгой ремень.

Таратин с товарыщи, переночевав, пошел к Авачинской губе, наперед себя послал он ертаульщиков 15 человек, а недалеко за ними и сам шел, а иноземцы в то время близ дороги в лесу скрылись и, пропустя ертаульщиков, напали на казаков задних и бились с ними немалое время; на том бою побито казаков 6 человек да несколько ранено, а из иноземцов малое число живых ушло, но все почти побиты.

По возвращении из походу Исака Таратина с походчики служивые люди Володимера Атласова с приказу сменили и в тюрьму, а по их в казенку, его посадили...».

Следующий поход на авачинцев предпринял человек, по приказу которого казачий голова Владимир Владимирович Атласов был убит — атаман вольных казаков Данила Яковлев сын Анцыферов Томский. Покорением авачинских камчадалов Анцыферов с товарищами хотели заслужить прощение царя за это убийство.

Но...

«Авачинские иноземцы, уведав о походе к себе Данила Анцыфорова, зделали к прибытию его крепкой балаган и потайную дверь, которая бы сверху опущалась, и как он, Анцыфоров, к ним приехал, то они его приняли чесно и обещались ясак платить, и дали ему в аманаты лутчих мужиков.

А понеже построенной обманной балаган всех прочих был просторнее и лутче, то Данило Анцыфоров со всеми служивыми выбрал себе оной балаган, которой иноземцы следующей ночи зажгли, а при зажигании вызывали они аманатов, чтоб, как возможно, к ним вышли. Они на то ответствовали, что их служивые не выпускают, и чтоб они начатое дело совершали, не жалея себя, только б де неприятели их служивые згорели. И так в нем все служивые без остатку згорели».

Где это произошло?

Никто не знает.

Но есть маленькая подсказка. Оказывается, у камчадалов в память о родственнике, который погиб от огня, называли одного из своих детей.

Атаман Анциферов. Худ. Артур Ковалёв

Так на западном побережье Камчатки появилось имя тойона Брюмка от брюмчь, что значит огонь.

На восточном побережье слово огонь на местном диалекте звучало как «пинич». Вулкан Кихпиныч в переводе обозначает «Огненная река». И смысл становится понятным.

Река Пиначева (Пиничева), приток реки Авача, получила название в честь местного

Возле г. Елизово. Слева река Пиначева, справа река Авача. Фото А. Васильева, twitter.com

вождя (как и многие другие селения камчадалов вокруг). А вождь — вполне возможно, в память о своем сгоревшем вместе с русскими казаками родственнике.

В Википедии дается забавное объяснение происхождению названию реки и села Пиначево. Село названо по реке, а река названа по селу, которое было основано в 1946 году. Абракадабра…

Но какое все это, — спросите вы меня, — имеет отношение к Елизово.

Самое, что ни на есть, прямое.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что Таратин (скорее всего, Тарутин — выходец из тобольских казаков) шел в поход на авачинцев вместе с камчадалами из долины реки Камчатка, которые были в вечной вражде с «курильскими мужиками», почему все поселения на Камчатке были укрепленными и назывались острожками, — в результате постоянных межплеменных столкновений.

И в ответ на убийство атамана Анцыферова с товарищами в 1713 году на авачинцев был отправлен в поход крупный военный отряд, состоящий из 120 казаков и 150 камчадалов, командовал которым потомок тобольского атамана, пришедшего в Сибирь во времена Ермака Тимофеевича, Ивана Дурыни верхнекамчатский казак Никита Дурынин. Ему тоже необходимо было заслужить прощение у царя за казачий бунт, в котором он принял самое непосредственное участие, и поэтому Дурынин действовал очень жестко.

Степан Петрович Крашенинников в данном случае очень лаконичен: «…был поход из Нижнего Камчатского острогу на Авачю реку, где убили Данила Анцыфорова с товарыщи, а было в оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого Никиты Дурынина, которые, пришед под острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с 2, а между тем приступали они под острожек два раза, а взять его не могли, напоследок его огнем сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побили, оставя малых людей, которые до пожару своею волею из острожку к ним приходили и ясак платить обещались.

Оттуда походчики пошли на реку Паратунку, где был иноземческой острожек, которой такожде боем взят, а по взятии острожка оставших иноземцов ясак платить принудили.

От того времени на Аваче ясак платить стали иноземцы, а прежде того мало плачивали, но все почти в измене были».

Те жители сожженного острога, которые остались живы, по всей видимости и поселились на реке, которая впоследствии и получила свое имя от тойона Пинича.

Елизово, храм Успения Божией Матери, фото А. Соловьёва и из архива храма, pravkamchatka.ru

А сожженный острог не заселяли ни русские, ни авачинцы в течение почти полутора столетия, хотя на реке, протекающей рядом со Старым острогом, лежащей на полпути из Петропавловской Гавани в село Коряки, обычно останавливались на чаевку, почему река и получила такое странное для приезжего люда название — Половинка. Половинка — значит, полпути. И таких Половинок на Камчатке было великое множество.

Но когда же случился переломный момент в истории будущего села и появились в здешних местах первые поселенцы?

Об этом есть интереснейшее сообщение чиновника по особым поручениям при губернаторе В.С. Завойко Карла фон Дитмара, который много путешествовал по Камчатке и собирал для своей будущей книги всякие занимательные истории, рассказанные ему камчадалами.

Вот один из них: «В Остроге мы встретили радушный прием в доме тойона Машигина.

Старик Машигин был очень опытный знаток местности и охоты в восточных горах, и к нему поэтому часто обращались в тех случаях, когда приходилось путешествовать в этой части страны. Но еще в Петропавловске меня предупредили, что я должен очень осторожно изложить ему свои планы, а особенно же ни единым словом не касаться истории его молодости, иначе он неумолим. Дело в том, что, желая избавиться от податей и других повинностей, он, еще молодым человеком, вместе со своей молодою женою бежал с места своей родины и, пропав для всех, жил в горах охотой и рыбной ловлей. Один только человек из родни беглеца, на молчаливость которого вполне можно было положиться, знал место проживания Машигина и служил ему поставщиком припасов, а также скупщиком охотничьей добычи. Наскучив, наконец, такой жизнью, Машигин спустя 10 лет опять появился, уплатил числившуюся за ним недоимку, получил прощение от губернатора и вскоре был избран своими односельцами в тойоны (старосты). Но воспоминание о бегстве на всю жизнь осталось для него больным местом».

Самое удивительно, по крайне мере, для меня, заключается в том, что эти Машигины (Машихины, а в первой записи вообще Месихины) — потомки тех тобольских казаков, которые в 1713 году сожгли Старый Острог. Прокопий Месихин был в числе участников казачьего бунта, которые были, как и Дурынин, жестоко наказаны и приговорены к «вечному житью» на Камчатке.

И вот теперь, в 1835 году Иван Григорьевич Машихин с сыновьями Яковом, Степаном, Егором и Иваном стали основателями

2 декабря 1849 года — образована Камчатская область во главе с губернатором Завойко, www.tourister.ru

селения, которое до 1897 года так официально и называлось — Старый Острог или Староострожное.

Степан Григорьевич взял себе в жены дочь матроса Петропавловской экипажной роты Григория Ивановича Винокурова, отец которого прибыл на Камчатку в 1799 году в составе Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона), чтобы служить на полуострове в режиме известных в России аракчеевских военных поселений, когда солдат не только служит, но еще и занимается при этом сельским хозяйством, обеспечивая себя самого и свою семью продовольствием. Конечно, с этой затеей ничего не вышло. Основной состав батальона вернулся к месту своего прежнего расположения — в Иркутск, но кое-кто остался. В том числе и Иван Винокуров с детьми Яковом и Григорием.

Примерно в 1850 году на Камчатку был сослан Василий Яковлевич Бибиков (1804 г. р.) с предписанием поселиться в Старом Остроге. Так завязалась третья старожильческая родовая веточка.

А потом и четвертая — здесь поселились дети приказчика Российско-американской компании Степана Ивановича Заочного.

К 1897 году, когда произошло первое переименование села в связи с 200-летием присоединения Камчатки к России, эти семьи были ядром нового села Завойко, названного в честь губернатора Камчатской области, руководителя обороны Петропавловского порта адмирала Василия Степановича Завойко.

Старый Острог в период обороны Петропавловского порта также считался поселением, как и село Авача, расположенное в непосредственной близости от Петропавловского порта и Авачинской бухты, оказавшимся во вражеской блокаде и некоторым жителям, проживающим в этих селах, впоследствии были вручены памятные медали о Крымской войне 1853–1856 гг. (эпизодом этой войны считалась оборона Петропавловского порта) на Георгиевской ленте, как и участникам непосредственного сражения. В Старом Остроге такие медали были вручены Якову и Степану Григорьевичам Машихиным.

А в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке был создано народное ополчение, которое отразило все попытки японцев поживиться за счет Камчатки. В числе награжденных серебряной медалью «За усердие» был староста села Завойко Митрофан Васильевич Бибиков.

Третье переименование села произошло в годы советской власти. Как у нас водится, местные краеведы по сей день спорят о том достоин или не достоит командир партизанского отряда, погибший в бою с

Памятник Славы героям обороны Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г.

белогвардейцами, такой высокой чести. Почему они спорят? Да потому, что довольно зажиточное местное население Камчатки приняло в штыки тех людей, которые назывались большевиками. Причина была простой — эти самые большевики были самыми заядлыми браконьерами, разорявшими соболиный заказник, который бережно сохраняли местные жители. И был ли партизанский отряд — большой вопрос? И от пули ли белогвардейцев и в честном ли бою пал смертью храбрых командир отряда Георгий Матвеевич Елизов или это произошло совсем по другой причине, пытаются выяснить краеведы, отстаивающие разные позиции и разную историческую правду.

И я этому не удивлен. Когда с историей своего города поступают по своему хотению

и велению, отбрасывая все то в истории этого города, что существовало когда-то — до прибытия сюда, на окраину русской земли, на временное жительство тех, кто сегодня устанавливает памятные даты и юбилеи городам и весям (и не только Камчатки) в угоду собственных интересов, то почему бы и другим не поизгаляться над памятью своих предков, не покуражиться над теми символами, которые еще вчера были дороги их отцам и дедам, не выбросить из истории и из своей жизни памятники, мемориальные доски, а там уже недалеко и до памятников истории, старинных деревень и городов, которые закатываются сегодня в асфальт по всей России…

Елизово — чистенький, аккуратный, зеленый городок. В нем приятно жить.

Но вот, что удивительно. Я живу здесь уже более пятнадцати лет. Здесь написаны главные мои книги по истории Камчатки. Книги, на которые в своих работах ссылаются даже академики. Но за все годы, что я здесь живу, мои книги не были представлены даже в местной библиотеке…

Честно говоря, мне-то самому это и не надо. Мои книги, не успев выйти из печати, уходят на материк к тем, кто интересуется историей нашей Камчатки, нашей России. У меня есть свой просветительский центр «Страна рыбы и рыбоедов», где я в любое время готов к встрече со своими читателями и провожу эти встречи регулярно.

Вопрос не во мне. Вопрос в тех, кто поставлен государством беречь наше историческое наследие, кто обязан заниматься этим в силу своих должностных обязанностей, кто, наконец, получает за это государственное жалованье…

Пусть не обижаются на меня елизовчане, что именно на примере города Елизова я говорю о тех, для кого история родного города — это только мечта о юбилейном фуршете, рюмке коньяка и ценном подарке или медальке.

Конечно, таких примеров сегодня не счесть.

Но Елизово сегодня — это и мой город. И выбрал я его не случайно. Он дорог мне не менее, а может быть и более, многих из тех, кто здесь родился.

И я хочу, чтобы меня здесь услышали.

Я хочу, чтобы жители Елизова, где я сегодня живу, как и жители Усть-Камчатска, где прошло мое детство, как и жители Тиличик, где я родился, как и жители Вывенки, где родился мой младший брат Саша, как жители и других мест России, поняли одну очень важную вещь: мы, люди, — самая непосредственная часть истории своей Родины. И чем она — эта история для нас — мельче и незначительней, тем мельче и незначительней мы сами.

А если задуматься, то и многие наши сегодняшние беды происходят в нашей стране, и особенно в нашем Камчатском крае, именно из-за того, что мы утратили духовную связь с прошлым. Мы предали это прошлое.

И это никогда не проходит даром, ведь еще Михаил Васильевич Ломоносов напутствовал не одно поколение своих соотечественников этими вот словами: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»…

Библиотека
просветительского центра
«Страна рыбы и рыбоедов»

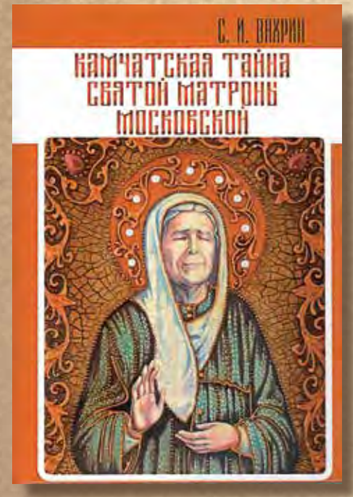

Просветительский центр
«Страна рыбы и рыбоедов»
г. Елизово, 30 км, переулок Мутной, 48
Менеджер по продажам
т.ф. +7(914) 626 22-99
E-mail: JuliaVakhrina@mail.ru

Электронные библиотеки:
fishkamchatka.ru/library/
kamchadaly.ru/index.php/istoricheskaya-biblioteka

Строящийся храм в честь свт. Иннокентия митр. Московского, Козыревск. Фото из архива епархии

КОЗЫРЕВСК

Степан Петрович Крашенинников первым из историков внес путаницу в причины названия реки Козыревки (Козыревской). Он писал в книге «Описание земли Камчатки»: «Колю река… течение имеет с левой стороны и считается между знатными реками, которые в Камчатку устьем впадают, однако не столько по величине своей, сколько по изрядным местам и угодным к пашне. Тамошние казаки прозвали оную Козыревскою в память бывшего при покорении Камчатки казака Ивана Козыревского, а для какой причины, того я не мог проведать. Верстах в 30 от ее устья есть при ней камчатской острожек Колю ж называемой».

И.И. Огрызко в комментариях к изданию книги «Описание земли Камчатки» в 1949 году дает, ссылаясь на архивные материалы, пояснение: «На чертеже Камчатки, составленном Иваном Козыревским, мы находим ясный ответ на этот вопрос: “Река прозвищем Козыревская. С началу иноземцов в ясак привел отец мой Петр Козыревский”. Другое название — Колю Накшин (по имени тойона Накша)». В острожке, состоящем из двух земляных юрт (зимние жилища) и 11 балаганов (летние жилища), проживало 14 «плательщиков ясака» — пять собольников и девять лисичников.

Козыревские появляются на Камчатке в 1701 году в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева.

Но история появления здесь этой семьи не была типичной. Фактически Петр Федорович Козыревский был сослан на Камчатку. В свое время в газете «Камчатская правда» известный ленинградский историк Борис Петрович Полевой опубликовал большую статью о трех поколениях Козыревских.

Первым из них был уроженец Великого княжества Литовского, вошедшего в состав федерации Речи Посполитой, Федор Иоаннович Козыревский, попавший в русский плен под Смоленском в 1654 году. Он был сослан в казачью службу в Якутск и служил в чине сына боярского приказчиком в различных зимовьях и острогах воеводства. В 1667 году женился, и у него в Якутии родились трое сыновей — Петр, Семен и Дмитрий.

Федор, как и многие другие сибирские приказчики, занимался незаконным винокурением и приучил к этому сыновей. По его стопам пошел и сын Петр Федорович, который был верстан в дети боярские на место своего отца, постригшегося в монахи. Но Петр Федорович не только курил вино, но и сам бражничал. В 1695 году в заимке Кирен-

ского Троицкого монастыря пьяный Петр Федорович убил свою жену Анну и, спасаясь от наказания, бежал с детьми в тайгу в верховьях Лены. Из Сибирского приказа в Москве, куда дошла весть о случившемся, писали: «Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинится, и за то его казнить самово смертью, велеть повесить в той же монастырской заимке, а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство, и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил...»

Вот такова была юридическая казуистика в России 17-го столетия: испросил бы разрешения убить, вообще бы, наверное, никакого наказания не было...

2 июля 1700 года Петр Федорович винился. На следующий день его пытали. А 4 июля на торговой площади Якутска его били кнутом и отпустили на свободу под ручательство якутских казаков. Из списка казаков он был исключен.

А в это самое время шло формирование отряда для камчатского гарнизона. Козыревский обращает-

Козыревск, David Young © DY of jtdytravels

ся с просьбой к царю (так было положено — верстали казаков на службу по царскому указу) поверстать его снова в казаки на убылое место и назначить служить на Камчатку.

Пока бумаги шли в Москву и обратно, воевода Траурнихт принимает решение не послать, а сослать Козыревского с детьми на Камчатку.

В 1701 году отряд прибывает в Камчадальское зимовье, построенное атласовским казаком Потапом Серюковым, и приступает к строительству двух укрепленных поселений — Верхнему и Нижнему Камчадальским сначала зимовьям, а впоследствии и острогам (военным укреплениям).

Вот тогда Петр Козыревский, назначенный в силу своего опыта и былого положения ясачным сборщиком, начал ведать сбором ясака на реке Коль.

Новый камчатский приказчик черкашенин Михаил Зиновьевич Многогрешный в 1704 году взял с собой Петра Федоровича сопровождать казенную пушнину в Якутск. Обратно Козыревский возвращался вместе с новым приказчиком Федором Васильевичем Протопоповым (Верхотуровым), но в стычке с воинственными коряками погиб в районе острова, получившего впоследствии название Верхотурова.

Козыревск, вид на Толбачик, historiesofthingstocome.blogspot.com

В 1706 году на убылое место отца был верстан Иван Петрович Козыревский — один из первооткрывателей Курильских островов.

1731 год был ознаменован на Камчатке знаменитым Харчинским бунтом — тойон (вождь) одного из острогов, расположенных на реке Еловке (одного из крупнейших притоков реки Камчатки) Федор Харчин и его дядя, тойон камчадальского острожка на реке Камчатка Голгоч подняли бунт против казаков, захватили и сожгли Нижнекамчатский острог, который в то время располагался на месте современного поселка Ключи.

Бунт был подавлен. Виновные, как русские, так и камчадалы, были наказаны. Жители камчадальского острожка, тойоном которого был Голгоч и который располагался также на Ключах, рядом с уничтоженным Нижнекамчатским острогом, были выселены на реку Козыревку, а на Ключах были поселены крестьяне, прибывшие поднимать землепашество на Камчатке из Усть-Илимского края.

Нижнекамчатский острог был также перенесен ниже по течению в район Шантальского (Азабачьего) озера, почему некоторое время и назывался Нижнешантальским острогом.

В 1740-х годах в результате деятельности Камчатской Духовной Миссии все камчадалы при крещении получили русские фамилии. В документах встречаются

Лавовая река. Июль 2013, фото Александра Белоусова, kamchat.info

и первые фамилии жителей Козыревска — Шадрины, Холщевниковы.

Но в 1800 году в долину реки Камчатки прибыл для несения «ланд-милицкой» службы (то есть охранной и земледельческой одновременно) Сомовский полк из Иркутска. Солдаты занесли на Камчатку оспу, в результате которой камчатские остроги в долине реки Камчатки обезлюдели — некоторые, такие как Козыревск, полностью.

А коренные жители этих поселений несли две важные обязанности. Первая, известная, — плата налога пушниной (ясак). Вторая — каюрная гоньба: то есть обеспечение транспортной связи между поселениями и административными центрами в зимнее время на собачьих нартах.

Поэтому первое, что сделала администрация Камчатки, переселила в эти мертвые поселения жителей окрестных сел, где сохранилось еще какое-то количество людей.

Так в Козыревске оказываются Чуркины из соседнего села Кирганик.

Но в окрестных селах и своих людей оставалось очень мало. Тогда в долину реки Камчатки начали переселять камчадалов с западного побережья полуострова, которых обошла стороной смертельная зараза.

Так в Козыревске появляются камчадалы Черных и Сысоевы с северных рек западного побережья.

Но и этого было мало.

Тогда было решено заменить коренное камчадальское население Козыревска русскими крестьянами из села Ключи. Сегодня ключевские камчадалы мучаются в камчатских судах различных инстанций, добиваясь признания своих этнических прав, а вот правительство дореволюционной Камчатки поступало чрезмерно просто: когда Кречетов, Рыков или

Толбачик, www.shutterstock.com

Тюменцев приписывались к Козыревску, то они становились коренными камчадалами, а когда возвращались в Ключи — то вновь превращались в русских крестьян. Двести лет назад правительство Камчатки прекрасно понимало и давало себе полный исторический отчет в том, что и коренные камчадалы, и русские старожилы представляют на Камчатке одну общую семью народов, породнившуюся за годы совместного проживания на полуострове.

Еще один интересный вопрос: как случилось, что современное местоположение поселка Козыревск сменилось с бассейна реки Козыревки на бассейн реки Камчатки?

Как это уже происходило не раз в истории Камчатки — в силу или природных, или социальных, или экономических причин и катаклизмов. Частые наводнения (по причине расположения в зоне активно действующих вулканов и таяния на них снежников и ледников, резко поднимающих уровень воды в реках), поселение новых партий русских крестьян для возрождения земледелия в долине реки Камчатки или создание новой — лесопромышленной — отрасли при советской власти и создание первого на Камчатке Козыревского леспромхоза с центральной базой на новом месте — на берегу реки Камчатки. То есть причин для этого было множество.

Но в итоге про реку Козыревку и ее историю забыли. И придумали новые легенды об истории поселка, связанные уже с именем знаменитого первооткрывателя северных Курильских островов и создателя в 1726 году уникального чертежа Камчадальского Носа с описанием не только всех островов Курильской гряды, но и Японии…

Поэтому памятник первопроходцам — Ивану Козыревскому и Данилу Анцыферову — воздвигнут в Северо-Курильске, а не в Козыревске, как это думают некоторые из наших читателей.

Козыревск сегодня — камчатская туристическая Мекка. Сюда в летнее время стекаются, сбегаются, слетаются туристы из разных уголков мира, чтобы почувствовать мощь и суровую красоту того, что творят на Земле извергающиеся вулканы.

К сожалению, Камчатка только на словах готова к туристическому буму, и поэтому туристическую инфраструктуру, обеспечивающую гостям полуострова комфортную среду для посещения этих мест, создают только энтузиасты. К числу таких относятся и самодеятельный художник Александр Петрович Мешков, к сожалению, недавно ушедший из жизни, и Мария Шевченко, гостевой дом которой привлекает и своей красотой, и своим радушием. Сегодня она совместно с администрацией Усть-Камчатского района создает в поселке информационно-туристический центр. А знаменитый уже на всю страну «Вулканариум» — музей вулканов на Камчатке, созданный супругами А. и С. Самойленко, — разрабатывает совместно с главой Усть-Камчатского района В.И. Логиновым проект создания в Козыревске Лава-ленда — культурно-развлекательного комплекса для туристов и жителей Камчатки в непосредственной близости от Толбачинской группы вулканов.

Возможно, если перспективы развития туризма на Камчатке окажутся не радужным призраком, как это у нас часто бывает, то на базе трех поселений Усть-Камчатского района — Козыревска, Ключей и Усть-Камчатска — будет не только разработан, а главное, реализован оригинальный маршрут Золотого кольца Камчатки, позволяющий использовать для развития туризма и красоту долины самой реки Камчатки, проложив водный маршрут по реке через знаменитые Щеки… Открою небольшой секрет — усть-камчатская компания «Дельта-Фиш» уже занимается предметной разработкой этого проекта и созданием туристического речного флота. Но это, повторяю, — пока! — секрет…

Самобытный художник Александр Петрович Мешков, фото Т. Боевой

Мильково, епископ Артемий произнес слова отеческого наставления и поздравил всех верующих с началом строительства нового храма

МИЛЬКОВО

Одно из самых старинных камчатских сел, в котором, как нам сообщают историки, были поселены крестьяне с реки Лены.

Правда, с каждым годом у меня самого возникают все большие и большие сомнения на этот счет — были ли это изначально крестьяне?

Но сначала маленькое предисловие.

Идея поселить на Камчатке землепашцев пришла вместе с покорителями этой земли — якутскими казаками во главе с Владимиром Атласовым. Он в одной из своих «сказок» утверждал: «А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают».

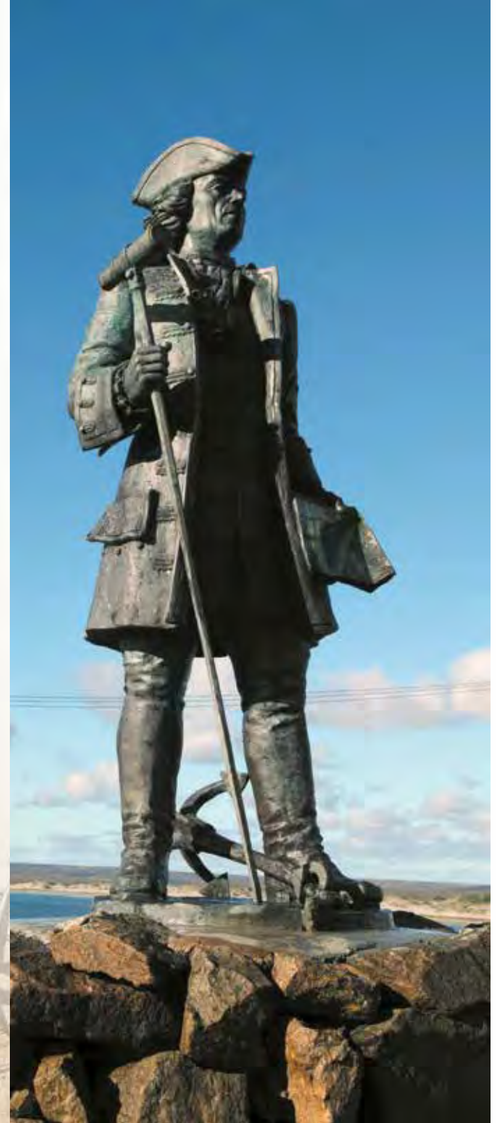
Эту же его мысль впоследствии подтвердил и Степан Петрович Крашенинников: «Что касается до яровых хлебов, оное как в Верхнем, так и в старом Нижнем Камчатском остроге многими опытами изведано, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно. Служки Якутского Спасского монастыря, которые живут на Камчатке из давных лет, сеют пуд по 7 и по 8 ячменю, и столько от того имеют пользы, что не токмо крупою и мукою сами довольствуются, но и других снабдевают в случае нужды; а землю людьми поъимают. Но с таким ли успехом озимь родиться будет, то время покажет».

Степан Петрович ни словом не упоминает в своем «Описании земли Камчатки» о селе Мильково и вообще о крестьянах, поселившихся вблизи Верхнекамчатского острога, хотя А.С. Сгибнев в своем «Очерке главнейших событий в Камчатке» сообщает: «В 1738 г. Крашенинников завел огород в Камчатке, а в 1740 г. начались ежегодные посевы хлеба около Большерецка, Милькова и на Ключах; но урожай ржи, ячменя и ярицы был так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые принуждены были для прокормления себя заняться другими работами».

Появляется, естественно, вопрос: почему Степан Петрович крестьян не заметил?

И этому есть объяснение. И снова мы должны говорить о Витусе Беринге.

Вот, что пишет Александр Степанович Сгибнев: «13-го марта 1727 г. верховный тайный совет определил: «В тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян». На этом основании в 1728 г. при содействии монаха Иакова был посеян овес и ячмень, а

также разведены огородные овощи. Успех был довольно удовлетворительный.

Беринг, основываясь на этих опытах, по возвращении своем из экспедиции подал в сенат записку о возможности в Камчатке хлебопашества. Сенат предписал первому начальнику Охотского порта Скорнякову-Писареву озаботиться этим делом, ассигновав при этом 1000 руб. на покупку для хлебопашества рогатого и конного скота, который и был отправлен из Якутска сухим путем; но по недостатку в дороге кормов почти весь скот погиб, так что в Камчатку доставлено было только 33 лошади.

В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии, чтобы в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить. Но илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ, и только в 1740 г. доставлены в Охотск, где Беринг по недостатку морской провизии обобрал у них весь скот, а самих приказал отправить в Камчатку по неимению на судах помещения, по окончанию транспортировки экспедиционных грузов».

По другим же сведениям — все эти крестьяне поразбежались по разным местам...

«В 1734 г. на боте «Гавриил» была доставлена в Камчатку пара лошадей и пара рогатого скота для приплоду и, кроме того, был послан Берингом в Анадырск казак Львов для заготовления скота для Камчатки на р. Колыме. Но к доставке скота с Колымы встретилось множество препятствий, почему и распоряжение это осталось без исполнения».

Памятник Витусу Берингу, работа скульптора Ильи Вьюева, в селе Никольское на острове Беринга

«Императрица Екатерина в 1764 г. послала в Камчатку от своего имени семена, земледельческие орудия и скот; но и это внимание к камчатским крестьянам не помогло делу».

Причины были простые.

Бот «Святой Гавриил». 8 августа 1728 года, художник И. Пшеничный

Конечно, на первом месте был климат — ранние морозы убивали все, что было посажено, на корню. Когда же природа позволяла — то урожаи бывали и отменными.

На втором (а по сути, на первом, наиглавнейшем) месте был принцип выживания в суровых условиях севера, согласно которому нельзя было ждать милостей от природы, а нужно было приспосабливаться к новым условиям, беря пример с коренных народов Камчатки — с рыбоедов, перенимая их образ жизни и традиции выживания, становясь рыболовами и охотниками.

На третьем месте — нерадение местной администрации, которая не видела никакой выгоды в развитии сельского хозяйства, результаты которого на Камчатке предугадать было невозможно, да и сами чиновники поиметь с этих результатов ничего не могли.

И эта деятельность была пущена на самотек.

А теперь вернемся к вопросу о том, что это были за крестьяне.

Меня, в первую очередь, заинтересовала история их фамилий.

В числе первых мильковских поселенцев были крестьяне Бабарыкины. Эта же фамилия встречается и среди новокрещенных камчадалов, крестными отцами которых, как правило, чаще всего были казаки.

Так вот Бабарыкины — это исконно казачья сибирская фамилия, патриархами рода которых были березовские казаки.

Ганальская тундра, www.caas.ru

Среди первопоселенцев Мильково по данным за 1832 год были представители следующих фамилий: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников.

Самая распространенная казачья фамилия в Сибири — Плотниковы. Именно с них, с плотников, начинались все зимовья, остроги, города-крепости. Плотники в Сибирь стекались со всех мест России и были главными в любых походах, в том числе и в морских, — ведь и речные, и морские суда наши землепроходцы строили по ходу своего движения «встречь солнцу» из любого подручного материала, скрепляя борта «вичами» — кореньями и лозой.

И, соответственно, практически все Плотниковы сами были казаками.

Коксаров в мильковском варианте преобразился в Кошкарев, но для нас важнее былой вариант, так как он наиболее точно отражает известную в Сибири казачью фамилию Кокшаров — уроженец городка Кокшаров (Котельнич), построенного на реке Кокшеньга в бассейне Северной Двины.

Столь же частой была в казачьей Сибири и фамилия выходцев с северной реки Пинеги — Пинегины или Пинигины.

Не меньше было и казаков Краснояровых, так как населенных мест с названием Красный Яр — высокий берег, с которого открывается красивый вид на реку, было в России всегда множество, в том числе и на Русском Севере, откуда были выходцами многие сибиряки.

В Верхтурском уезде в Ирбицкой слободе была деревня Подкорытова, основали которую крестьяне Подкорытовы, которых очень даже нередко верстали в Сибири на казачью службу из-за хронической нехватки служилых людей, осваивающих необъятные сибирские просторы.

Соснины — многочисленные сибирские казаки, выходцы из Тобольска.

И самое главное, все эти нынешние мильковские фамилии мы встречаем на Камчатке XVIII века среди камчатского казачества (за исключением Подкорытовых и Бобряковых).

И тогда возникает версия — по материалам за 1748 год значительная часть камчатских казаков была переведена в разряд разночинцев, то есть выведена из казачьего сословия. В это время и Верхнекамчатский острог теряет статус казачьего поселения и бывшие казаки Беляевы, Машихины и Нечаевы становятся верхнекамчатскими крестьянами.

И я полагаю, что именно за счет этих разночинцев и была компенсирована численность тех илимских крестьян, которые

разбежались из Охотска в разные стороны, благодаря заботе о них капитана-командора Витуса Беринга.

И тогда, действительно, Сгибнев прав — уже в 1740 году жители села, основанного на реке Мильковой, начинают «борьбу за урожай». И, вполне естественно, что в отличие от хлеборобов из Якутского Спасского монастыря, которые не только полностью обеспечивали себя овсом и ячменем, но еще и имели излишки, у бывших казаков, которые не были приспособлены вести сельскохозяйственную деятельность, ровным счетом ничего не вышло, и они просто-напрсто продолжили заниматься привычным им делом — заготавливать на корм себе и собакам рыбу и добывать на продажу пушного зверя.

И начальство потому покрывало этих «крестьян», что у самих, вероятно, было «рыльце в пушку».

Но, повторяю, это только моя версия.

Музей в селе Мильково имеет на своей территории реконструированный острог XVII века и ярангу, prigorod.info

А в 1930-е годы, уже при советской власти, благодаря агрономам, случилось чудо — мильковчане стали успешными хлеборобами и получали рекордные урожаи зерновых, кое-кто из мильковчан побывал даже в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Позже сельское хозяйство было сориентированно (в связи с большими рисками) на более устойчивые и, возможно, даже еще более важные для развития камчатской экономики того периода продукты овощеводства (картофель и капусту) для снабжения береговых предприятий и морских судов набирающей в те годы обороты рыбной промышленности Камчатки.

То есть через два столетия мнение С. Крашенинникова и Г. Стеллера о том, что долина реки Камчатки — это перспективный район для развития сельского хозяйства, оправдался полностью: «Ежели Стеллерова мнение справедливо будет в том, что в верхних местах Камчатки может родиться яровой хлеб и озимь не хуже других стран под такою же вышиною лежащих, то кажется не будет причины сумневаться и о том, что могут там родиться и всякие овощи огородные против тех же стран. Овощи требующие великой влажности хотя и везде родятся, однако ж на Камчатке лучше: ибо я на Большей реке не видывал репы больше трех дюймов в диаметре, а на Камчатке бывает вчетверо больше того или впятеро».

Но Мильково интересно для нас сегодня еще по одной очень важной причине — в 1993 году, когда создавались повсеместно различные общественные объединения и ассоциации в эйфории новых демократических веяний, большинство этих объединений и ассоциаций впоследствии, поостыв, поутратив интерес или вообще разочаровавшись в этих демократических веяниях и новациях, прекратили свою деятельность, рассыпались, разбежались, исчезли, здесь же при краеведческом отделе районной библиотеки был создан поисковый клуб «Камчадалы», который, как и многие в те 1990-е годы начал поиск своих репрессированных земляков. Впоследствии этот поиск расширился до восстановления исторической памяти, связанной с фронтовиками-мильковчанами. Сначала поиск касался погибших и пропавших без вести фронтовиков, затем — тех, кто ушел из жизни, создавая рукописные Книги памяти, а потом и издавая (выдержано уже третье издание) настоящие книги… А в последние годы краеведы села Мильково ведут работу по созданию Родословных книг старожилов села.

Бессменным руководителем этого клуба является заведующая отделом краеведения районной библиотеки, Заслужен-

Натуралист Георг Стеллер,худ. Д. Лопатин, www.komandorsky.ru

ный работник культуры Российской Федерации Виктория Зиновьевна Михайлова из рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых, которая после окончания в 1964 году культпросветучилища была направлена по распределению в Мильковский район, вышла замуж за мильковского старожила Юрия Андреевича Михайлова, и не только посвятила истории Мильковского района всю свою жизнь, но и вовлекла в свой клуб многих земляков, которые провели, не побоюсь этого слова, огромную просветительскую работу среди мильковчан, в том числе и тех, кто давно уже проживает не только за пределами села, района, но и Камчатки.

Главное ее отличие от всех краеведов, которых я знаю, в том числе и самого клуба «Камчадалы» (а его даже и сравнить сегодня на Камчатки не с кем и не с чем), заключается в том, что мильковчане работают на дальнюю перспективу — над большими поисковыми программами, включая в них (прямо или косвенно) значительное количество людей. Так, например, в Мильково на День, посвященный роду Толман, собралось

Виктория Зиновьевна Михайлова

...Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь!

Вечный покой сердце вряд ли обрадует,
Вечный покой — для седых пирамид.
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг.

Долина Гейзеров, архив «Витязь-Тревел»

около пятисот представителей этого рода. И Дни мильковских фамилий стали давно здесь традицией — Дни Ворошиловых, Плотниковых, Шишкиных... Созданы рукописные родословные книги, некоторые из них — о родах Михайловых и Толман — изданы полиграфическим способом, готовится к печати Родословная книга Ворошиловых.

Но хочу сказать еще об одной очень важной особенности этого села — такое мощное общественное краеведческое движение возможно только в одном случае, когда оно осуществляется под патронажем (в самом высоком смысле этого слова) местного руководства. Селу в этом отношении «везет» на протяжении очень и очень многих лет, начиная с советской эпохи и советских руководителей.

Но мы говорим о нынешнем времени. И о нынешних хозяевах (опять же в самом высоком смысле этого слова) — Главе района Владимире Константиновиче Войцеховском и Главе села Наталье Викторовне Гарбузюк.

Только вот такой патриотический «триумвират» способен своротить горы архивных материалов и перелистать (перелопатить) тысячи книг — тысячи тонн бумажной руды, — чтобы извлечь из них то, что мы должны хранить вечно — благодарную память о своих предках, об их немеркнущих во времени трудовых и боевых заслугах.

К сожалению, пример с селом Мильково — это не правило для всей остальной Камчатки, а пока еще исключение из той важной и необходимой традиции, которая называется сохранением исторического наследия.

Поэтому по-доброму позавидуем этому замечательному селу, расположенному в долине реки Камчатка, в самом центре полуострова, и его поистине замечательным людям — хранителям Исторической Памяти.

Ведь именно они и осуществляют то, что называется преемственностью поколений — осуществляют духовную связь между прошлым и будущим. И это о них слова всеми известной и любимой песни из кинофильма «Земля Санникова», многие кадры из которого снимались у нас на Камчатке, в Долине гейзеров.

Памятник регионального значения. Свято-Успенская церковь (Нижнекамчатск)

НИЖНЕКАМЧАТСК

История камчатских фамилий — это уникальный источник по истории нашей страны, который исследователями изучен очень слабо, поверхностно и не всегда верно.

Я занимаюсь этой темой без малого полвека и не перестаю удивляться, обнаруживая все новые и новые события и факты мировой и отечественной истории, отраженные в родовых историях камчатцев.

Появление Нижнекамчатского зимовья в устье реки Еловки (северный приток реки Камчатки) — вопрос дискуссионный.

Существуют версии, что промышленники проникли в эту часть Камчатки по реке Еловке раньше Атласова, и, действительно, Лука Мороска Старицын, как он сообщал, не доходил до реки Камчатки всего «один день» — и кто-то из его отряда, в составе которого было много промышленников, мог и остаться на Еловке, построив зимовье, чтобы охотиться самостоятельно. Такие поступки промышленников были больше правилом, чем исключением — вспомним Пенду (глава «Якутск»), который охотился на реке Лене за добрый десяток лет до прихода сюда первых казачьих отрядов.

Отсюда, по всей видимости, и возникает такое раннее и четкое деление двух русских поселений на реке Камчатке на Верхнее и Нижнее Камчадальские зимовья. Кстати, я сам так и не выяснил откуда взялось это слово «камчадалы» (камчадальские) — в соответствии с правилами русского языка от слова «Камчатка» должна была образоваться форма прилагательного на -ский (-тцкий, -цкий, как писали в то время) — камчатский.

Единственное объяснение — названо по имени аборигенов, камчадалов. А в таком случае получается, что слова Камчатка и камчадалы только внешне совпадают, а на самом деле совершенно самостоятельны, имеют разное смысловое значение, а главное — не образованы друг от друга.

О реке Камчатке знали в Якутии издавна. И помещали ее на первых картах материковой части Северо-Востока России. По мере продвижения русских на восток она постепенно удалялась, пока, наконец, ее не отыскали.

Так было практически со всеми реками — сначала о них слышали, предполагая в уме, где она находится, и эти предположения не всегда были географически точ-

ны, а потом находили — или называли этими именами совсем другие реки — так было с Анадырем, Пахачей, Пенжиной, Гижигой, Паренем...

Так что и река Камчатка не была исключением из правил. И полуостров, населенный камчадалами, стал называться Камчаткой, вполне вероятно, по созвучию названия реки с именем коренного народа, как, например, Чукотка, Якутия, Даурия...

Вот что сообщал в Москве сам Атласов: «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах, вышиною от земли сажени но три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в тое колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою розмешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно».

И соответственно, история происхождения этих двух слов — Камчатка и камчадалы — может быть совершенно разной.

Как и история названий — потому что река Камчатка была разделена на верховую и низовую ее части еще и по родовому признаку. И эти два рода находились в состоянии войны друг с другом.

Появление Владимира Атласова на реке Камчатке позволило жителям верховий использовать русских для усмирения своих соседей, что было выгодно и самому Атласову, выступая в союзе с местными племенами: «И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались».

Этот «встрах» обойдется последующим отрядам русских казаков серьезными людскими потерями, но Атласов торопился призвать к покорности камчадалов и не стеснялся в средствах.

«А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году».

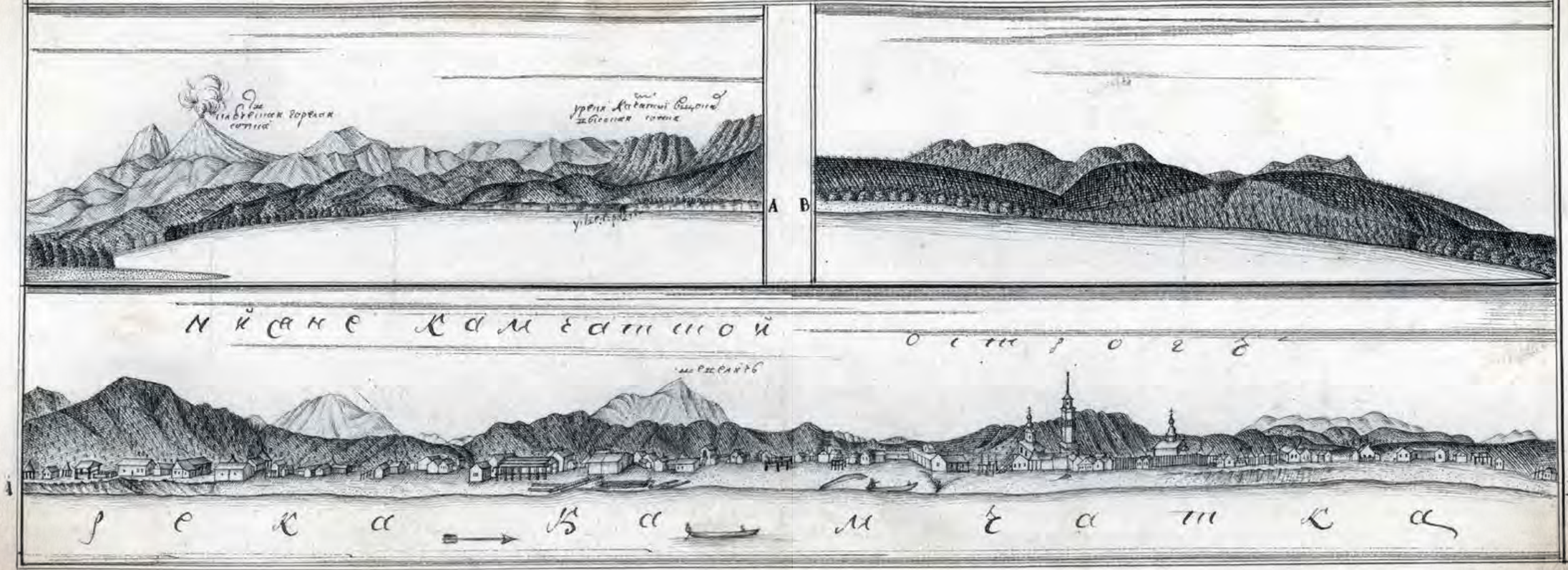
«А по Камчатке реке, — рассказывал Атласов в другой своей «скаске», — к морю посылал он Володимер казака для проведыванья иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до руских людей острогов у них было меньши, а при руских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются — бросают каменьем, пращами, и из рук большим каменьем с остржку мечют, и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам руские люди приступают из-за щитов и острог зажигают и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцов — противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойтить — из пищалей не допустят».

Камчатский краевед Валерий Быкасов попытался разобраться с датой и местом появления первых русских зимовий

142

143

Видъ Нижне Камчатскаго острога снятый съ Западной стороны реки Камчатки 1767 года октября 10. дня;
отъ острожнаго Сажня NW 06°00; Ключевской NW 80°00; церковная колокольня NW 33°30; гора шеханецъ NW 48°15; горелая сопка NW 69°00; урочище Камчатской вершина; бывшая сопка NW 87°00; устье реки разъ NW 88°00; толстобокое отъ острожнаго Сажня отдаленное NW 07°00;

в нижнем течении реки Камчатки, и, исходя из его представлений, Атласов на реке Еловке не был и зимовье там, соответственно, не возводил. И вообще первое зимовье в здешних местах, в устье Еловки, построил, первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев. Очень важно, с чем я полностью согласен, — впоследствии устье реки Еловки было только ориентиром, а само зимовье располагалось на правом берегу реки Камчатки.

Вот его вывод, опирающийся на авторитет С.П. Крашенинникова: «Таким образом, зимовье в районе устья реки Еловка могло быть поставлено только зимой 1704 года. Что, собственно, и утверждает С.П. Крашенинников, когда он говорит, что Т. Кобелев, уходя с Камчатки в начале 1704 году, оставил в устье реки Еловки несколько человек «вольницы» (добровольцев) и «велел им зимовья построить и збирать с шантальских иноземцов которые в то время еще неплатежные были».

«Камчадалъ на санкахъ съ упряжкою собакъ»

Я же думаю, что «вольница» была здесь и прежде Кобелева, и сам Валерий Егорович Быкасов тоже несколько путается с датами.

И вот пример из истории Якутского казачьего полка, связанного с известным нам уже именем, — потомок тобольского атамана Ивана Дурыни — Дурынин Яков Корнилов, девятая пятидесятня (казачье воинское подразделение), «на Камчатке убит в 1703 году в Нижнем остроге иноземцами и на его убылое место поверстан Оксенов Яков Степанов».

В истории Камчатки проходит мысль о том, что в промежутке между походом Атласова и приходом отряда Тимофея Кобелева приказчиком Камчатки был Михаил Зиновьев, он же Михаил Зиновьев Многогрешный, или Черкашенин, о котором С.П. Крашенинников писал: «...бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою».

В этом нет ничего удивительного — ведь Многогрешный был анадырским приказчиком в 1695–1696 годах и направлял на Камчатку экспедиции Голыгина и Мороски Старицына.

Но он был анадырским приказчиком и в 1697–1699 годах, когда направил на Камчатку отряд Андрея Кутьина с наказом построить шесть зимовий в северо-восточной части полуострова для обеспечения вывоза ясака с Камчатки.

Обратите внимание: Многогрешный разработал, в отличие от Атласова, совершенно другой путь продвижения казаков на Камчатку — с Апуки, где еще со времен похода Старицына – Голыгина находилось русское зимовье, построенное участниками этого похода. И теперь Многогрешный закреплял новыми зимовьями путь в Камчатку с востока. С.П. Крашенинников отмечал: «Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей и стали брать с оных иноземцов ясак».

Михаил Зиновьевич Многогрешный, будучи назначенным приказчиком Камчатки на смену Кобелеву, приходит на полуостров в 1703 году с отрядом из молодых казаков, которых отбирал лично Владимир Атласов в Тобольске и Енисейске, и, подкрепляя свой неопытный еще в боевом отношении отряд, снимает казаков Андрея Кутьина с восточ-

ного направления и переводит их в Нижнекамчатск.

И вот что пишет по этому поводу историк А.С. Зуев: «Шедший на Камчатку приказчик М.З. Многогрешный забрал с р. Уки Кутьина и часть его людей. Прибыв в Нижнекамчатское зимовье, Многогрешный отправил Кутьина с 40 чел. “вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов”. Отряд Кутьина в верстах 50 от устья р. Еловки был внезапно атакован ительменами, которые убили пять казаков. Нападение удалось отбить. Ительмены укрылись в своем острожке Тушашеры, “к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин”».

Сегодня нам известны имена погибших в тот год вместе с Яковом Дурыниным (Дурыниных) казаков: Амос Баташнов (Баташков), Афанасий Заплетаев, Григорий Ворыпаев, Осип Долгополов.

Умерли от ран: Иван Антропов, Василий Беляев, Сава Бронников, Сава Нецветаев, Иван Никифоров, Мартын Спар, Федор Ушаров.

А история собственно Нижнекамчатского острога, как военного укрепления, а не временного жилища-зимовья (которые очень часто по русской традиции из временных жилищ становились постоянными на десятилетия), начинается с камчатского приказчика сибирского дворянина Ивана Енисейского — проводника и толмача в походах Луки Старицына — Ивана Голыгина, Владимира Атласова, Тимофея Кобелева: «...в бытность свою, кроме правления всяких дел и ясачного збору, заложил на ключах церковь с тем намерением, чтобы со временем Нижнему Камчатскому острогу быть на оном месте, что и воспоследовало: ибо казаки не в долгом времени переселились на новое, а прежнее место неспособно к строению потому, что около оного болота и что оно водою понимается. И стоял нижней Камчатский острог на том месте до главного в 1731 г. учинившегося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожжен купно с церковью и со всеми строениями».

Строили церковь с пределом в память святого Николая Чудотворца (святителя Николая Мирликийского) на собственные средства первые жители Нижнекамчатского острога. Церковным старостой был казак Алексей Колычев.

Но до 1713 года в Нижнекамчатске, представлявшем из себя сеть разрозненных зимовий для «годовальщиков» (временно откомандированных из Якутска казаков) и жилых домов, в котором проживали семейные казаки, происходили весьма значительные события, о них известно не только отечественной, но и мировой истории.

Атласов, фрагмент, худ. Ю.Е. Колдаев

В 1706 году казачий голова Владимир Владимирович Атласов, камчатский Ермак, был выпущен из якутской... тюрьмы, куда он угодил по дороге из Москвы на Камчатку, позарившись на купеческое добро и возомнив свою персону недосягаемой для сибирского правосудия. Он забыл, что на Руси извечно: «закон, что дышло, куда повернул — туда и вышло». Повернули против Атласова — и он «со товарыщи» — подельниками оказался в тюрьме. Не справились без него на Камчатке — отправили туда в прежнем звании головы и в должности приказчика, но с угрозой: «Не справишься — повесим!».

Административным центром тогда был не Нижне-, а Верхне-Камчатск, где и сел на приказ Атласов. Но его принцип «встрах», которым он вновь попытался встряхнуть всю Камчатку — и коренную, и казачью — на этот раз обернулся против него самого. И он, лишившись власти по решению казачьего круга, был снова посажен в тюрьму, откуда бежал в Нижнекамчатск, где у него, по всей видимости, была какая-то опора, почему верхнекамчатские казаки и оставили его в покое. Но власти в Нижнекамчатске

он также не получил. Все имущество его (а оно было сверхогромным) казаки отписали в казну.

По расследованию дела о лишении Атласова власти и казачьему бунту на Камчатку прибыл в качестве приказчика с наказом о проведении розыска Осип Миронович Липин.

В 1707 году Липин был приказчиком Анадырского острога, когда через этот острог шли на Камчатку казаки во главе с прощенным властью Атласовым. Практически все казаки из этого отряда подали жалобы на Атласова, который избивал казаков, грозил убийством и всячески измывался. В том числе, кстати, был и Данила Яковлев сын Анцыфоров Томский, будущий атаман вольных камчатских казаков.

Липин и пальцем не пошевелил, чтобы учинить розыск, впрочем, вполне вероятно, что он и полномочий таких не имел — судить казачьего голову. И бумаги ушли в Якутск. И Липину, сдавшему в Якутске свои полномочия анадырского приказчика, велено было идти в Камчатку и вести розыск.

Начал этот розыск Липин с Нижнекамчатска. Пытал, бил кнутом, выспрашивая более не об Атласове и его проступках, а о тайных казачьих схронах пушнины. И до такой степени ненависти и злобы довел казаков, что верхнекамчатцы не стали ждать, когда он примется пытать и казнить их, встретили его на полпути к Верхнекамчатску и убили, а потом отправились в Нижнекамчатск и убили Атласова, как второго виновника их новых бед, а сами отправились на реку Большую, откуда казаки были ранее изгнаны большерецкими камчадалами, основали там Большерецкий острог и оттуда отправились, замаливая свои грехи,

Хозяин, архив «Витязь-Тревел»

открывать Курильские острова. Среди этих 75 бунтовщиков добрая половина была из нижнекамчатцев.

Для нас же сейчас более интересны те, кто не примкнул к бунтарям, оставаясь на жительстве в своих домах. Вот они, первые нижнекамчатские старожилы: служилые Аввакумов Тит, Бурой Алексей, Везливцов (Вежливцев) Козма, Глазырин Иван, Заев Михаил, Захаров Федор, Канашев Богдан, Колычев Алексей, Кыштынов Григорий, Панов Федор, десятник Соловаров Борис, Тугобезненов Яков, Чурин Алексей, Шивыря Дмитрий и промышленные люди: Басила Яков, Крохалев Никита, Юдомский Филипп.

Эти казаки, которые обзавелись на Камчатке семьями и были самыми заинтересованными в том, чтобы на полуострове появилась, наконец, действующая церковь для крещения, бракосочетания и отпевания православных людей.

Архимандрит Мартиниан, о котором пишут как о первом камчатском священнике, на самом деле был расстригой за свои томские незаконные винокуренные дела и записан в пешие камчатские казаки. Кстати, Мартиниан тоже получил свою долю от грабительских трофеев 1711 года и впоследствии был убит собственными холопами. Поэтому и церковь Святого Николая, построенная в 1713 году, была освящена лишь в 1725 году: «В том же (1724 — С.В.) году тобольский митрополит узнал, что еще в 1713 г. приказчиком камчатских острогов якутским дворянином Иваном Енисейским возле Нижнекамчатского острога была выстроена церковь, которая остается неосвященной. Митрополит послал на Камчатку иеродьякона Моисея с грамотой на освящение, и в 1725 г. первый храм на полуострове, названный, как и хотел его строитель, убитый в 1715 г. в Акланском острожке местными коряками, во имя святителя Николая Мирликийского, был освящен монахом Иосифом Лазаревым, который и стал в нем служить».

А через шесть лет, в 1731 году, Нижнекамчатскую Николаевскую церковь восставшие камчадалы сжигают вместе с острогом, убивая казаков и членов их семей.

Вот что застал в этих местах С.П. Крашенинников: «Не доежжая до реки Еловки есть три знатныя речки. А имянно Уачхачь, Ключовка и Биокось, которые пали в Камчатку с правой стороны по течению; первая верстах в 8 ниже Еловки, другая верстах в 4 ниже первой, а третья от другой в версте. Первая достойна примечания потому, что близ устья ея был Российской острог, которой в 1731 году разорен камчадалами; другая что около тех мест бывала пустыня Якуцкого Спасского монастыря, в которой кроме другого строения была и часовня, но все оное разорено в одно время с острогом, а ныне там одно только зимовье с кладовым амбаром»

А вот что сообщают о Нижне-Камчатске члены Первой Камчатской экспедиции, которые провели здесь зимы 1727–1728 и 1728–1729 гг. Возьмем цитаты из статьи В.Е. Быкасова: «В. Беринг в одном из своих рапортов пишет, что около Нижне-Камчатского острога, располагавшегося в 6 верстах ниже устья реки Еловка, находилось “дворов с 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15, да на устье р. Еловка 20 обывательских дворов”. А затем добавляет: “А для оставшихся от нас вещей построили мы анбар при ключах, где церковь, разстоянием от Нижего Камчадальского острогу верст с 6, понеже казенных анбаров не имелось, а при том астроге построить не смел, для того что во вся годы топит водою и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца”. И уточняет, что на правом берегу реки Камчатка, при устье реки Ключовка, стояла церковь, а еще ниже располагалась Успенская пустынь, при которой было три избы, пять амбаров и баня. Вторит ему и мичман Петр Чаплин, который в своем журнале написал, что 11 марта 1728 года В. Беринг и он прибыли в Нижней Камчадальской острог, который стоял по правую сторону реки Камчатки и в котором имелось около 40 жилых дворов, а уже 12 марта они поехали на Ключи, где располагалась церковь и с 15 жилых дворов”.

...На самом же деле В. Беринг и состоявшие при нем мичман П. Чаплин и лейтенант А. Чириков остановились в остроге, стоявшем на реке Уачьхачь, тогда как М. Шпанберг квартировал в Ключах. Поскольку П. Чаплин об этом пишет: “12 марта. Ездили на Ключи, где имеетца церковь, жилья дворов с 15. И тут имел господин лейтенант Шпанберх квартеру и имел болезнь”. ...А прибывший туда в конце весны лейтенант А. Чириков пишет: «30 мая. Прибыл к Нижнему Камчацкому астрогу во 2-м часу и оттуда сплыл к Ключам, которыя от астрога отстоят на 7 верст. При Ключах селения церковь Божия во имя Святителя Николая и дваров всякого чину людей з двадцать, а по времени из Нижнего астрога, при катором содержится жилья русских людей с 60 дворов, все к Ключам переселятся, понеже сие место к селению удобно, а под острогом ниская места и повся годы во время разлияния реки Камчатки все жилье понимает и стоит вода недели по 2 и по три, а в оное время жители меж собою, или куды нужда позавет, ездят на лотках».

Вот такая путаница, которая заводит некоторых наших камчатских краеведов в тупик.

Но камчадалы «разрешили» эту проблему — и Нижнекамчатский острог на прежнем месте перестал существовать в 1731 году.

В результате следствия по Харчинскому бунту были выявлены его виновники: «А по следствии и по розыске казнены смертию повешены в Нижнем Камчадальском остроге марта 10 дня 1735 году камисар Иван Новогородов, казачей сын Никитка Родихин, учинено телесное наказание вместо смерти биты кнутом в Нижнем остроге камисары Михайло Шехурдин, Михайло Петров, управитель Михайло Борисов, подьячей Яким Мухоплев, ясашные зборщики Матфей Новогородов, Петр Чижевской, Гаврило Чудинов, Иван Каташевцов, Василей Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и служилые люди Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкой, Василей Нижегородов, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Костентин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, салдат Александр Змиев гонян спицрутен, подьячей Федор Сухов вместо кнута бит батожьем».

И новый Нижнекамчатский острог рождается совершенно на другом месте.

С.П. Крашенинников: «Первою рекою, следуя от устья вверх по Камчатке реке, может почесться Ратуга, по Камчатски Орать, не токмо для своей величины, но наипаче потому, что при ней после бывшей в 1731 г. измены и после разорения прежняго Российского нижнего Камчатскаго острога построен новый острог Нижнешантальским называемый. Просто называют его также как и разореной нижним Камчатским острогом, а Нижнешантальским слывет он потому, что построен в 7½ верстах ниже Шантальского озера, которое находится вблизи берега Камчатки, и в длину верст на 10, а в ширину верст на 7 простирается. Камчадалы называют его своим языком Ажаба, а с чего казаки прозвали его Шантальским, про то хотя подлинно и неизвестно, однако думать можно, что преж сего бывал там славной какой острожек Шантал.

<...> Нижней Камчатской или Нижношантальской острог от верхняго Камчатского острога в 397 верст стоит на том же берегу реки Камчатки не доезжая за 30 верст до ея устья. Крепость в нем четвероугольная, огорожена палисадником длиной 42, а шириной 40 сажен с проежжею рубленой башнею, которая зделана посреди стены западной. Внутри крепости строения церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы с пределом Николая Чудотворца, ясашная изба с сеньми и амункою, дом Государев, в котором живут прикащики, два анбара кладовые, в которых содержится ясашная казна и военные

Здесь будет воссоздан Нижнекамчатский острог , katgov.ru

припасы. Все строения в рассуждении других острогов изрядное и прочное, для того что все из лиственишнаго дерева. За крепостью строения обывательских домов 39, да кабак с винокурнею. Жителей всякого чина 92 человека».

Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга не выполнила главную свою задачу — не выяснила, является ли изучаемая ими акватория заливом или проливом, а следовательно, остался открытым вопрос о том, сходятся ли берега Азии и Америки.

Отчасти ответы на эти вопросы были получены в 1732 году, когда члены экипажа бота «Святой Гавриил», на борту которого находились и нижнекамчатские казаки — Федор Паранчин, Ефим Пермяков и Лаврентий Поляков, открыли Аляску (Большую Землю). Ефим Пермяков был руководителем группы, которая высадилась на одном из американских островов.

Во Второй Камчатской экспедиции принимал участие нижнекамчатский казак Иван Портнягин.

20 июля 1732 г. в разоренный Нижнекамчатский острог прибыл священник Ермолай Иванов, но вскоре он снова остался в единственном числе — иеромонах Иосиф Лазарев умер 8 мая 1736 года.

Поэтому фактическая миссионерская деятельность на Камчатке начинается с освящения новой церкви в Нижнекамчатске, о которой пишет Степан Петрович Крашенинников.

Но эта церковь, опять же, была долгое время неосвященной: «…до 1740 г., когда… прибыл казначей якутского Спасского монастыря иеродьякон Гавриил Притчин. Он привез для церквей в Нижнекамчатском и Большерецком острогах антиминс, иконы, утварь, ризницу, книги и колокола. 15 марта 1741 г. священник Ермолай с иеродьяконом освятили в Нижнекамчатске церковь во имя Успения Божьей Матери, а затем, послужив в ней до 23 апреля, отправились в Большерецк, где 4 июня освятили Большерецкую церковь, тоже Успения Пресвятой Богородицы».

Иосиф Лазарев, Ермолай Иванов и Гавриил Притчин были первыми православными миссионерами на Камчатке.

А в 1745 году на полуостров прибыла Камчатская духовная миссия архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского и Нижнекамчатская Успенская церковь получила новый статус миссионерской церкви, а рядом с ней была построена приходская церковь во имя Николая Чудотворца.

В 1748 году Нижнекамчатск был уже довольно крупным поселением. Сохранились именные списки, которые весьма любопытны, чтобы проследить географию появления этих фамилий на Камчатке и их камчатскую историю, что мы отчасти и по возможности будем делать.

Служилые и промышленные (имеющие своих дворовых, т.е. холопов) люди Нижнекамчатска: Прокопий Антонов, промышленник; Федот Бабарыкин; Илья Багуй; Яков Басин, промышленник; Емельян Басов; Анисим Баташков, промышленник; Дмитрей Болотов; Анисим Буркин (Бурин), новокрещеный; Иван Буторин; Вавилов, казачий сын; Иван Варганов, драгун; Егор Вежливцов; Степан Власов; Андрей Воронин; Семен Встровин; Петр Выходцов; Григорей Гагарин; Иван Глинской; Иван Гуторин; Петр Гуторов; Михайло Заев; Василий Зеленовский; Александр Змиев, драгун; Гаврила Евдянов; Степан Егоров; Антип Емельянов, посадский; Андрей Кабанов; Кондратей Карпов; Иван Кобычев; Козьма Васильев сын Колегов, камчадальской породы новокрещен; Алексей Колмогоров; Алексей Колычев; Никита Котковский; Никит Крохалев, промышленник; Илья Кудрин; Алексей Кузнецов; Родион Кузнецов; Михайло Кузьминой; Петр Куплин; Лука Курсин; Евод Лазарев; Яков Лазарев; Павел Ларионов; Гаврило Луковцов; Алексей Малахов; Михайло Мезенцов, драгун; Михайло Месихин (Машихин); Иван Мешков; Федор Мешков; Семен Минюхин; Андрей Михайлов; Яков Монгал; Василей Мохнаткин; Федор Мохнаткин; Яков Музинцев; Егор Мурзенцов; Лука Натканов; Сава Наумов; Петр Неворотов; Дмитрей Новогородов; Иван Обухов; Иван Обуховской; Иван Панкарин; Федот Панов; Иван Парилов; Григорий Пастухов; Григорей Попов; Иван Прокопьев; Степан Саблин; Матвей Салауров; Петр Саранчин; Илья Сафрыгин; Матвей Серебренников; Иван Сидоров; Григорей Силин; Федор Соболев; Борис Солдатов; Борис Соловаров; Абросим Сорокоумов; Василий Студенцов; Яков Табаков; Иван Токуив; Андрей Торопов; Евода Тугобезненов; Ананий Тюхов; Тюшев, новокрещен; Иван Убиенный; Евсевий Чернышев; Петр Чижевской, сын боярской; Степан Шевырин; Михайла Юрасов.

Отдельная тема в истории Камчатки – политическая ссылка. Сюда ссылали участников дворцовых заговором и неудачных дворцовых переворотов — в 1742 году на Камчатку была сослана троица молодых дворян, которые замышляли вернуть на трон малолетнего императора Иоанна VI, отобрав трон у незаконнорожденной (вне брака) дочери Петра I Елизаветы Петровны.

Одним из этих ссыльных был Иван Кириакович Сновидов (Снавидов), оставивший после себя на Камчатке многочисленных род Сновидовых – Снафидовых. Кстати, он, единственный из всех ссыльных, тотчас нашел применение и собственным силам и

детей своих сумел пристроить — сам занялся солеварением и преуспел. Его старший сын пошел по священнической стезе. Младший — по купеческой, занимаясь пушным промыслом.

1 (12 по новому стилю) августа 1743 года уроженец Тобольска Емельян Софронович Басов коренным образом изменил демографическую картину Нижнекамчатского острога, осуществив первую в истории России промысловую экспедицию за морским зверем, обитающим на островах Северной Пацифики — северной части Тихого океана.

В Нижнекамчатск хлынули потоки промышленных людей со всей России, охваченных общей идеей поиска «золотого руна». И эта «золоторунная лихорадка» продолжалась более полустолетия.

Нижнекамчатские казаки — Максим Лазарев, Петр Васютинский, Сила Шевырин, Алексей Воробьев, Саввин Пономарев, Игнатий Студенцов, Евтихий Санников, Гаврила Чудинов, Дмитрий Наквасин, Григорий Низовцев, Родион Дурнев — были активными участниками этих промысловых экспедиций.

Они же доставили в Нижнекамчатск и первого алеута, который был крещен в Успенской церкви, — это был алеут Темнак с острова Атту, в крещении Павел Михайлович Неводчиков.

Вулкан Плоский Толбачик, фото Airpano/Caters News, avax.news

По-разному складывалась и судьба организаторов промысла — кто сказочно обогащался, а кто, наоборот, после ряда неудач и кораблекрушений становился нищим.

Емельян Софронович Басов, зачинатель «золоторунной лихорадки», окончил свою. жизнь на Нерчинской каторге: полагая, что открыл для родины несметные запасы медной руды на острове, впоследствии получившим название Медный, но не имея средств на организацию научной экспедиции, он начал из меди острова Медного чеканить фальшивые «денги»… (глава «Тобольск»).

Тотемцы Корелин и Брагин оказались в числе подстрекателей алеутского восстания на острове Уналашка, в итоге которого погибли экипажи четырех промысловых судов. Спаслись единицы, в том числе и эти двое, приговоренные, как я полагаю, к вечной ссылке… на Камчатку (глава «Тотьма»).

Так впоследствии, уже во времена Российско-Американской компании был сослан на Камчатку сын купца, уроженец Нижнекамчатского острога Выходцев (глава «Рыльск»).

Из купеческой среды и нижнекамчатские мещане Греченины (глава «Трапезунд»), Казариновы…

Золотыми медалями «За полезные обществу труды» императрица Екатерина Великая отметила целый ряд отечественных купцов, чья деятельность позволила закрепить за Россией Русскую Америку.

Кавалеры золотой медали «За полезные обществу труды» с изображением императрицы Екатерины II: Буренин Иван (1767) — вологодский купец; Буренин Федор (1768) — вологодский купец; Голиков Иван Илларионович (1788) — иркутский купец; Красильников Семен (1764) — туль-

Кластер «Ключевской», vulcanikamchatki.ru

ский купец; Куликов (Кульков, Кулаков) Иван (1764) — вологодский купец; Кульков Василий (1764) — вологодский купец; Никифоров Иван (1764) — московский купец; Лапин Иван Саввич (1767) — соликамский купец; Лебедев-Ласточкин Павел Сергеевич (1779) — якутский купец; Орехов Афанасий (1764) — тульский купец; Панов Григорий (1764) — тотемский купец; Панов Петр (1764) — тотемский купец; Попов Василий (1764) — лальский купец; Сабинин Егор (1764) — московский купец; Снигирев Илья (1764) — тобольский купец; Суханов Афанасий (1764) — яренский купец; Титов Андрей (1764) — тотемский купец; Томилов Иван (1764) — яренский купец; Чебаевский Афанасий (1764) — лальский купец; Шапкин Василий (1764) — вологодский купец; Шелихов Григорий Иванович (1788) — рыльский купец; Шилов Василий Иванович (1767) — великоустюжский купец.

В 1799 году на Камчатку был направлен из Иркутска Сомовский полк (впоследствии переименованный в Камчатский гарнизонный батальон), задачей которого было создание солдатских поселений, которые бы не только несли военную службу, но и сами себя обслуживали, занимаясь сельским хозяйством.

Безусловно, это была авантюра, которая закончилась весьма печально для Камчатки — военные завезли на полуостров оспу, опустошившую половину коренного населения центральной части Камчатки по оси Большерецк — Верхнекамчатск — Нижнекамчатск. В некоторых поселениях жители вымерли поголовно.

Сельского хозяйства солдаты не завезли. Занимались грабежами и насилием от безделья, вели полуголодную жизнь и мерзли в плохо обогреваемых, наспех построенных казармах. Офицеры занимались мародерством, пили, играли в карты, обделывали с купцами Российско-Американской компании выгодные для себя сделки за счет батальона. Комендант Камчатки генерал-майор Павел Иванович Кошелев, пытаясь навести порядок на Камчатке, «за законопротивные поступки и чинимые им притеснения офицерам Камчатского гарнизонного батальона» был арестован, отдан под суд, разжалован… Офицеры составили в Нижнекамчатске даже заговор с целью убить Павла Ивановича (глава «Орел»).

Полк вынуждены были вернуть в Иркутск. Все офицеры оказались под следствием, которое выявило значительные злоупотребления.

Желающие (их было немного) остались служить на Камчатке. В Нижнекамчатске — только Савинские и Поляковы.

В 1783 году Нижнекамчатск, в пору своего расцвета (чего, правда, нельзя было сказать о его собственном внешнем виде, напоминающем обычную деревню), приобретает статус уездного города с собственным гербом, становясь после Верхнекамчатского и Большерецкого острогов административным центром полуострова.

Но затем правительственные планы меняются, и в 1812 году административный центр перемещается в Петропавловский порт, который превращается в крупный российский порт на Тихом океане, обеспечивающий возможность приема судов отечественных и иностранных кругосветных морских экспедиций.

Нижнекамчатск теряет не только свое административное значение, но и военно-стратегическое — казачий военный пост переносится в устье реки Камчатки, в бывший портпункт Нижнекамчатска, который получает название Усть-Приморского казачьего поста, Усть-Приморска, куда переселяются теперь служилые нижнекамчатцы — Поляковы, Поповы, Минюхины, Соргучевы и другие (глава «Усть-Камчатск»)….

Ставится вопрос и о закрытии Нижнекамчатской Успенской церкви в связи с незначительностью ее прихода. Но на ее защиту встал в 1846 году епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий Вениаминов (впоследствии митрополит Московский и Коломенский, апостол Сибири и Америки): «Нижнекамчатская церковь… Церковь деревянная прочная, собранная из двух церквей, существовавших здесь до 1827 года, проповеднической Успенской и приходской Николаевской. Престол в ней один в честь и память Успения Пресвятой Богородицы. Колокольня начата строиться, но не докончена за неимением средств. Утвари, ризницы и образов в серебряных ризах очень много, так что всего серебра в ризах и утвари до пяти пудов; и в этом отношении она есть первая из всех Камчатских и прочих в Камчатской епархии находящихся церквей; но вкладами ныне очень небогата, по малости и бедности прихожан.

Автор: П.П. Протасов — Высокопреосвященнейший Иннокентий митрополит Московский и Коломенский [Изоматериал] : 1868–1879 г. : Бывший Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский 1840–1868 г. ... : [лубок]. — С.-Петербург : Издание П.П. Протасова, 1894. dlib.rsl.ru/viewer

Нижнекамчатская церковь по времени существования есть первая из всех церквей Камчатской епархии. Некто Козыревский Иван (внук какого-то Федора Козыревского, посланного в 1700 году по указу Петра I в Камчатскую землицу для призыва в подданство России), в монашестве Игнатий, построил неизвестно в котором году в Нижнекамчатске пустынь Успенскую, в которой он был и настоятелем, но до 1739 года была ли в ней церковь, по делам неизвестно; только видно, что в 1732 году уже существовала в том же Нижнекамчатске в одной версте от пустыни другая Никольская церковь. В 1742 году определенный в Камчатку для проповеди слова Божия архимандрит Иосаф Хотунцевский в Нижнекамчатске имел свое пребывание при Успенской церкви, которая с того времени и до 1823 года называлась проповеднической, а священники и причетники проповеднической духовной свитой. В 1823 году протоиерей и духовное Правление переведены в Петропавловск, и с тем вместе не стало и названия проповеднического. Николаевская приходская церковь обветшала и разобрана, а Успенская осталась приходской.

Еще в 1822 году при Нижнекамчатской церкви было два священника, дьякон, два причетника и один студент. Но ныне один священник и два причетника на общем окладе (541 р. 63 к.).

Нынешний священник есть внук одного из студентов, приехавших в Камчатку с архимандритом Хотунцевским, Никифорова (впоследствии бывшего протоиереем и настоятелем Камчатского духовенства).

Содержание причта по малолюдству и бедности прихожан весьма недостаточно, и потому священник, как многосемейный, вошел в неоплатные долги.

Домы у причта свои собственные.

Приход здешний, состоящий из 250 душ всякого возраста и пола, есть самый меньший из всех по камчатской епархии. В сем числе находится 70 душ военных, 120 мещан и крестьян и 60 Камчадалов; все они живут в трех селениях, расположенных на 70 верстах; дальнее селение находится от церкви в 44 верстах.

Приход здешний в нравственном отношении был самый худший из всех. Первое потому, что здесь до 1812 года был полк солдат, второе — был кабак. Но с удалением того и другого начинает поправляться и нравственность, что доказывается посильным усердием к церкви прихожан и непринужденным исполнением христианских обязанностей. Преступлений не слышно.

Училище при церкви состоит из трех учеников, и это еще первые; учит их сам священник.

Прихожане священником довольны. По делам церкви исправно. И здесь также сказано священнику и прихожанам относительно научения детей обоего пола обязанностям их, что и в Мильковском селении.

Одного из причетников — сына священника, который по своим летам и способностям может еще учиться и по нравственности стоит того, я, согласно ходатайству благочинного, перевел его в Петропавловский собор, взять же в Ситху не имею возможности.

Церковь здешняя, по малочисленности прихожан и близости, и удобству сообщения с ближайшей церковью, может быть упразднена, и прихожане могут быть причислены к Ключевской церкви, находящейся от Нижнекамчатска в 84 верстах (расстояние по-здешнему очень небольшое). Причислением сего прихода к Ключевскому тамошний приход (состоящий ныне из 540 душ) будет состоять только из 790 душ всякого возраста и пола, из коих 330 душ будут находиться при самой Ключевской церкви. Но поелику 1) Нижнекамчатская церковь по времени существования есть первая из всех церквей Камчатской епархии, 2) здесь первоначально имели свое пребывание архимандриты-миссионеры и 3) здесь когда-то была пустынь под управлением, как говорят, игумена; а потому она, как памятник начала христианства в Камчатской епархии и, следовательно, милости и благости Божией, может быть оставлена неупраздненной, несмотря на малочисленность прихожан. Притом же на всем пространстве

Камчатской епархии нет места, где бы человек, ревнующий о спасении своем и чувствующий влечение к уединению, мог удалиться от шума и забот мира; нет местах, где бы служитель церкви, лишившийся семейства или не имеющий возможности более продолжать служение церкви, мог найти спокойное пристанище; нет места, где бы погрешающий мог найти приличное исправление и проч., сказать прямо: во всей Камчатской епархии нет монастыря. Ближайший к ней монастырь есть Якутский, отстоящий от Охотска в 1000 верстах самого трудного пути. Конечно расстояние это, по здешним понятиям, невелико; но много ли и таких, кто решится навсегда оставить свою родину, своих родных, близких сердцу и идти в место чужое, где нет ни родных, ни знакомых, которые бы в случае могли помочь? Да и может ли тот, кто родился при море (все церкви Камчатской епархии, кроме одной, находятся на берегу моря), кто питался преимущественно пищей, доставляемой морем, кто привык дышать влажным воздухом, может ли он без всякого чувствования перемены в своем здоровье и особливо на старости лет, жить вдали от моря, без привычной пищи и дышать сухим воздухом?».

При советской власти церковь превратили сначала в клуб, потом в склад и сарай. Вся церковная утварь, включая и богатые оклады, исчезла. Некоторые энтузиасты ищут тайное захоронение церковных богатств и по сей день.

В 1968 году село Нижнекамчатск в целях, как сегодня говорят, «экономической оптимизации», было закрыто. Люди покинули оседлое место.

В 1993 году церковь Успения Пресвятой Богородицы была восстановлена архитектором Виталием Станиславовичем Блажевичем — и это сегодня единственный на Дальнем Востоке России памятник русского деревянного зодчества середины XIX века.

12 августа 1993 года в соответствии с Постановлением премьер-министра Российской Федерации Виктора Степановича Черномырдина в России было торжественно отмечено 250-летие с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки. 12 августа 1993 года восстановленная Успенская церковь была заново освящена, а на территории исчезнувшего Нижнекамчатского острога были организованы и проведены торжества по случаю юбилея, на котором присутствовали делегации из разных городов России и штата Аляска США.

И вот теперь новый патриотический порыв — проведение на площадке культурно-исторического центра «Нижнекамчатский острог», созданного в 2020 году Администрацией Усть-Камчатского муниципального района, международного фестиваля «Камчатка – Россия – Мир», связывающего Камчатку былыми историческими и духовными корнями с городами и весями России и мира в целях развития на полуострове событийного туризма, использующего не только уникальное природное, но и не менее уникальное, историческое наследие Камчатского края.

1993 г. На освящении Нижнекамчатской Успенской церкви присутствовал праправнук святителя Иннокентия иеромонах Иннокентий Вениаминов. Рядом с ним — С.И. Вахрин и Г.В. Чаусова. Снимок И.В. Вайнштейна

Село Запорожье.
Вид с берегового вала на восток, ru.wikipedia.org

ОЗЕРНОВСКИЙ ЗАПОРОЖЬЕ ЯВИНО ГОЛЫГИНО

История поселений на юго-западной Камчатке переплелась настолько крепко, что невозможно ее разделить на какие-то отдельные кусочки, поэтому мы и объединяем в единое целое этот географический куст.

Степан Петрович Крашенинников называл землю, лежащую южнее реки Большой Курильской землицей, на которой проживали те самые курильцы или курилы (куру, айну), в честь которых и названы были Курильские острова.

Не в честь курящихся на этих островах вулканов, а в честь коренного народа, исторически проживавшего на архипелаге от острова Хоккайдо до южной части полуострова Камчатка.

«Куру» на языке островитян-аборигенов — значило «человек».

На этом же языке названы и конкретные острова — Шумшу, Парамушир, Онекотан и далее на юг. Остров Хоккайдо также был обжит этим народом. Но в отличие от северных курильцев, которых называли курильскими камчадалами, южных прозвали «мохнатыми курильцами», потому что они имели пышную растительность не только на лице, но и на теле. Курильские же камчадалы, породнившись с коренным народом Камчатки, уже утратили эту свою «бородатость» и «мохнатость», но сохранили присущую всем айнам воинственность.

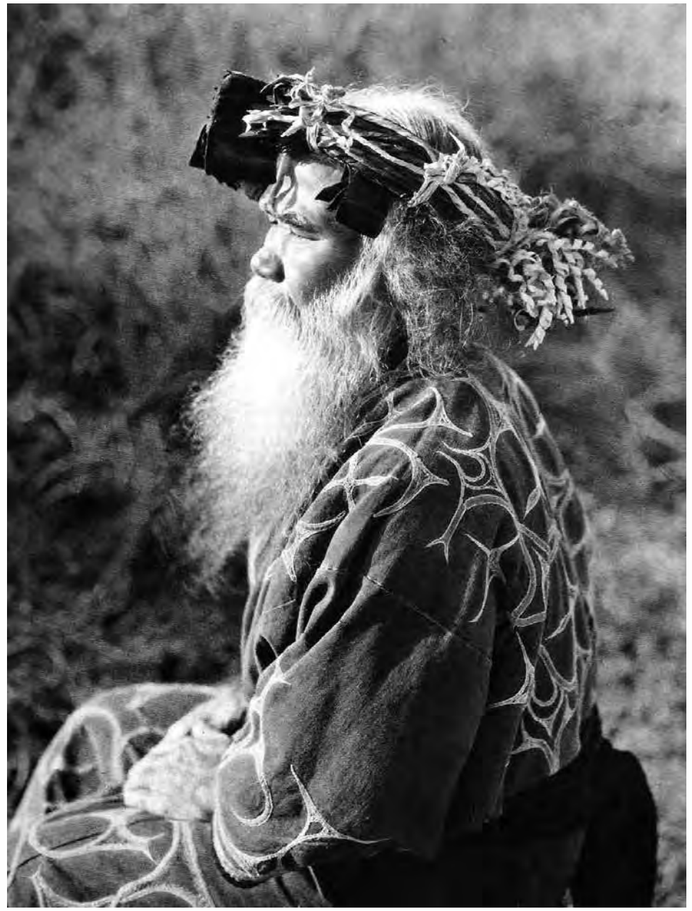
И действительно, Курильская земля покорилась русским казакам с большим трудом. На Курильских островах чужаков встречали долгое время с оружием в руках.

Но когда в 1875 году Россия разменяла с Японией Южный Сахалин на Курильские острова, то значительная часть курильцев с острова Шумшу и Парамушир, не желая быть в подданстве Страны восходящего солнца, переселились на Камчатку, где и раньше жили их родственники, — на Явинское озеро и на реку Голыгину.

Что интересно, на реке Озерной, самой рыбной из рек южной Камчатки, курильские камчадалы почему-то не селились.

При этом село Явино, расположенное на небольшой и не очень рыбной речке, считалось одним из богатейших — здесь было,

Айну в своих традиционных одеждах, bestlj.ru

например, самое крупное на Камчатке стадо крупного рогатого скота.

До 1897 года японцы мало интересовались судьбой курильских переселенцев, которые по собственной воле решили остаться подданными России.

А в 1897 году ситуация изменилась в корне — японцы, которые к этому времени уничтожили собственные лососевые запасы на Японских островах, а затем и на Хоккайдо, были приглашены Русским товариществом котиковых промыслов, которое, теряя прибыль на Командорских островах, где пушной морской зверь уничтожался крупномасштабным браконьерским промыслом американцев, канадцев и японцев, решило восполнить свои потери за счет рыбного промысла, а не умея ловить, а главное сохранять улов, пригласило японских профессионалов, которые и начали вести промысел ставными морскими неводами. Весть о рыбных богатствах Камчатки разнеслась по всей Японии, и уже со следующего года армада хищнических японских шхун обрушилась на лососевые реки Камчатки, не встречая особого сопротивления ни со стороны местного населения, ни тем более со стороны власти. В 1903 году начальник Петропавловского окружного управления Петр Александрович Ошурков попытался было применить власть, но оказался окружен таким количеством вооруженных и озлобленных людей, что поспешил ретироваться, чтобы не рисковать жизнью.

Безнаказанность распаляла жадность японцев, которым хотелось завладеть всем этим рыбным богатством, до которого не доходили в течение столетий руки Российского государства.

В это время уже случилось главное событие — японский городовой поднял и опустил меч на голову наследника российской императорской короны царевича Николая Александровича Романова и миф о России, как о колоссе на глиняных ногах, приобрел неожиданную реальность — если Россия не способна защитить честь и достоинство члена императорской семьи, то стоит ли считаться с таким государством...

И Япония начинает строить военно-морской флот и обучать свою армию, готовя ее к войне с северным соседом. Россия же отмахивалась от идеи войны с Японией как от назойливых мух, чуть пошевеливая руками, — дескать, куда они полезут эти «макаки» (последнее слово из уст самого царя Николая Александровича).

Но нас сейчас интересует не театр военных действий, воспетый царскими пропагандистами и возведенный в ранг некоего величия, в то время когда все в действительности было абсолютным позором и униже-

нием нашей страны и нашего народа. Народа воистину героического, что он неоднократно и доказал.

Но из героики тех лет и тогда, и сейчас выпал один очень важный эпизод.

Важный, но незаметный — историки и тогда, при царе, и после — и при красной, и при белой власти — не заметили и не замечают, что Камчатка чудом осталась в составе России.

Чудом! И этим чудом были люди. Жители Камчатки. В том числе и курильские камчадалы.

Но давайте все по порядку.

Камчатку, согласно существовавшему в то время международному праву, нельзя было оккупировать — она не была милитаризована.

Но на Камчатке проживало население, которое по всем правилам того же времени имело японское подданство в связи с изменением юрисдикции и суверенитета Курильских островов.

И японцы пришли в 1904 году на Камчатку с миссией освобождения подданных Японии и отторжения от России территории проживания этого населения.

В устье реки Озерной был высажен вооруженный отряд из 150 отставных унтер-офицеров под командованием отставного же лейтенанта императорского флота Сечу Гундзи, который под видом приказчика Камчатского торгово-промышленного общества (реорганизованное в связи с рыбопромысловыми удачами Русское товарищество котиковых промыслов) провел предварительную разведку территории, на которую положил глаз. Он выяснил, что между населенными пунктами Камчатки на юго-западе нет никакой связи (ни телефонной, ни телеграфной), что в летнее время все мужское население занято

Красное «золото» Камчатки, фото ИА 41 (ia41.ru)

Доска поставленная на холме в 500 шагах на Норд-ост от Явино, снята М.И. Сотниковым 4 июля 1904 года

рыбным промыслом, при этом на Камчатке имеется у населения только охотничье вооружение, сами поселения небольшие и взрослых мужчин всего два-три десятка на поселение.

Вывод был простой — десант высаживается и приводит в подданство Японии тех, кто от этого подданства сбежал тридцать лет назад. И не просто приводит в подданство — а с территорией проживания этого населения. А впоследствии эта территория мягко распространяется и на всю остальную рыбную Камчатку, которая покорно перейдет под власть микадо.

Сказано — сделано. И в захваченном японцами селении Явино появляется «тынь» — доска с надписью: смысл этих слов в том, что эта территория уже принадлежит Японии. А кто этот тынь тронет, будет убит.

Коротко и ясно.

Не учли японцы главного — того, что эти самые курильские камчадалы и камчадалы остальных всех мастей — и коренной и русской крови — окажут сопротивление. Сам Сечу Гундзи будет захвачен в плен. Его десант сбежал на остров Парамушир. А японские хищнические шхуны, обрушившиеся в еще большем количестве на нерестовые реки Камчатки, пользуясь тем, что Япония воевала с Россией, беспощадно уничтожались народным ополчением.

Поэтому тот факт, что Камчатка осталась за Россией — только результат народного подвига. И грешно об этом забывать ...

Староста села Явино Дмитрий Дмитриевич Игнатьев был награжден Георгиевским крестом. В народном ополчении принимали участие и другие многочисленные явинские и голыгинские Игнатьевы, Бутины, Притчины

Река Озерная, богатая самой деликатесной по японским меркам рыбой – неркой (или красницей, как называют ее на Камчатке за характерный алый брачный наряд), была и остается самым вожделенным объектом внимания японских рыбопромышленников.

Получив яростный отлуп в года Русско-японской войны, они искали среди русских людей тех, кто помог бы им открыть путь к этому рыбному Клондайку.

По многим рекам полуострова у них уже были представлены свои люди из числа как старожилов Камчатки, так и приезжих людей, которые на японские деньги, получая в Японии орудия лова, рабочую силу, продовольствие, транспорт для доставки людей на рыбалки и поставку продукции на японский рынок, успешно облавливали нерестовые реки и на востоке, и на западе полуострова.

Но доступ к устью реки Камчатка, тоже богатой неркой, они получить не могли — там стоял казачий пост.

А вот река Озерная на юго-западе Камчатки была по-прежнему пустынной — никто из русских еще не оценил ее несравненных богатств.

Но свято место, как известно, пусто не бывает.

И здесь на берегу Охотского моря разыгралась трагедия — из далекого Запорожья заманил на Камчатку своих земляков, привлекая их большими заработками, некий Потужный, который сам прозябал в Харбине.

Вот что сообщал помощник Петропавловского уездного начальника Сомов: «История возникновения колонии такова: хабаровский мещанин Иван Афанасьевич Потужный летом 1906 г. производил лов рыбы на устье Озерной, которая сдавалась им японцам. Таким образом, ознакомившись через своего доверенного с местностью по реке Озерной и с ее рыбными богатствами, он задался целью, как он мне объяснял, устроить на месте этом многочисленных своих родственников — крестьян Херсонской губернии, которые якобы все время находились на его попечении. Задавшись этой целью, по-моему он слишком увлекся вышел из рамки чисто семейного предприятия. Он выработал широко веща-

тельный проект устройства колонии на Камчатке — прилагаемый при сем, который хотя, как он говорит, нигде не появлялся в печати, в чем я сомневаюсь, но, очевидно, при посредстве услужливых знакомых принял широкую огласку, благодаря чему, помимо собранных родственников Потужного, к нему стали присоединяться люди с разных концов и разнообразных профессий, как то: торгующие, телеграфные чиновники, железнодорожные бухгалтеры, счетоводы, конторщики, машинисты-техники и др. люди со специальными техническими знаниями. Эти люди побросали службу с хорошими окладами, жалованьем от 700 до двух тысяч рублей в год. Кроме того, был приглашен фельдшер и учитель — студент II курса юридического факультета, окончивший Гатчинский сиротский институт» (*ЦГА ДВ фонд 702, оп. 1 д. 481, л. 339–340*).

Приехали они в основном из Херсонской области, бывшей Херсонской и Таврической губерний, из сел: Казацкое, Каменка, Бургунка, Тягинка, из Береслава.

Это случилось в 1907 году, когда еще не было подписано рыболовное соглашение между Россией и Японией, по которому Япония получала право ловить рыбу на Камчатке, и японцы еще не знали об этом, внезапно обрушившемся на них, рыбацком счастье.

Вот как охарактеризовал в 1907 году этот «замысел» командир транспорта «Шилка» капитан второго ранга Вяземский: «…Озерная, на которой русский человек Потужный, прежде делавший водку, ныне, обманывая администрацию и служа душой и телом японцам, а главное своему карману, устраивает фиктивную колонию. Этот тип — обыкновенный обманщик и хищник, по-видимому совершенно продавшийся японцам, который под видом устройства колонии огребает деньги как куртаж за концессию, на которой обязался работать руками русских переселенцев, а на самом деле работают японцы, причем он русских притесняет, не давая им зарабатывать деньги» (*ЦГА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 187*).

Итак, народ с Украины на судне Добровольного флота из Одессы прибыл на Камчатку.

А тут случилось то, что случилось — японцы потеряли интерес к русским посредникам, так как могли уже обходиться и без них.

И люди, прибывшие в устье реки Озерной, оказались брошенными на произвол судьбы. Если бы не жители Явино и всей Камчатки, пришедшие на помощь «колонистам», накормившие и обогревшие отчаявшихся, не приспособленных к суровым камчатским условиям запорожцев, то все бы они погибли.

Я не преувеличиваю. Вот ситуация на ноябрь 1907 года: «Жалкий вид производят

Рыбацкое солнце, фото из архива «Витязь-Авто»

эти здоровые и сильные русские люди, а более грустно, а более грустно было смотреть на детей — все они оборваны и грязны, а одеться больше не во что и купить было негде и не на что, теплого платья нет, потому что никто об этом не озаботился, обувь донашивали и не знали, что будут носить дальше, даже нет ниток для починки, нет ни лыж, ни собак, а без этого нельзя никуда уйти далеко от жилищ, не было и ружей для промыслов, да не в чем было и идти. С трудом они выходили, чтобы нарубить дров, да и тут беда: на всю артель три топора, что в свою очередь немало причиняло им раздора, а более велика из всех бед — это недостаток провизии; у них была засолена рыба, но так как были плохие бочки, плохая соль и они не сумели сохранить бочки с рыбой от дождей, то рыба их засола вся испортилась и икра до 200 пудов, а теперь они питались испорченной рыбой, каковую, хотя они и ели, но ели с трудом, и только потому, что больше нечего было есть.

Этой пищей, я думаю, они готовят почву для развития цинги. Ни капусты, ни крупы, ни масла, ни сахару, ни чаю байхового — ничего этого не было. Мука у них была разделена поровну, и хватило бы, по их расчету, до 1 марта, принимая в расчет припек и если только каждый человек будет есть в сутки только по 1 фунту печеного хлеба, но если принять во внимание, что вся их пища заключается в порченой рыбе, к которой они не привыкли, в кирпичном чае без сахару и в 1 ф. хлеба, то нельзя допустить, чтобы взрослый человек, пока он здоров, не соблазнился и не съел бы полтора или два–три фунта в сутки, а тут еще прибавьте неудачную квашню с хлебом или малый припек против рассчитанного, тогда муки не хватит и до половины февраля, а дальше им нечего будет и есть. К 28 ноября у них у всех оставалось 80 кульков муки».

Но выжили. Выстояли. Породнились. И появилось на Камчатке село, которое впоследствии в память о родине назовут Запорожьем.

В это время Камчатское торгово-промышленное общество начало строить на Камчатке рыбоконсервные заводы, которые вскоре получили очень высокую оценку на международном рыбном рынке.

Сергей Федорович Грушецкий построил такой завод в Усть-Камчатске.

Затем, создав самостоятельную компанию «Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкого и К°», он 7 августа 1907 года получает рыболовный участок на реке Озерной и строит на левом берегу рыбоконсервный завод, который обеспечивают сырьем рыбаки-запорожцы, а обработку рыбы ведут рабочие, завезенные из Владивостока.

В результате в устье реки Озерной образуются два самостоятельных поселения — село рыбаков-запорожцев (колония) и поселение вокруг завода на противоположном берегу, которое в 1910 году получает название Унтербергеровское в честь генерал-губернатора Приамурья.

Новый этап в жизни жителей этого «куста» начинается в 1928 году, когда в устье реки Озерной Акционерное Камчатское общество строит РКЗ № 3 (впоследствии № 55) — один из трех самых современных заводов того времени. Рыболовецкие хозяйства сел Запорожье, Явино и Голыгино образуют самостоятельные рыболовецкие артели, которые позже сольются в единый рыболовецкий колхоз «Красный труженик» с центральной базой в селе Запорожье. А рабочий поселок, который первоначально назывался просто Озерновский РКЗ, стал затем и официально называться Озерновским. И в числе славных капитанов, которые начали снабжать завод морской рыбой, были и капитаны Бутины из числа курильских камчадалов, отстоявших Камчатку и сохранивших ее за Россией…

В настоящее время тремя рыбопромышленными «китами» в бассейне реки Озерной являются рыболовецкий колхоз «Красный труженик», компания «РКЗ-55» и один из главных и постоянных наших партнеров в вопросах сохранения природного и исторического наследия Камчатки ООО «Витязь-Авто», председателем Совета директоров которого является Игорь Владимирович Редькин, о котором я не премину сказать несколько слов, потому что его появление в здешних местах было продиктовано спасением жителей поселка Озерновского и села Запорожье, как и в далеком 1907 году, о чем мы рассказали выше.

Когда политические негодяи развалили великую державу — Советский Союз, а местные негодяи принялись акционировать и грабить рыбопромышленные предприятия, в том числе и рыболовецкий колхоз «Красный труженик», в одночасье лишившийся своего флота, и Озерновский РКЗ, переходивший из рук одной бандитской группировки в другую, жители поселка и села оказались лишними на «этом празднике жизни», брошенными на произвол судьбы. Не работала даже пекарня…

Спасение пришло от «Витязей». «Витязь» — это гусеничный вездеход. «Витязь-Авто» — это компания, которая обеспечила в условиях абсолютного бездорожья поставку продовольствия и предметов первой необходимости для жителей западного побережья Камчатки.

Они не были рыбопромышленниками. Стать рыбопромышленниками их уговорила областная власть, умоляя заняться обеспечением этого населения не только завозными товарами и продуктами, но и хлебом, восстановив пекарню. Вместо денег в качестве финансовой поддержки были выделены небольшие квоты на вылов нерки…

Сегодня «Витязь-Авто» — крупнейшее в крае береговое рыбопромышленное предприятие, имеющее на побережье семь рыбоперерабатывающих заводов.

Но, говоря об этом, мы еще не сказали о главном.

«Витязь-Авто» — это одно из немногих рыбопромышленных предприятий Камчатки, которое не на словах, а на деле развивает Камчатку.

«Витязь-Аэро» — крупнейшая на полуострове вертолетная компания, обладающая собственным аэропортом, которая осуществляет авиаперевозки и доставку пассажиров в любую точку полуострова.

«Витязь-Тревел Камчатка» — крупнейший на полуострове туроператор.

«Витязь», фото из архива «Витязь-Авто»

Кафедральный собор Святой Троицы в Петропавловске-Камчатском

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

Удивительно, но город, возраст которого скоро преодолеет отметку в 300 лет, до сих пор не знает имен своих первостроителей.

Якутск знает поименно всех 40 енисейских казаков из отряда казачьего и стрелецкого сотника Петра Ивановича Бекетова, основавших в 1632 году Ленский острог

Охотск знает практически поименно состав отряда Ивана Юрьевича Москвитина, состоящий из томских и красноярских казаков, которые в 1639 году вышли на побережье Охотского (Ламского) моря.

Жители Анадыря могут поименно назвать всех, кто был в отряде Семена Ивановича Дежнева, основавших Анадырский острог.

Петропавловск-Камчатский, основанный на столетие позже — в 1740 году участниками Второй Камчатской экспедиции Витуса Йонассена Беринга и Алексея Ильича Чирикова, знает одно только имя – Ивана Фомича Елагина, штурмана мичманского ранга. Нигде ни словом не говорится о том, что на поиски подходящей бухты для создания на Камчатке базы для Второй Камчатской экспедиции было направлено на боте «Святой архангел Гавриил» два морских офицера — вторым был адъютант Витуса Беринга, произведенный в 1738 году в чин штурмана, Василий Андреевич Хметевский. Именно в связи с его исследованием устья реки Камчатки, где первоначально предполагалось создание базы Второй Камчатской экспедиции, было принято непростое решение — создавать эту базу в другом — безлюдном, лежащем вне традиционной трассы Большерецк – Верхнекамчатск – Нижнекамчатск, месте на берегу Авачинской бухты, которая для самой Камчатки в тот период не имела никакого стратегического значения.

20 сентября 1740 года Иван Фомич Елагин доложил В. Берингу, что им построено «жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента».

Но имена этих строителей до сих пор не известны. Хотя в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) хранятся тысячи документов, связанных с организацией и проведением Второй Камчатской экспедиции.

Но, бог, с ними, первостроителями…

Они пришли и ушли, побросав все, что построили. Камчатскую экспедицию закрыли. Все эти казармы, амбары, «апартамен-

ты» стали никому не нужными. Старая российская история.

Но на период действия экспедиции, когда моряки ушли в море на поиски Америки, в Гавань (как первоначально называли порт по удобной для стоянки Ниакиной гавани, переименованной в гавань святых апостолов Петра и Павла, в честь которых были названы пакетботы Беринга и Чирикова) были отправлены для охраны казенных грузов и строений казаки из Большерецкого острога.

К сожалению, и в этом случае имен почти не сохранилось.

По сообщению членов экспедиции Креницына-Левашева, следующих на галиоте «Святой Павел» в 1766 году из Охотского порта в Нижнекамчатск, они встретили у входа в Авачинскую бухту петропавловского казака Василия Усова, который здесь ловил рыбу.

Это имя символично для Петропавловска.

Почти через столетие в августе 1854 года гребными судами англо-французской эскадры будет взят в плен экипаж русского парусного плашкоута, перевозившего из бухты Тарьи в Петропавловский порт кирпичи. На этом плашкоуте среди матросов будет семья боцмана 46-го Камчатского флотского экипажа Павла Васильевича Усова — жена и двое малолетних детей.

Стелла при въезде в Петропавловск-Камчатский

Как известно, французский адмирал Феврье Де Пуант отпустил с миром эту семью.

В книге писателя Николая Павловича Задорнова «Война за океан» есть такая «трогательная» сцена:

* * *

«Утром Де-Пуант приказал привести к себе русскую женщину.

— Я отпускаю тебя с детьми на берег, — заявил он.

— Батюшка милостивый! — кинулась Пелагея адмиралу в ноги.

Де-Пуант смотрел, как она кланяется, велел поднять ее, еще раз сказал, что отпускает вместе с детьми. Но она не уходила.

Переводчик снова объяснил ей все. Она тупо смотрела на адмирала. А адмирал както выжидающе смотрел на нее.

— Ну что же тебе еще? — спросил он.

— А мужа-то? — сказала Пелагея.

— А муж, как пленный, останется у нас.

— Аи, да что же это! — закричала женщина. — Да я одна не пойду, отца у детей отнимаете.

Она заголосила, слезы лились из ее глаз.

— Ну что тебе твой муж?.. Ну, успокойся, кончится война, и он вернется, — улыбаясь говорил адмирал.

Но Пелагея не хотела слушать. Де-Пуант приказал привести Усова.

— Я еще вчера решил освободить твою семью, — сказал адмирал, когда ввели матроса. — И вот она свободна.

— Премного благодарен, ваше превосходительство.

Усов взглянул в глаза Пелагеи. Старый француз встал между мужем и женой.

— Ну вот она говорит, что не хочет идти на берег одна, — подмигнул старому квартирмейстеру адмирал. — Что ты скажешь?

— Что же я скажу, ваше сиятельство... Милости прошу, отпустите ее.

— Я слыхал, ты вчера рассказывал команде, что участвовал в спасении французского китобойного судна?

— Так точно.

— Благодарю тебя! Французы всегда помнят благородные поступки... Ну вот твоя жена рыдает и не хочет идти на берег и говорит, что кинется в воду, если я тебя не отпущу. Разве она так любит тебя? Ведь ты старик, такой же, как я, а она молодая.

— Не могу знать, ваше сиятельство.

— Сколько тебе лет?

— Третьего года рождения, ваше сиятельство.

— Пятьдесят один год, ваше превосходительство, — перевел поляк.

— Ну, еще опасный враг, — сказал адмирал переводчику.

— Твое счастье, что твоя жена так любит тебя! — обратился он к Усову. — Я уступаю просьбе любящей жены и молодой матери, которая желает сохранить отца своих детей, — строго и серьезно сказал адмирал, показывая, что шутки окончены. — Я отпускаю тебя. Но за это ты должен будешь исполнить мое поручение.

Он встал, перешел к столу и достал конверт.

— Подойди сюда, передай вот это письмо твоему адмиралу Василию Завойко. Передай ему лично в руки.

— Рад стараться, ваше сиятельство!

Адмирал улыбнулся:

— И передай всем твоим товарищам на берегу, что когда мы возьмем Петропавловск, то сразу отпустим всех пленных к их семьям, как и тебя.

— А Киселев тоже семейный, и у него ребятишки есть, — заговорила Пелагея и стала просить адмирала за Киселева.

— И ты знаешь его? — спросил адмирал у ее мужа.

— Как же, даже очень хорошо знает, — ответила Пелагея.

— Это не тот молодой и красивый парень со шрамом на скуле? — спросил Де-Пуант.

— Да, вот именно, — подтвердила Пелагея.

— Что же ты за него беспокоишься? Тебе мало, что я отпускаю мужа, так ты хочешь, чтобы я отпустил тебе и друга?

Адмирал, ласково улыбнувшись, кивнул, и пленных вывели. Через полчаса французская шлюпка под белым флагом доставила Усова с его женой и детьми и Киселева на берег».

* * *

Правда, Павел Васильевич был помладше, чем у Задорнова — он был 1815 года рождения.

На самом деле и его супругу — русскую женщину звали не Пелагеей (это художественная выдумка писателя), а Рахилью Ивановной — она была дочерью петропавловского священника Ивана Александровича Черных. С ней на плашкоуте были дочь Екатерина (1848) и сын Василий (1853).

Как видите, имя Василий в семье Усовых передавалось по наследству.

А знаю я эту историю столь подробно по одной простой причине — Василий Васильевич Усов, сын баталера 27-го Амурского (расположенного в Николаевске-на-Амуре, куда был выведен в 1855 году Петропавловский гарнизон) 3 февраля 1891 года женился на Камчатке на Агриппине Ивановне Спешневой из села Воровского (ныне Соболево) и в этом браке родилась Усова Анна Васильевна — родная бабушка моей жены Татьяны Петровны (до замужества Ларионовой).

А молодой матрос Киселев не был другом Рахили Ивановны, — он был ее племянником. Как пишет в своих воспоминания жена военного губернатора Камчатки Юлия Завойко, на вид он был совсем мальчишка, и поэтому адмирал Де Пуант не стал перечить женщине, малолетние дети которой растрогали старого француза, и он отпускает эту камчатскую семью в полном ее составе.

Часовня возведенная в честь победы над англо-французской эскадрой в Крымской войне

Этого юного матроса звали Иван Степанович Киселев.

В 46-м флотском экипаже служили двое братьев Киселевых и обоих звали Иванами. Иван Первый и Иван Второй

Иван Степанович, который попал в плен, был старшим — 1832 года рождения.

А младшему было в период обороны Петропавловского порта всего пятнадцать лет. Он был юнгой (кантонистом) и наравне со взрослыми участвовал в сражении. 20 (31 по новому стилю) августа 1854 года во время отражения первой попытки англичан и французов высадиться на камчатскую землю в районе Красного Яра (Красной сопки), он погиб.

Киселевы появляются в Петропавловском порту в период формирования Камчатской (Петропавловской) экипажной роты, входившей в состав Охотского флотского экипажа. До этого патриарх их рода — солдат Вавило Степанович Киселев (1765) — служил в Тигильской крепости.

Сначала эта экипажная рота была в составе Камчатского гарнизонного батальона и дислоцировалась в Нижнекамчатске, но позже была переведена в Петропавловский

Памятник «Слава» в честь защитников города от англо-французской эскадры в 1854 году

порт. Судя по имеющимся у меня документам, в Исповедальной росписи Петропавловского собора первые сведения о ее составе появляются в 1815 году.

А в самом Петропавловском порту с 1799 года размещались две роты Камчатского гарнизонного батальона — гренадерская майора Крупского и вторая — Козельского, того самого, в честь которого назван вулкан Козельский. Основной состав этих рот — выходцы из Предбайкалья и Забайкалья, где первоначально формировался будущий Камчатский гарнизонный полк (более известный в истории как полк Сомова). Но в составе полка были и уроженцы Камчатки — казачьи дети, поверстанные в солдаты.

Из числа большерецких казаков, которые во времена Второй Камчатской экспедиции были переведены в Гавань, известны следующие фамилии, представители которых по праву могут считать себя потомками самых первыми постоянных жителей Петропавловска: Новограбленные (впоследствии ставшие Новограбленовыми), Валынкины (Волынкины), Сургуцкие, Чупровы и, конечно же, Усовы.

По линии священнослужителей — также выходцы из большерецких казаков Верещагины и Черных.

Отдельно нужно сказать об Атласовых — один из потомков камчатского Ермака, уроженец Якутска Семен Никитич Атласов появляется на Камчатке как представитель провиантской службы, но за какой-то проступок был разжалован в рядовые и впоследствии дослужился до вахтера 46-го Камчатского флотского экипажа. Его сыновья — Иван (1836) и Степан (1844) — оборонял Петропавловский порт в 1854 году. Вы правильно обратили внимание на дату — кантонисту Степану Атласову было всего десять лет. До середины XX века потомки Атласовых проживали на Камчатке в селах Сероглазка и Николаевка, но в настоящее время следы этой камчатской линии Атласовых затерялись на материке…

После расформирования Камчатского гарнизонного батальона и перевода в Петропавловский порт Камчатской экипажной роты здесь, исключая священнослужителей, практические не было гражданского населения — только казаки и матросы.

Это Сметанины, Корякины, Карандашевы, Томские, Наяновы, Третьяковы, Голых, Хохловы, Расторгуевы, Мутовины, Сысое-

Оборона Петропавловского порта на Камчатке 24 августа 1854 г. Копия с картины художника А.П. Боголюбова 1865 г. (ЦВММ). Картина была написана А.П. Боголюбовым по заказу Александра II. Для максимальной достоверности ученик художника Ф.Ф. Боганц посетил Камчатку и сделал этюды местности

вы, Юшины, Копыловы, Савинские, Коневы, Белокопытовы, Слободчиковы, Черепановы, Корниловы, Чудиновы, Помаскины, Воробьевы, Шестаковы, Поповы, Винокуровы, Колинда, Минюхины, Горбуновы, Тихоновы, Шамаевы, Ордины, Петуховы, Пшенниковы, Толстихины…

Гражданское население появляется только после 1812 года, когда Петропавловский порт приобретает статус административного центра. И первыми петропавловскими мещанами были дети камчатских купцов — Сахаровы, Ворошиловы, Толман, Сновидовы, Флетчер, Гарднер, Бушуевы, Косыгины, Калмаковы, Хунтер… А также представителей Российско-Американской компании — Заочные, Барнашевы (Бурнашевы), Выходцевы.

Примерно в это же время начинает формироваться и население сел Авача и Халактырка, где прежде проживало только коренное население — камчадалы.

Мемориальный комплекс «Батарея Максутова», расположенный на мысе Сигнальном в Петропавловске-Камчатском

В Авачу начинают подселять крестьян из Якутии — Коркиных, Пономаревых, Новгородовых, Филипповых и военнопоселенцев (из числа тех солдат, кто после расформирования Камчатского гарнизонного батальона решает связать свою дальнейшую судьбу с полуостровом) Тюрюковых, ссыльных Мурзиных, крестьян Заниных, Климовых. В Халактырке поселяется часть казаков из рода Селивановых.

В 1853 году из Гижигинской крепости переводят на Камчатку казачью сотню и появляется на берегу Авачинской бухты новое село Сероглазка и казачьи фамилии Крупенины, Кошкаревы, Манаковы, Неворотовы, Тувалины, Поповы…

Все они в 1854 году будут в передовых рядах участников обороны Петропавловского порта, а в период Русско-японской войны — в составе народного ополчения.

Я не для красного словца привожу этот достаточно большой список петропавловских старожильческих родов. Дело в том, что ни на одном из юбилеев города эти фамилии никогда не упоминались. Мы чествуем, как правило, героев со звучными именами и титулами (точнее, наоборот), приглашая на торжества их потомков, даже не подозревая, что рядом, в одном городе, вместе с нами, проживают многочисленные потомки тех самых людей, уроженцев этой земли — Камчатки, чье мужество и героизм явились главной основой всех тех побед, великих свершений, открытий и подвигов, которые мы во всеуслышание славим из года в год в своих праздничных торжественных речах, не задавая себе простого вопроса о том, чьими реальными жизнями, чьей реальной кровью, чьими реальными подвигами создавалось все то, что влилось в нынешний высокий и гордый титул Петропавловска-Камчатского — города Воинской Славы.

И это, я считаю, несправедливым по отношению к исторической памяти.

Петропавловск-Камчатский, который создается в XX веке, на мой взгляд, — это город, построенный без любви.

Эти слова я пишу с горьким сожалением, но это действительно так.

Дома барачного типа, построенные наспех и натыканные без всякой перспективы на будущий вид города.

Расчет был простой — люди приезжают ненадолго, за большими заработками, им не до удобств, лишь бы была крыша над головой.

По этому принципу строили и позднее — те же «хрущевки», в которых и одному человеку тесно, а затем придуманные в Ленинграде для северян безбалконные (а зачем балконы — когда 9 месяцев зима?!) «эркерные» дома.

Ссылаясь на сложный ландшафт, дома строили, где ни попадя, считая тротуары

излишеством, на межквартальных проездах безбожно экономили, сводя их до такого минимума, что сегодня автомобилям не разъехаться…

Архитекторы особо не мудрили и строили дома по одному и тому же проекту — создавая серый унылый однообразный и однотипный город, лишенный какой-то архитектурной выдумки, оригинальности, своеобразия…

Петропавловск — это город без своего лица.

Помню, когда впервые открыли Петропавловск для иностранцев, в гостях у нас был потомок японского купца Такадая Кахэя, благодаря которому командиру Камчатки Петру Ивановичу Рикорду удалось спасти из японского плена своего друга Василия Михайловича Головнина. И ему задали традиционный по такому случаю вопрос: понравился ли ему наш город. И мне на всю жизнь запомнился его очень тактичный ответ: ваш город необыкновенно красив… ночью.

И это правда — залитая светом вечерних огней чаша Култушного озера и Авачинская бухта, отражающая освещенные в ночи корабли необыкновенно красивы. Колоссальное впечатление на всех приезжих оказывают наши домашние исполины – Корякский и Авачинский вулканы. Грандиозен Вилючинский вулкан, особенно на фоне искрящейся на солнце Авачинской бухты в погожий день. Замечательны Три брата…

Прекрасно в нашем городе все, что сотворила здесь Природа-Мать…

А от того, что оставил здесь человек — временщик по совести, духу, убеждениям, настроениям, то есть по сути своей, — производит впечатление вовсе даже не из приятных, и редкий турист, кто уже однажды побывал на Камчатке, стремится снова побывать нашем в краевом центре.

Сейчас для парада иностранных гостей, прибывающих в Петропавловск на океанских лайнерах, строится на перешейке между Авачинской бухтой и Култушным озером нечто грандиозное, но столь же безвкусное, как и обычно, в какой-то псевдоисторической манере, для «показухи», которое должно создать нечто, являющееся историческим центром нашего города. Строится без души и без сердца… Душа здесь не греет, а сердце не бьется.

К чему все это я?

К тому, что Петропавловск-Камчатский не достоин такого исторического беспамятства и такого к себе пренебрежения со стороны тех, кто определяет лицо нашего города.

Петропавловск-Камчатский — второй по возрасту город на Дальнем Востоке. И его «седины» мы обязаны уважать.

Петропавловск-Камчатский — единственный российский порт на Тихом океане, который принимал членов экипажей кругосветных плаваний Джеймса Кука, Франсуа Лаперуза и многочисленных русских кругосветок, начиная с Ивана Федоровича Крузенштерна, которые являются величайшей славой нашей морской державы…

Петропавловск-Камчатский — это слава и русскому воинству, которое в совершенно неравном бою с превосходящими силами противника одержало единственную победу в Крымской войне 1853–1856 годов.

Но как эта история отражена в облике камчатской столицы?

Более шестидесяти лет назад, к 100-летию Петропавловской обороны, патриоты Камчатки создали уникальный мемориальный комплекс на Никольской сопке — единственное место в городе, которым мы по праву можем гордиться.

Как мы продолжили эту замечательную традицию — напичкали памятниками площадь перед Домом Правительства, полагая, что это очень удобно для гостей столицы — не нужно утруждать себя походами по го-

роду (все равно смотреть больше нечего!), а нашим горожанам, якобы, все эти памятники и вовсе без надобности…

Город, лишенный исторического содержания, не может иметь архитектурной перспективы — и это факт.

В далеком российском анклаве — Калининграде — строится грандиозный Музей Мирового океана, в котором будут представлены все российский кругосветные экспедиции.

Там же, в Калининграде, в этом Музее (именно так — с Большой буквы) будет и раздел рыболовного освоения Мирового океана.

А на Камчатке, где историческими событиями мирового масштаба можно заполнить все имеющееся здесь пространство, на Камчатке — которая была и есть рыбной житницей России — до сих пор руководство края так и не удосужилось предоставить (я уже не говорю — построить) краевому краеведческому музею достойное истории нашего полуострова здание для создания экспозиций, посвященных этим событиям всероссийского и мирового уровня.

Камчатка прозябает в историческом небытии.

Петропавловск-Камчатский — зеркальное тому отражение…

Стела «Город воинской славы»

Часовня Форта Росс, www.historynet.com

ФОРТ РОСС

Говорят, что правильнее (то бишь по-русски) говорить крепость Росс, или село Росс, но коли уж вошла в наш лексикон американская форма названия, нужно смирить гордыню — ведь в 1841 году мы продали эту крепость-село американцу, «калифорнийскому императору» Джону Саттеру за 42 857 рублей серебром. Не знаю, дорого это по тем ценам или дешево, но никто другой у Российско-Американской компании покупать Форт Росс не собирался. Мексиканцы считали эти земли своими. Компания «Гудзон Бей» не проявляла видимого интереса, полагая, что русские и так забросят эту свою южную колонию и она достанется компании даром.

Форт Росс, или просто селение Росс, колония Росс была основана в 1812 году Иваном Александровичем Кусковым, уроженцем и великой гордостью города Тотьмы, по приказу правителя Русской Америки, каргопольского купца Александра Андреевича Баранова.

Правда, из официальной истории Форта Росс почему-то выпадает предшествующее появлению русской колонии в испанских владениях событие, связанное с именем Николая Петровича Резанова.

Не буду назойливым, но все-таки повторю, что не праздный интерес, а жесточайшая необходимость заставила Николая Петровича по прибытии его в Русскую Америку отправиться в Калифорнию.

Вот что пишет человек, весьма критически оценивающий, как и многие другие русские моряки, кумиром для которых был И.Ф. Крузенштерн, деятельность и поступки Н.П. Резанова: «Нужда в колониях, — пишет в своем исследовании Петр Александрович Тихменев, историк Русской Америки, — во всем необходимом доходила до того, что на 200 человек выдавалось хлеба не более фунта (454 грамма. — С.В.) на неделю на каждого, и то только до 1 октября. Рыба перестала ловиться. Сушеная юкола, сивучина и изредка нерпы составляли единственную пищу новоархангельцев. Нужда заставила не пренебрегать ничем: ели орлов, ворон, каракатиц и вообще всякую всячину. Только больным скорбутом (цингой. — С.В.), царствовавшим, можно сказать, в заселении, давали пшено с патокою и пиво, сваренное из еловых шишек».

Но это не помогло: «По отбытии моем скорбут свирепствовал как здесь, так и на Кадьяке. Умерло русских 17 человек. В порте Ново-Архангельске 60 человек было недвижимых. Американцы наши также были

одержимы сею болезнею, и много умерло. К счастью, марта 22-го числа подошла сельдь; люди, получа свежую пищу, начали ею оправляться, и теперь только 6 человек опасных да 5 человек на костылях бродящих, которых стараемся подкреплять зеленями и хлебною пищею» (Н.П. Резанов в донесении Р.Г. Румянцеву).

И Резанов приобретает у американского купца из Бостона мистера Вульфа 206-тонный обшитый медью корабль, который назвал «Юноной».

На дворе был февраль 1805 года. Идти в это время в тропики было безумием.

Позже сам Резанов писал об этом путешествии: «Вышед февраля 25-го дня на купленном мною у бостонцев судне «Юноне» в путь мой, в скором времени начал екипаж мой валиться. Скорбут обессилил людей, и едва уже половина могла управлять парусами. Скорбное положение наше принуждало нас к релашу. Я имел и без того в виду осмотр р. Коломбии, о которой довольно дал я Главному правлени ю на замечание, и потому, избегая повторений, ссылаюсь на последние бумаги мои. Мы пришли на вид устья ее марта 14-го числа, но противный ветер принудил удалиться. Держа курс к югу, возвратились мы на другой день и думали войти, как обсервация показала нам другую широту, и мы увидели, что сильным течением снесло нас близ 60 миль и что были мы против Гавр-де Грея, которого северная часть берега с видом устья Коломбии весьма сходствовала. Ветер от берега позволил нам лечь на якорь, и мы послали байдарку, в которой доктор Ланздорф проехал в гавань. Лот показал ему на убылой воде глубину входа на баре от 4 до 5 сажен, и, по словам его, он отнюдь не так непроходим, каким его описывают, а может быть, с того времени и течением промыло его. Он видел в конце губы множество дымов и потому заключил о жителях; отстои сами по себе хороши и довольно защищены от ветров, грунт песчаный. Я повторяю здесь вашему сиятельству слова доктора, но берега видел я довольно пологие, песчаные и поросшие лесом. В ночь, пользуясь ветром, удалились мы от берегов, и, наконец, противные и жестокие ветры держали нас в море. Больные день ото дня умножались, и один сделался уже жертвою странствий наших. Начиная с меня, скорбут не пощадил никого и из офицеров, и мы, искав войти в р. Коломбию, как единую до Калифорнии гавань, чтоб освежиться, приближились к ней марта 20-го числа ввечеру и бросили якорь. На другой день думали мы входить, но жестокое течение и покрытый превысокими бурунами фарватер затруднял вход наш. Индейцы зажгли на высотах огни, которыми ко входу приглашали нас, но, как видно, слишком свежий ветер препятствовал им быть нашими проводниками. Наконец, пустились мы искать себе убежища и зашли в такие толчеи, что едва уже на 4 саженях успели бросить якорь и удержаться. Здесь видел я опыт искусства лейтенанта Хвостова, ибо должно отдать справедливость, что одною его решимостию спаслись мы и столько же удачно вышли из мест, каменными грядами окруженных; свежий норд, а паче болезнь людей, принудила нас воспользоваться первым, и мы, благодаря Бога, получа с лунациею продолжительно благоприятствовавший нам ветер, хотя и с бледными и полумертвыми лицами, достигли к ночи марта 24-го числа губы Св. Франциска и, за туманом ожидая утра, бросили якорь».

Г. Доре, из издания книги «Поэма о старом моряке». Цинга была причиной большего количества смертей на море, чем штормы, кораблекрушения, сражения и все другие болезни вместе взятые

Мы сейчас не о любовной лирике и не о сюжете рок-оперы «Юнона и Авось». Мы о реальной жизни.

В это самое время Россия разорвала дипломатические отношения с союзником Испании Францией.

И обручение православного русского графа с дочерью испанского коменданта крепости Сан-Франциско, исповедующей католичество, было продиктовано жестким расчетом во имя спасения своих соотечественников в Русской Америке.

Граф Резанов, безусловно, был человеком чести, и он бы обязательно вернулся за своей невестой, если бы не ранняя смерть в Красноярске.

Но в Калифорнии главным его делом было все-таки не это — 4600 пудов пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобов, соли и сушеного мяса доставил он в июне 1806 года в столицу Русской Америки Ново-Архангельск.

И естественно, именно Николай Петрович Резанов был инициатором создания русской колонии в Калифорнии для обеспечения Русской Америки продовольствием. И эта его инициатива была реализована Барановым, а исполнена Кусковым.

В 1830 году главный бухгалтер Главного правления РАК Н.П. Боковиков писал правителю ново-архангельской конторы РАК и своему другу К.Т. Хлебникову: «Резанов открыл в Калифорнии неиссякаемый, по тогдашнему мнению, источник хлеба, которым думали вечно прокормить свои колонии даром... А между тем калифорнийский источник хлеба давно иссяк, а об экспедициях и говорить нечего, на них столько истрачено денег сверх надобности без всякой пользы и цели, что достало бы оных сделать из Якутска к Охотскому морю такое же шоссе, какое делается из Петербурга в Москву».

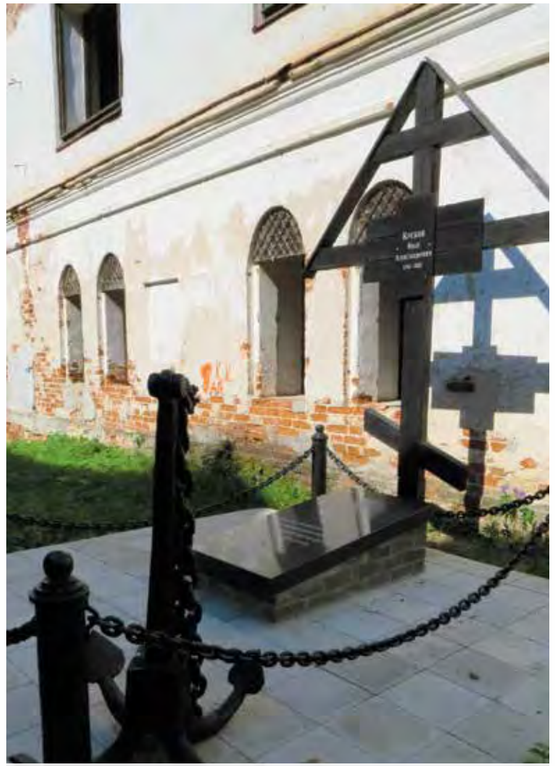
Но эти слова главного бухгалтера совершенно не соответствовали действительности.

Вот какой ответ дают ему спустя полтора столетия авторы статьи «О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии» в журнале «Вопросы истории», № 1 за 2013 год, Александр Юрьевич Петров — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, митрополит Калужский и Боровский Климент (Капа-

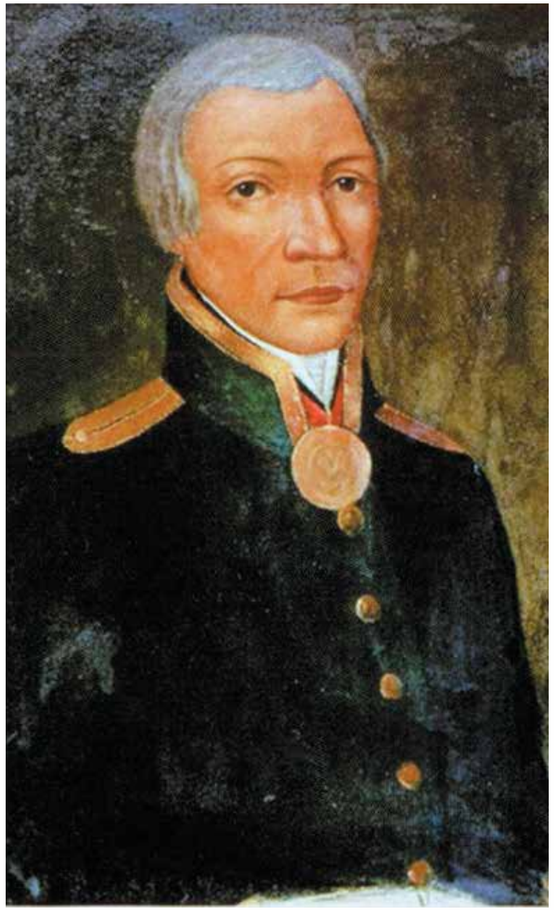
Луга северной Калифорнии, www.1zoom.ru

лин) — кандидат исторических наук, председатель Издательского Совета Русской православной церкви, член Высшего Церковного Совета Русской православной церкви и Алексей Николаевич Ермолаев — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией истории Южной Сибири Института экологии человека Сибирского отделения РАН: «... Несмотря на относительно неблагоприятное положение крепости и селения Росс по отношению к другим территориям в Калифорнии (влажный климат, туманы, недостаточные посевные площади), земледелие в Россе успешно развивалось. Так, при правителе И.А. Кускове ежегодно снималось всего около 100 пудов пшеницы и ячменя. При Шмидте ежегодно добывалось уже около 1800 пудов зерна. При правителе П.И. Шелехове земледелие достигло уровня 4500 пудов зерна в год. В 1830-х годах при правителе П.С. Костромитинове (1830–1838 гг.) произошло расширение посевных площадей. Ф.П. Врангель в 1832 г. с удовлетворением

Тотьма. Воссозданная могила купца Ивана Александровича Кускова

Хвала, Вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь Вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.

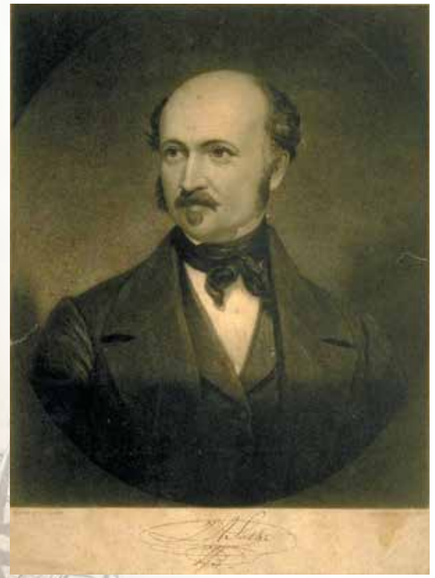

Подаренный Тотьме ещё в 1916 г. портрет Ивана Кускова, по одной версии, был написан безвестным художником Форта Росс в 1813 г.

докладывал в Главное правление: «Урожай пшеницы... ныне был довольно хорош... Скотоводство селения Росс тоже в хорошем состоянии разводится и с успехом».

И еще одна важная для нас цитата: «Отдельно стоит сказать о Егоре Леонтьевиче Черных. Он получил специальное образование в школе Московского общества сельского хозяйства и успешно занимался сельским хозяйством на Камчатке. По инициативе Главного правителя колоний Ф.П. Врангеля, он был приглашен на службу в Российско-Американскую компанию и был направлен в селение Росс в качестве помощника П.С. Костромитинова. Благодаря усилиям Е.Л., Черных сельское хозяйство в Русской Калифорнии получило дальнейшее развитие. По его настоянию вспашка земли стала вестись не на лошадях, а на более крепких быках. Им была сконструирована и сооружена «молотильная машина», закуплены в Чили семена лучшей пшеницы. Засев новых площадей привел к увеличению сбора хлеба.

Согласно донесению Купреянова от 29 апреля 1839 года, вывоз зерна в 1838 году достиг рекордной цифры в 9,5 тыс. пудов. Здесь стоит обратить внимание, что ежегодные потребности русских колоний в Америке в этот же период составляли около 15 тыс. пудов хлеба. То есть Росс покрывал две трети всех потребностей. Кроме того, если учесть, что доход от сельского хозяйства в 1820-х годах, когда максимально собиралось 4,5 тыс. пудов зерна, составлял 9 тыс. рублей, то в 1838 году, когда было собрано 9,5 тыс. пудов хлеба, он должен был составить в два раза больше, то есть около 18 тыс. рублей. Но в официальных бумагах фигурировали ничтожно малые суммы дохода (3 тыс. рублей), а расходы, наоборот, указывались очень большими (десятки тысяч рублей). По данным некоторых исследователей, именно в 30-х гг. XIX в. Калифорния становится для Русской Америки основным хлебным рынком. Более того, как замечал Дж. Саттер: «Пшеница, овес, овощи произрастали на русских фермах в Калифорнии, где также держали скот... Жители Русской Аляски были так зависимы от того, что производилось у них в Калифорнии, что молоко, которое поступало в дом главного правителя в Ново-Архангельске, было получено от коров, которые питались сеном, получаемым из Калифорнии».

Джон Саттер, «Император Калифорнии» www.stena.ee

Таким образом, анализ имеющихся документов позволяет отметить явное противоречие официальных причин упразднения крепости и селения Росс с действительным положением дел. Урожаи в окрестностях русской колонии в Калифорнии год от года росли, как и поставки зерна в Ново-Архангельск, хотя директора РАК уверяли Правительство России в обратном».

А теперь мы представим главного героя этой публикации, главного хлебороба Форта

Реконструкция арсенала Форт Росс

Росс Егора Леонтьевича Черных в другой его ипостаси — это представитель камчатского казачьего рода Черных, которые стали священниками (представителем этого рода также является святой Серапион Амурский см. главу «Николаевск-на-Амуре»). Егор Леонтьевич был сыном Леонтия Георгиевича Черных — тигильского священника. Он, как и его братья, окончил духовное училище и должен был пойти по унаследованной семьей линии, но его отправили учиться в Москву…

Почему же русские продали это прекрасное место в цветущей Калифорнии?

История на самом деле банальная и типично русская — проворовался последний начальник Форта Александр Ротчев, а чтобы скрыть недостачу, сфальсифицировал отчетные документы, переведя рентабельное и успешное хозяйство в убыточное, от которого нужно в срочном порядке избавляться.

Избавились.

Форт Росс приобрел американец швейцарского происхождения Джон Саттер, который впоследствии основал в Калифорнии город Сакраменто — столицу калифорнийских золотоискателей.

Когда в Сакраменто обнаружили золото, мистер Ротчев в 1851 году прибыл сюда с собственной моечной машиной…

И еще одна любопытная деталь на «десерт»: Елена Александровна Ротчева (1833–1907(8) гг.), детство которой прошло в Форте Росс, вышла в Иркутске замуж за ссыльного петрашевца Федора Николаевича Львова (1823–1885 гг.), а их дочь Юлия (род. 1873 г.) — за Александра Александровича Векселя, представителя фамилии, родоначальником которой был шведский моряк Свен Вексель, сподвижник Витуса Беринга, вместе с которым в 1741 году они побывали у берегов будущей Русской Америки. Вот так тесен наш мир…

Столица Калифорнии вечерний Сакраменто, www.diasporanews.com

СВЯТОГОРОВО

ДМИТРОВСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Эту историю рассказал в газете «Московская правда» в 2009 году Андрей Федоров. Друг моего друга.

«Несколько лет назад мой друг Виталий Блажевич, по специальности архитектор, а по состоянию души — путешественник и романтик, долгое время на севере Московской области пытался выяснить маршрут преподобного Сергия Радонежского из Покровского монастыря Богородицы в Хотькове к месту новой пустынной обители, где ныне стоит город Сергиев Посад.

Частенько, раскинув на полу старую, потрепанную карту Дмитровского района, мы подолгу ползали по ней, пытаясь представить путь молодого пустынника Варфоломея и его старшего брата Стефана.

Безусловно, отправились братья в этот «поход» не с пустыми руками. Им пришлось нести на себе плотницкий инструмент для строительства будущего скита, силки для лова птиц и мелких зверей, снасти для рыбалки, посуду, какую-то провизию. Даже по самым скромным подсчетам, походное снаряжение каждого весило не менее 40 килограммов.

Естественно, идти с таким весом легче вдоль реки, нежели пробираться сквозь непроходимую чащу. И потом: только река могла прокормить путешественников. Единственная река между Хотьковским монастырем, откуда в 1339 году вышли братья, и конечной точкой прибытия, где был построен скит, — Веля. Именно она преграждала им путь. Река была довольно многоводна, так как по ней даже в XIX веке сплавляли лес на Волгу. Изобиловала множеством перекатов и даже порогов.

Самый простой маршрут — идти вдоль берега на северо-восток. Там леса были глуше. Выражаясь современным языком туриста, «ненаселенка».

Итак, с большой долей вероятности можно сказать, что Стефан и Варфоломей дошли до истока Вели и, пройдя еще несколько километров, решили остаться здесь. Далее читаем в житиях, что «братья осмотрели место и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. И освящена

была церковь во имя святой Троицы (где впоследствии и возникла Троице-Сергиевская Лавра. — С.В).

Вполне возможно, что изначально именно здесь братья хотели основать пустынь в Святогорово и даже дали местности название «Святые горы». Но почему не остались, а пошли дальше?

Прежде всего будущему пустыннику (а таких, как Варфоломей, на Руси было немало) должно было быть знамение свыше: «Да, это именно то место! Здесь строй обитель!» Но как это узнать? А посредством неустанной молитвы.

Предположим, что юноша так и поступил, но тогда возникает вопрос: где могло находиться это самое молельное место в окрестностях Святых Гор?

Ледник, который остановился здесь более 70 тысяч лет назад, приволок с собой миллионы тонн песка, глины и камней, полностью изменив рельеф местности. Огромные валуны лежат тут всюду. Особенно их много в руслах реки и множества ручьев, стекающих по глубоким оврагам. Обычно пустынники искали для молитв именно большой плоский камень, стоя на котором можно было бы возносить молитвы Небесному Отцу.

На лодке и пешком вдоль берега мы исходили всю округу. И вот прошлой зимой такой камень был наконец найден. Нашел его Виталий, когда обследовал один из оврагов в пойме Вели.

Сначала он нашел небольшой родник, бьющий из склона горы. Сняв лыжи, хотел воткнуть их в сугроб, чтобы не мешали пробраться к роднику через заросли кустарника. Но они наткнулись на твердую поверхность. Расчистив снег, Виталий обнаружил большой плоский

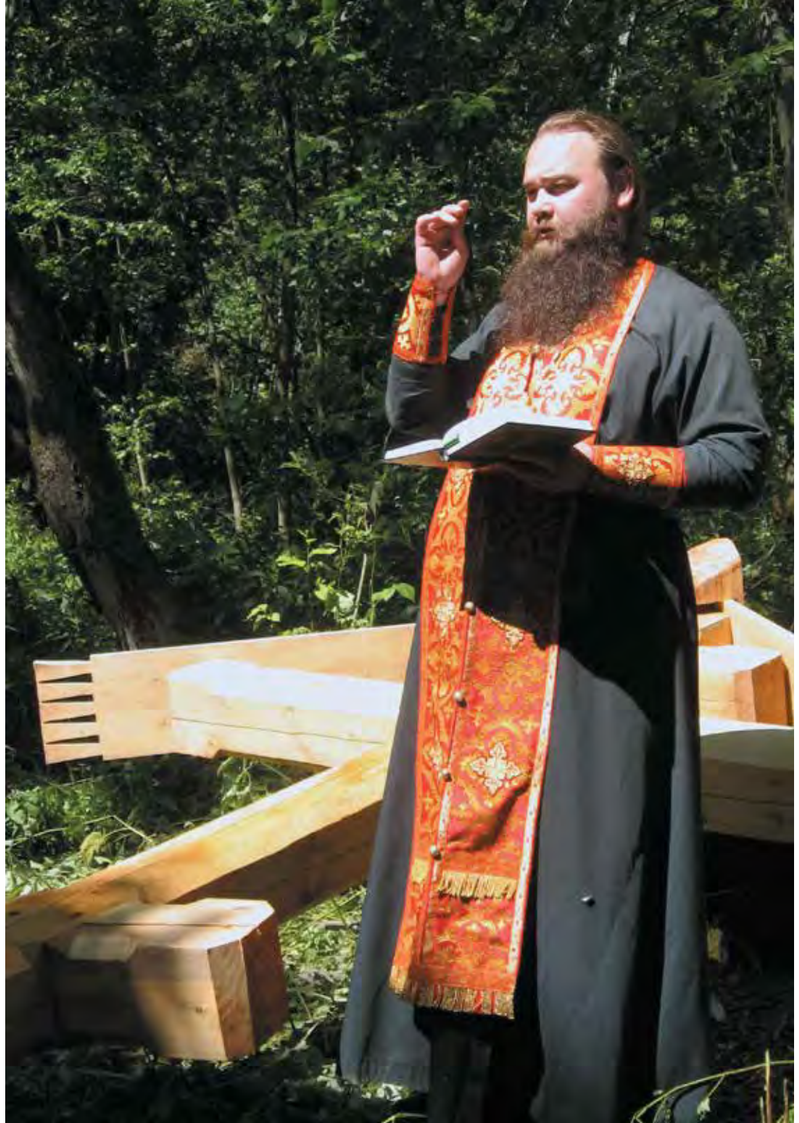
гранитный монолит более двух метров в длину и 80 сантиметров в ширину. Причем каменная плита покоилась на более мелких плоских камнях, игравших роль фундамента. Явно творение рук человеческих!

Вполне возможно, что именно на этом молельном камне в середине XIV века и возносил свои молитвы к Богу сам Сергий Радонежский.

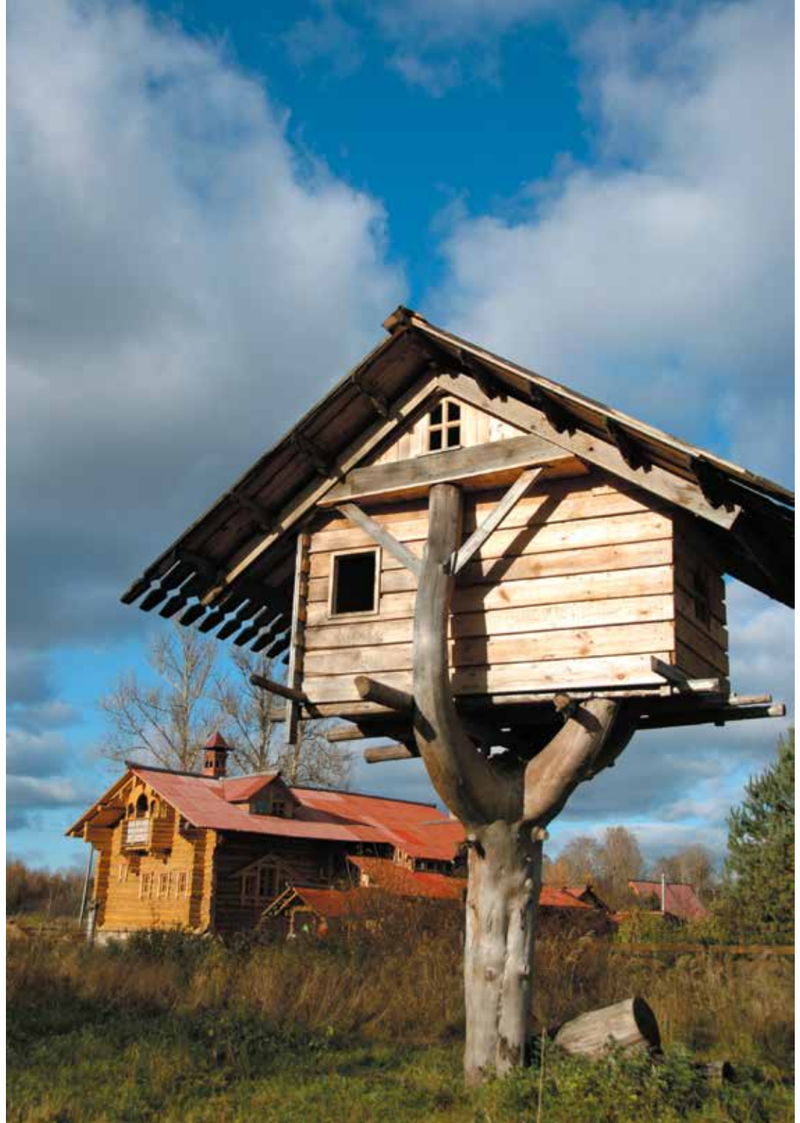
Летом возле предполагаемого молельного камня жителями деревни Святогорово был установлен и освящен деревянный крест».

Вот такая история.

И уж коли мы начали этот разговор о друзьях, то и продолжим свой разговор о них. С Виталием (Виталием Станиславовичем) меня познакомил наш

Освящение поклонного креста

общий друг журналист Владимир (Вячеславович) Гусев. Мы с Володей в конце 1980-х годов очень часто бывали в совместных командировках (он в это время работал в обществе «Знание») и часто бывали в Москве, где он и познакомил меня с Виталием, который прежде тоже работал на Камчатке.

В то время еще никто из нас не подозревал даже, что нашей общей судьбой станет заброшенная церковь в закрытом камчатском селе.

Забегая вперед, скажу, что случайностью это не было. Совсем недавно (в 2017 году) московские власти попытались осквернить эти святые места, связанные с памятью о национальном герое России Святом Сергии Радо-

авторские работы архитекторов Блажевич

нежском — «игумене земли Русской, всея России чудотворцем», создав на этих землях мусоро-сортировочный комплекс с мусоро-перерабатывающим заводом.

Понимая, как трудно в наши времена разговаривать с чиновниками, для которых кроме денег не существует на этой земле ничего святого, Виталий Станиславович Блажевич с сыном Владиславом установили в центре этой площадки, планируемой под московский мусоросборник, одиннадцатиметровый поклонный крест весом в полторы тонны с надписью: «Поклонись древней Земле предков наших, помяни их в молитвах своих». Здесь же построена и часовня с иконой преподобного Сергия Радонежского.

И поэтому, когда в начале 1990-х годов я обратился к Виталию помочь найти человека, который сможет восстановить в закрытом селе (бывшей столице Камчатки) заброшенную церковь Успения Божьей Матери, вас уже не удивит тот факт, что Виталий Станиславович сам взялся за организацию реставрационных работ — в Архангельске он нашел специалиста, который осуществил ревизию здания и сделал проект, а потом сам взялся выполнять самые сложные (самые невероятно сложные в условиях, когда на 50 верст вокруг ни души, не говоря уже о какой-то там технике) от доставки в Нижнекамчатск леса, сплавляя его по реке Камчатке, перевалке бревен, их подготовке к замене сгнивших венцов, восстанов-

Авторы проекта восстановления Успенской церкви (слева направо): В.С. Блажевич, С.И. Вахрин, Н.Л. Бушнев

Идеи новых туристических троп в окрестностях Святогорова

Посещение Дмитрием Донским Сергия Радонежского перед походом против татар 1380 г., скульптор А.В. Логановский. Уцелевшие горельефы со старого Храма Христа Спасителя (1847–1849 гг.)

лению стен, разборке и сборке церкви, изготовлению и установлению крестов…

Виталий Станиславович Блажевич — член Союза архитекторов России. Известный реставратор. Одна из его работ — Церковь Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Новокосино (Москва).

В 1997 году Виталий Станиславович поселился в заброшенной деревне, расположенной в Святых Горах, где он создает новые архитектурные чудеса — «экологические» дома из соломы и глины, копия Соловецкого лабиринта, памятник Воинам, гостиница (из соломенных блоков) «Играстория» Борисоглебского монастыря. Одним из таких святогорских «чудес света» является и его собственный дом — предмет удивления, восторга и доброй зависти туристов, которые проходят ежегодно по открытой сегодня для всех по инициативе Виталия Станиславовича и его односельчан-святогорцев тропе Сергия Радонежского — от Лавры до города Дмитрова…

Храм Всех святых, в земле Русской просиявших, в Новокосине

Ситка, штат Аляска, wallhere.com

СИТКА (СИТХА, НОВОАРХАНГЕЛЬСК), ШТАТ АЛЯСКА, США

История продажи Русской Америки — одна из самых запутанных, непонятных, нелогичных, больно цепляющая национальное достоинство и патриотические чувства граждан России.

Столицей Русской Америки был Новоархангельск (современный Ситка), основанный первым русским правителем этой земли каргопольским купцом Александром Андреевичем Барановым.

Город пережил две войны с индейцами. Правда, за кадром остается тот факт, что обе эти войны были спровоцированы бостонскими, то бишь американскими, купцами, объявившими России «меховую» войну.

В 1771 году в Кантон прибыл с Камчатки галиот «Святой Петр» с грузом захваченной в Большерецком остроге казенной пушнины, которая была продана по очень выгодной цене.

Но это событие еще не стало началом будущей «меховой войны».

Собор Святого Михаила Архангела — православный храм в городе Ситка, www.loc.gov

Войну спровоцировали члены Третьей кругосветной экспедиции Кука (1776–1779), прибывшие в Кантон с большим грузом мехов, добытых ими на Алеутских островах и Аляске.

И в 1785 году из Кантона вышел бриг с символическим названием «Морской бобр», который британский капитан Джеймс Ханна повел в залив Нутка на острове Ванкувер, где он приобрел 560 шкур морского бобра (калана), проданные им в Кантоне за 20600 пиастров (испанских серебряных долларов).

В 1786 году Ост-Индская компания, следуя примеру Ханна, снаряжает в эти края сразу три своих судна, которые отправляются на тихоокеанское побережье из Бомбея.

Два из них доставляют в Кантон 600 шкур морских бобров и продают их «гуртом» за 24 тысячи пиастров.

А вот что касается третьего из них, которым командовал лейтенант Мирс, то оно доставило всего 357 шкур, но продажа их шла не оптом, а в розницу и по очень высокой цене — от 50 до 90 пиастров за штуку.

Причина — эти шкуры были особо высокого качества, так как добывались в более северных широтах, чем прежде — на побережье Чугатского залива, где в это же время промышляли русские зверобои из компании соликамского купца Ивана Лапина, тотемского купца Алексея Холодилова и тотемских же купцов братьев Пановых.

Вид Новоархангельской крепости на острове Ситхес восточного большого рейда, архив РГАВМФ

В 1787 году в Кантон прибыла экспедиция Жана Батиста Лаперуза с грузом пушнины.

В тот же год капитан Берклей из Остенда (Западная Фландрия, Северное море) доставил в Кантон 800 шкур.

Наконец, бостонцы (американцы) доставили из Калифорнии сразу тысячу шкур морского бобра, обвалив пушной рынок. Цены упали…

Если спутник капитана Кука лейтенант Кинг продавал шкуру калана за 800 пиастров штука, то бостонцы соглашались и на двадцать.

В 1805 году, когда и русскими был доставлен груз пушнины с Аляски самого высочайшего качества, то купцы Российско-Американской компании (РАК), полагая продать эти шкуры по 30 пиастров за штуку, получили… лишь половину этой цены. Причина — незадолго до прихода «Невы» с пушниной РАК бостонские купцы доставили в Кантон из этих же мест 14 тысяч шкур морского бобра. На борту «Невы» было еще 130 тысяч шкур морских котиков, которые русские купцы предполагали продать по пиастру за штуку. Но и это не вышло — опередившие их бостонцы доставили 90 тысяч таких же шкур.

Поэтому перед первым правителем Русской Америки стояла важнейшая из задач — закрыть границы Русской Америки для иностранных торговцев.

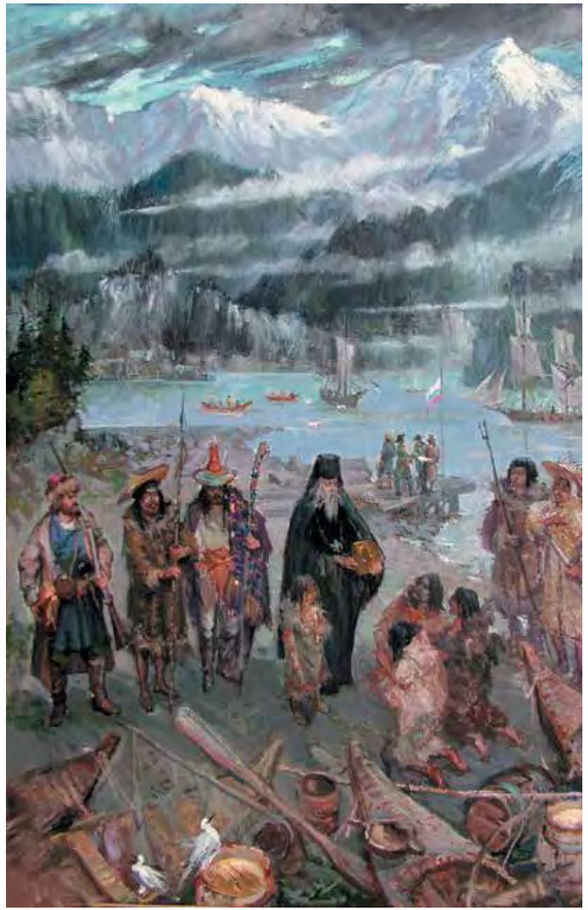
Вид Новоархангельской крепости с Юго-Западной стороны, архив РГАВМФ

Этим самым он подписывал и себе самому, и своим людям смертный приговор.

«Весной 1799 г. по меньшей мере четыре американских корабля, участвовавшие в торговле на Северо-Западе, — «Каролайн» (капитан Кливленд), «Диспэтч» (капитан Брек), «Хэнкок» (капитан Крокер) и «Улиссес» (капитан Лэмб) — пришли в Ситхинский залив (Sitka Sound) раньше него, и летом, еще до появления Баранова, «в самое короткое время наменяли они на сукно, платье, ружья, пули и полосовое железо до 2000 морских бобров, у нас на Кяхте от 60 и до 70 рублей продающихся…» По подсчетам главного правителя, в среднем в 1790-е годы шесть американских и британских судов ежегодно собирали по 10 тыс. шкур каланов, что составило за 10 лет 100 тыс. штук на общую сумму 4,5 млн руб. и принесло 3 млн руб., или 2,5 млн пиастров чистой прибыли».

Было за что воевать.

Правда, эта война была тайной — бостонцы воевали не сами, а натравливая на своих русских конкурентов местные народы —

Худ. Латынцев В.Н., Благословение алеутов на промысел, www.liveinternet.ru

отработанным уже за столетия и хорошо зарекомендовавшим себя на всех территориях Соединенных Штатов методом, который не потерял своей актуальности и, главное, своей результативности и по сей день.

И первое, что они сделали, — снабдили индейцев оружием, пулями и порохом.

Но на этот раз американцам не повезло — они столкнулись с русскими.

А еще более точно — они столкнулись с силой, которой управлял мудрый, хитрый, жестокий, справедливый, честный, отважный, мужественный человек, для которого Русская Америка была неотделимой частью его Отечества, которому он служил с достоинством и с честью.

Худ. Латынцев В.Н., Русские купеческие корабли у берегов Аляски, www.liveinternet.ru

Да-да, и с достоинством, и честью: «При сдаче дел все компанейское имущество, считавшееся налицо, найдено не только в совершеннейшем порядке, но даже в количестве, превышавшем значащееся по описям. Размеры нежданного превышения впечатляют, ожидали найти имущества на 4 800 000 рублей, а его обнаружилось на семь миллионов. Все недоброжелатели, много лет распространявшие слухи, что Баранов тишком обогащается, моментально прикусили языки…»

И бостонцы проиграли русским спровоцированную ими войну с тлинкитами в 1802–1805, которая обошлась и русским, и индейцам значительными жертвами с обеих сторон. И сколько американцы впоследствии снова не разжигали этот огонь, разгореться ему так и не удалось. В 1817 году американцы устроили нечто подобное и на Гавайских островах, король которых хотел перейти в подданство России, спровоцировав очередное восстание.

Русское поселение на острове Ситка, уничтоженное тлинкитами (колошами) было восстановлено с новым названием — Ново-Архангельск, и русские начали расширять свои владения в Америке.

А потом произошло то, что продолжает происходить и в современной нам России: корпоративные купеческие интересы Российско-Американской компании, направленные на извлечение максимальной прибыли, которые на первом этапе, благодаря Григорию Шелихову и его зятю Николаю Резанову, совпадали с интересами Российского государства, на втором — благодаря Александру Баранову, который правил Русской Америкой 28 лет, начиная с 1790 года, эти государственные интересы воплощались в жизнь, осваивая и заселяя русскими людьми территорию Русской Америки, на третьем этапе, предполагающем извлечение максимальной прибыли из природных богатств Аляски и торговых операций РАК, эти интересы пришли сначала в противоречие, а потом переросли и в конфликт интересов государства и РАК, несмотря на то, что в числе учредителей компании была и царская семья.

Пользуясь своими монопольными правами, которые касались управления не только Русской Америкой, но и Охотско-Камчатским краем тоже, комиссионеры РАК в целях извлечения этой прибыли шли на любые преступления, чувствуя себя безнаказанными властителями этой окраинной земли.

И для них бескорыстие правителя Русской Америки Баранова было как кость в горле.

Но снять его с должности не представлялось возможным: только он — мудрый, хитрый и предприимчивый — смог личным своим авторитетом установить некий баланс сил, противостоящих друг другу: русских, индейцев, алеу-

Памятник Александру Баранову в Ситке, фото Кэтрин Роуз/KCAW, www.ktoo.org

тов, эскимосов, бостонских (американских) и британских (канадских) купцов, который без личного участия Баранова мог рухнуть в одночасье…

Александр Андреевич, будучи женатым человеком в России, женился (несмотря на протесты церкви) на дочери местного вождя, которая родила ему сына Антипатра (что в переводе значит «мой наследник», «следующий за отцом») и двух дочерей.

То есть он породнился и душой и телом с коренным народом Аляски, провозгласив: «Мы можем жить в мире и согласии в этом крае».

Но в обозначившийся конфликт интересов Российского государства и купцов РАК тут же незамедлительно вмешалась некая третья сила.

И вот ее разрушительный результат.

С 1817 года правителями Русской Америки начали назначать морских офицеров, то есть людей, несведущих ни в хозяйственных, ни в межэтнических, ни в торговых вопросах и делах, которые начинают постепенное разрушение империи РАК, сложившейся при Баранове.

И первой жертвой новой системы стал сам Александр Андреевич.

Не справившийся с делами РАК остзейский немец Леонтий Гагемейстер (Людвиг Карл Август фон Хагемейстер, который с 1812 по 1815 год возглавлял Иркутское адмиралтейство, где находилась одна из главных контор РАК), меняет Баранова на посту правителя, но, не справляясь с должностью, передает ее своему старшему офицеру Яновскому и вывозит по приказу Санкт-Петербургского Главного правления РАК А.А. Баранова с Аляски. Не выдержав тягот плавания (?), Баранов умирает, и его хоронят в море. Вроде бы так бывает. Но вместе с Барановым исчезают и документы. В которых, как нам говорят сегодня, была секретная информация для правительства России о несметных сокровищах (золоте и алмазах), спрятанных в недрах Русской Америки.

А сам Гагемейстер, о «блестящих» административных свершениях которого в Русской Америке рассказывают нам его биографы, неожиданно… уходит в отставку после своего «блистательного» возвращения на родину из Русской Америки.

«После получения известия о смерти отца, умершего 16.04.1819 года, он (сын — Антипатр Александрович Баранов. — С.В.) хлопочет о пенсии для оставшейся на Аляске матери. Пенсия была установлена РАК в размере 200 рублей в год».

«Живущая ныне прапраправнучка Александра Андреевича — Зоя Борисовна Масаинова-Афросина (1927 г. р.) так пишет о ситуации с отъездом и смертью правителя: «Баранова принудили уехать, и он вынужден был подчиниться. Морально униженный, Баранов по дороге в Россию заболел. Медицинской помощи оказано ему не было. Во время стояния судна в Батавии (36 суток) он был на берегу в гостинице один и на четвертый день по выходу судна в море умер (16 апреля 1819 года) и, как простой матрос, без медицинского освидетельствования причины смерти, был сброшен в море. Документы и отчеты, которые якобы хотели получить в РАК и Баранов вез с собой, как и его завещание, исчезли…»

В марте 1822 года в Санкт-Петербурге умирает Антипатр Александрович Баранов. Ему было 28 лет.

«После смерти Антипатра, пенсия, выхлопотанная им для матери, была отменена очередным правителем — Муравьевым. Анна Григорьевна скончалась в 1823 году, пережив сына только на год».

В этот же год умирает в Тотьме друг и соратник Баранова Иван Александрович Кусков, основавший Форт Росс.

В 1824 году в Санкт-Петербурге умирает двадцатилетняя дочь Баранова Ирина, в замужестве за Семеном Ивановичем Яновским, который сменил Гагемейстера на посту правителя Русской Америки.

Конечно, все это можно объяснить роковым совпадением…

А вот это?

В 1841 году селение-крепость «…Росс был продан тогда, когда русские достигли наибольших успехов в хозяйственном освоении земель в Калифорнии и получали максимальные урожаи и когда была активизирована деятельность иерея Иннокентия Вениаминова в Калифорнии» (подробности в главе «Форт Росс»).

И сразу после этого началась «золотая лихорадка» в Калифорнии.

Столь же предательски и подло продана Русская Америка в 1867 году.

Через 30 лет «золотая лихорадка» обрушилась и на Аляску — по самым минимальным подсчетам старателями было вывезено порядка 400 тонн золота.

В настоящее время на Аляске добывается четверть всей нефти, добываемой в Штатах.

Но я не о потерянных Россией богатствах. Я о реальной цене русского предательства, когда во имя личных корыстных выгод торгуют территориями нашего государства.

1 июня 1990 года в Вашингтоне министром иностранных дел СССР Эдуардом Шеварднадзе и госсекретарем США Джеймсом Бейкером было подписано Соглашение, по которому Советский Союз передавал Соединенным Штатам 50 тысяч квадратных километров своей акватории (доставшейся нам от Русской Америки) в Беринговом и Чукотском морях, в котором сосредоточе-

но сегодня по разным оценкам порядка 16 % всех запасов нефти Мирового океана.

Для Шеварднадзе это предательство обернулось должностью президента Грузии. Для его «босса» Горбачева — Горби-фондом для обеспечения сытой старости.

Примерно в это же время — 15 октября 1989 года — на Аляске в Ситке был открыт памятник Баранову. «Мы можем жить в мире и согласии в этом крае» — эти слова Александра Андреевича высечены на постаменте памятника.

Памятник открывали не мы — американцы.

«Александра Андреевича Баранова больше помнят на Аляске, чем в России. Его именем названы: остров, озеро, музей на о. Кадьяк, гостиница в нынешней столице — Джуно. В городе Ситка, бывшем Ново Архангельске, имя Баранова повсюду, именами детей Баранова, Ирины и Антипатра, названы озера», — с великой горечью о своем Отечестве и соотечественниках писала прапраправнучка Александра Андреевича Зоя Борисовна Масаинова-Афросина.

Я много раз был на Аляске, довелось мне побывать и в Ситке (Ново-Архангельске), в том числе и у памятника Александру Андреевичу Баранову и в его доме-музее.

Американцы, в отличие от нас, русских, чтили и хранили память о первом правителе Русской Америки и вообще о русской истории Аляски.

Мы при этом палец о палец не ударили. Жили, как сонные мухи.

И проснулись только тогда, когда американцы начали эти памятники нашим соотечественникам… сносить.

И только вот тогда стало нам за наше Отечество обидно…

Ситка, shegby.ru

Соболево, Воровская разлилась, kamchat.info

СОБОЛЕВО

Это пятое, известное нам, имя села.

Степан Петрович Крашенинников и реку, и острожек именует просто: «При реке Гыг от устья верстах в 20 есть камчатский острожек одного имени с рекою». Почему «просто»? Потому что «гыг» на языке западнокамчатских камчадалов и есть «река», просто «река».

Крашенинников же и поясняет: «Гыг река а прозвана от казаков Воровскою, для того, что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и лестью побивали ясашных сборщиков».

Воровская — значит разбойная, опасная, воинственная, не признающая над собой ни силы, ни власти русских казаков.

Собственно, и сама река могла бы быть так названа в честь своего очень своенравного и опасного характера — она легко выходит из берегов и затопляет все окрест, вырывает с корнями деревья, и заломы из этих деревьев могут перегораживать реку от берега до берега, создавая крайне опасную ситуацию для тех, кто находится на реке.

Гыг (Воровской) был самым крупным поселением (острожком) аборигенов на западном побережье. В подчинении вождя (тойона) Тонача было 80 мужчин — 27 из которых платили ясак соболями, а 53 – лисицами.

В 1738 году почти месяц Степан Петрович Крашенинников провел в этом острожке и «между тем написал <…> здешний язык», выяснив, что этот язык — особое наречие, характерное для жителей западной Камчатки от реки Воровской до Тигиля, в котором присутствует много корякских слов.

После подавления Харчинского бунта — а восстание охватило всю территорию полуострова — в качестве примирения, знаковым символом которого было принятие православия, а вместе с ней и фамилию своего крестного, то есть духовного отца, у камчадалов появляются русские фамилии — Мерлин (он же Начика Машурин, тойон острожка Кунутпочичь, позже — Машуринский, Машура), Павлуцкий (он же Курухтач, тойон одного из острожков на реке Большой), Атласов (он же Купха, тойон Облуковинского (Оглукоминского) острожка), Спешнев (тойон Воровского острожка)…

Мерлин и Павлуцкий — руководители Следственной комиссии по делу о Харчинском бунте.

Атласов — сын Камчатского Ермака пятидесятник Иван Владимирович Атласов.

Спешнев — ботовых дел подмастерье (судостроитель) Иван Григорьевич, из древнего дворянского рода Спешневых, вместе с Михаилом Гвоздевым после подавления Харчинского бунта принял временное командование Камчаткой под свое начало. Так что тойон Воровского острожка духовно породнился с одним из руководителей Камчатки.

Спешневы к началу XIX столетия представляли два самостоятельных рода, идущих от двух Степанов — Старшего и Младшего. Что интересно — и право обладания полномочиями тойона (вождя), а впоследствии старосты, переходило из рода в род, то есть, скорее всего, их предок был общим. Об этом говорит еще один факт — браки между этими двумя ветвями были крайне редкими, что, опять же, указывает на наличие общего предка и, соответственно, общего родства.

И вот еще что: если с другими коренными фамилиями Камчатки постоянно происходила какая-то географическая трансформация — их переселяли из одного места жительства в другое, то Спешневых это как бы не касалось — мы не видим проявления этой фамилии нигде, кроме реки Воровской — исконного их места обитания.

И, кстати, одно время один из тойонов Спешневых был верховным тойоном всей Западной Камчатки в звании сибирского дворянина (это звание не передавалось по наследству, было личным и почетным, поэтому нынешние Спешневы не могут претендовать на дворянство).

А породнились за прошедшие столетия Спешневы со всей Камчаткой. Не остался в стороне и род казаков Усовых, из которых мои казачата: сын баталера 27-го Амурского флотского экипажа Василий Васильевич Усов взял в жены Агриппину Ивановну Спешневу из рода тойона Степана-младшего.

Побывавший в 1850-х годах на западном побережье Камчатки Карл фон Дитмар оставил следующую историческую запись об этом селе: «Воровская принадлежит положительно к самым большим и наиболее порядочным местечкам западного берега. В ней 11 домов, а жители — 40 человек мужского пола и 47 женского — владеют большим стадом в 90 коров и 16 лошадьми; огороды обнесены плетнем и содержатся в большом порядке. Старинное камчадальское название этой деревни — Алгу, а Воровскою ее переименовали, во времена завоевания Камчатки, русские, так как здесь они часто подвергались грабежам».

То есть, камчадалы еще в середине XIX века помнили старинное название своего села, которые было вовсе даже не Гыг, а Алгу, что и было записано Карлом фон Дитмар с их слов.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. практически все мужское население Камчатки приняло участие в народном ополчении и повсеместно уничтожало японских «хищников», которые в буквальном смысле обрушились на нерестовые камчатские реки, полностью перекрывая сетями проход рыбы на нерест…

Но война для них не закончилась и после официального ее завершения.

16 июля 1906 года инспектор рыбнадзора Максим Иванович Сотников с группой жителей села Воровского обнаружил пять японских шхун, стоящих в устье реки Воровской. На морской косе японцы выстроили сараи, сложили туда соль, муку и другие припасы. И тут же вели засолку рыбы сухим способом: потрошенная рыба — слой соли — рогожа — рыба — соль — рогожа и так далее… Было уже добыто и засолено более 16 тысяч штук лососей.

Сотников конфисковал я у японцев два невода, шлюпочный парус, 150 кулей муки, 10 кулей рису и предъявил штраф тысячу рублей.

В ответ японцы 18 июля 1906 года напали на русский отряд.

Вместе с Сотниковым тогда погиб его помощник Македон Александрович Ворошилов и восемь Спешневых из села Воров-

Почетный караул от камчатских казаков 6 мая 1897 года. Крайний справа М.А. Сотников. Фото из альбома А. Сильницкого.

Рыбалка на Камчатке

ское — Александр Григорьевич, Анкудин Михайлович, Феофан Степанович, Сергей Степанович, Иван Васильевич, Гавриил Степанович, Василий Петрович и Гаврило Прокопьевич.

Четвертое имя село получило при камчатском губернаторе Николае Владимировиче Мономахове — село переименовали в Мономахово. Нужно сказать, что такое переименование или наименование не было чем-то особенным — село Старый Острог тогда переименовали в Завойко (в честь губернатора Камчатской области, командующего обороной Петропавловского порта в 1854 год), поселок на реке Озерной стал называться Унтербергеровским (по имени генерал-губернатор Приамурского края), село на реке Жупановой — Перфильевкой (в честь губернатора Камчатской области, руководившего в 1909–1912 гг.)...

До революции русским запрещалось селиться в селах аборигенов. Даже первый русский учитель в селе Воровском — Мономахово Михаил Попов вынужден был поселиться на увалах. Как и рабочие с Тирлянского завода Копьевы и из других мест России, подрядившиеся строить на западном побережье Камчатки телеграфную линию, соединяющую Петропавловск с Тигилем, и которые обзавелись невестами из села Воровского — Степану Матвеевичу Копьеву, например, приглянулась молоденькая Анна Васильевна Усова, прабабушка моих детей. И здесь же, по соседству с Поповыми и другими русскими переселенцами, на увале возникло русское село, которому после революции дали имя — Русь.

А Мономахово в очередной раз переименовали — и назвали в честь зверька, которым изобиловали не только здешние места, но и история края, связанная с ясаком и камчадальскими бунтами.

В 1946 году село Соболево стало административным центром Соболевского района, выделившись из Усть-Большерецкого района. Причина была очень важная — Соболевский район становился одним из рыбопромышленных центров западного побережья рыбацкой Камчатки, общая численность

На пороге родного дома

населения которого от реки Озерной на юге до реки Ича на севере увеличилась в 1950-х годах до ста тысяч человек, из которых добрая треть приходилась на Соболевский район с доброй парой десятков новых поселков рыбаков и рыбообработчиков.

А потом наступил… крах.

В эти же годы японские рыбаки выставили на границе территориальных вод СССР такое количество плавающих (дрифтерных) сетей, что перекрыли все миграционные пути для захода лососей на нерест в камчатские реки. Правительство СССР пошло на поводу у японского правительства и установило такие льготные правила рыболовства для дрифтерного промысла японцев, что советские прибрежные рыбодобывающие и рыбоперерабатывающие заводы по всему Дальнему Востоку СССР вынуждены были прекращать свою деятельность, консервировать производство, закрывать рабочие поселки, распускать рыболовецкие колхозы. От некогда стотысячного населения осталось десять тысяч, две с половиной тысячи из которых населяют сегодня весь Соболевский район, включая и его районный центр.

У многих уроженцев Камчатки в паспортных данных о месте рождения стоят населенные пункты, о существовании которых многие из живущих на Камчатке людей уже не помнят или вообще ничего не знают и никогда не слышали.

А ведь это были рыбацкие символы береговой Камчатки — центральные базы рыбокомбинатов, окруженные с севера и юга многочисленными рыбоконсервными заводами и рыбоперерабатывающими номерными базами, которым в 1950-х годах начали присваивать соб-

Камчатка, архив «Витязь-Тревел»

Андрей Пятко

ственные наименования, а также — многочисленными рыболовецкими колхозами, которые первоначально создавались из традиционных рыболовецких артелей аборигенов…

Ничего этого уже нет.

Рыбный ресурс — ресурс неустойчивый. Он безусловно является определяющим для экономики полуострова. Но строить перспективы развития Камчатки только на рыбе — очень опасно. И свидетельством тому — пустынное прибрежье, где некогда проживало огромное количество людей.

Случись новая лососевая катастрофа и на Камчатке останется только база атомных подводных лодок стратегического назначения. Хотя военные в наше время свои стратегические планы меняют еще быстрее, нежели приходят и уходят лососевые катастрофы…

Камчатке нужна разумная, взвешенная, разработанная на долгие-долгие годы вперед стратегия развития территории.

Безусловно, существует только одна такая альтернатива рыбному хозяйству, которая не противоречит необходимому экологическому балансу для сохранения лососей, как национального достояния всей России, — это туризм.

На западном побережье он практически никакой…

Точнее, развитие туризма (прежде всего рыболовного, для которого здесь существуют колоссальные перспективы) парализовано людьми, которые захватили рыболовные участки для спортивного и любительского рыболовства и используют их только для обеспечения VIP-персон в собственных интересах и, естественно, в корыстных целях.

И первоначально необходимо разрубить этот Гордиев узел, чтобы открыть доступ к спортивной рыбалке на реках Западной Камчатки для всех желающих.

Второй вопрос, который также еще является неразрешимым, — это инфраструктурное обеспечение туристической деятельности, и, прежде всего, решение проблемы проживания.

Но тут должен сказать несколько добрых слов о гостиничных комплексах «Дом рыбака «Амто»» супругов Андрея и Натальи Пятко, которые уже не первый год занимаются туристическим и гостиничным бизнесом на Западной Камчатке и способны оказать самые разные услуги: свозить на рыбалку, обеспечить жилье, питание, отдых… Есть уже такой Дом рыбака «Амто!» и в Соболево.

«Амто!» — на языке камчатских аборигенов-коряков — значит «Здравствуй!»

Полная форма приветствия звучит так: «Амто, тумгутум!» — Здравствуй, друг!

Гостиница «Амто» в Соболево

Церковь Входа Господня в Иерусалим, Тотьма

ТОТЬМА

Своим происхождением Тотьма, как и многие другие промышленные центры Русского Севера, во многом обязана соли — почему одно из названий будущего города — Усолье Тотемское.

Соль здесь добывали издавна, а соль на Руси шла чуть ли не на вес золота, почему хозяйства солеваров и солепромышленников были крепки, а семьи — многодетны, что позволяло заниматься и отхожими промыслами и торговать.

А в период существования Северо-Двинского водного пути, обеспечивающего стране выход на международный рынок, путь через Вологду – Тотьму – Великий Устюг на Архангельск, это был золотой век в жизни края. Представьте себе — за год через Тотьму проходило от 500 до тысячи судов.

И все это в одночасье волею царя-Антихриста Петра Великого рухнуло. Северо-Двинский путь был запрещен для торговли. Все пути-дороги России теперь должны были сойтись только на Санкт-Петербурге.

Новый прорыв в промышленном и торговом взлете этого города произошел благодаря Камчатке, откуда с 12 августа 1743 года

Тотемская чернобурка, автор Илья Вьюев, smorodina.com

начали снаряжаться промысловые экспедиции в будущую Русскую Америку.

Тотемские краеведы насчитали 20 промысловых экспедиций, снаряженных их земляками, почему город и получил прозвание — Город Мореходов.

Я не считал, не проверял эти цифры, потому что при организации промысловой экспедиции существовала сложная паевая система, учитывающая все составляющие будущего промысла, начиная со строительства и снаряжения судна, заготовку продовольствия, собственного или наемного участия в самом промысле, паи для морехода и передовщика (управляющего промыслами и всеми остальными хозяйственными и организационными делами и вопросами).

Но если исходить из количества золотых медалей «За полезные обществу труды», которых, по моим подсчетам, в разное время было вручено 22 купцам, то на долю тотемцев приходится только три — их получили в 1764 году братья Григорий и Петр Пановы и Андрей Титов.

Тотемские краеведы утверждают, что их земляками было вывезено из Русской Америки 1/5 часть всей добытой там пушнины.

В 1785 году императрицей Екатериной II был принят указ о даровании Тотьме герба с черной лисицей на золотом поле: «В знак того, что жители сего города в ловле сих зверей упражняются».

А вот и главное: «Возвращались мореходы на родную тотемскую землю и в благодарение Богу за счастливое плавание строили

Купеческое застолье

они прекрасные храмы-парусники». В конце XVIII–XIX в. в Тотьме было 17 церквей и целая «флотилия» Спасо-Суморина монастыря — усыпальница именитых тотьмичей». На средства тотемских мореходов, купцов и промышленников в Тотьме были построены Входоиерусалимский, Троицкий, Рождественский храмы.

Кстати говоря, и церковь Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатском остроге, откуда и началось промысловое освоение Русской Америки, была самой богатой на Камчатке — точнее, ее иконостас был в богатом убранстве, а церковь была обыкновенная, деревянная.

Собственно, это и все, что оставили о себе в память на Камчатке зверопромышленники, возвращаясь из Русской Америки, — это у себя на родине они возводили каменные храмы и строили богатые особняки. Камчатка и в ту пору была не более чем проходным двором для предприимчивых русских людей.

Один из краеведов Тотьмы в книге о купцах-мореходах перечисляет их имена: «Фамилии этих людей хорошо известны на тотемской земле. Это Тимофей и Семен Мясников, Петр Рохляцов, Федор и Алексей Холодиловы, Григорий и Петр Пановы, Степан Черепанов, С. Карелин и др.».

Обращает внимание тот факт, что последнего, кого хорошо, как считает автор,

Церковь Рождества Христова, фото У. Брумфилда

знают в Тотьме, он даже по имени не называет.

Это Степан Корелин: «Среди удачливых мореходов из числа вологжан следует отметить уже известных по плаванию с мореходами Степаном Глотовым и Иваном Коровиным в качестве рядовых компанейщиков тотьмичей Дмитрия Брагина и Степана Корелина. Последний более 15 лет находился в морских вояжах и на промыслах. В 1762 году он отправляется компанейщиком на судне «Захарий и Елизавета» и в течение четырех полных невзгод и лишений лет участвует в ведении промысла на острове Уналашка. В 1777 году Степан Корелин снова отправляется к островам, уже в качестве морехода. В 1782 году, через год после возвращения с Андреяновских островов, он вновь уходит в плавание на Лисьи острова мореходом на этом же судне и находится на промысле до 1791 года».

Корелин был тотемским посадским. Но в 1777 году он уходил в качестве морехода в плавание на судне «Варфоломей и Варнава» тотемских купцов Пановых будучи уже камчатским мещанином.

Что же случилось?

Такое происходило лишь в одном случае — когда приговаривали к вечной ссылке на Камчатку.

Неслучайно, вероятно, примерно в это же время появление на севере Камчатки, в Гижиге (теперь это Магаданская область) и другой тотемской фамилии — Брагин.

А их было за что судить. Свое следствие по этому делу я провел в двух своих книгах: «Покорители Великого океана» и «Встречь солнцу» и, кажется, нашел ответ… — они были виновными в восстании алеутов на острове Уналашка в 1762 году.

А род камчатских Корелиных одно время проживал в Нижнекамчатске, затем в Петропавловском порту и, наконец, надолго осел в селе Мильково, в центральной части полуострова. Так что тотемские Корелины, потерявшие было на далекой Камчатке своего родственника, могут отыскать его потомков. Пишите…

Тотьма, @LUBALAZAREVA281

Успенский храм, Нижнекамчатск, kamchatkaland.com

Усть-Камчатск, ust-kam.ru

УСТЬ-КАМЧАТСК

Как русское поселение, Усть-Камчатск впервые обозначен под этим названием 3 (14 по новому стилю) сентября 1728 года.

В этот день бот «Святой Гавриил» завершил морскую часть Первой Камчатской экспедиции, вошел в устье реки Камчатки, где и встал на зимовку.

Вот что пишет об этом событии первый летописец Камчатки Степан Петрович Крашенинников: «Верстах в двух от ее (реки Камчатки. — С.В.) устья с правой стороны по течению есть от ней три глубоких залива, которые к зимованию морским судам весьма способны и безопасны, как то неоднократно самим опытом изведано — ибо морское судно «Гавриил», бот называемое, несколько зим там содержано было.

...На устье ее по правую сторону есть ныне маяк, который построен последней Камчатской экспедицией, а верстах в 3 от оного по левую сторону срублены казармы в одной связи для морских служителей, близ которых находятся и несколько изб, балаганов и шалашей тамошних обывателей, где живут оне в летнее время для промысла рыбы. Неподалеку оттуда на острове реки Камчатка построена заимка Якутского Спасского монастыря, да там же казармы военные и варница, в которой соль варится из морской воды».

Почему я написал, что поселение появилось под этим названием? Разве было и другое?

Было и другое.

С.П. Крашенинников, перечисляя шесть поселений камчадалов в нижнем течении реки Камчатки, первым называет Усть-Камчатский — 15 собольников (то есть мужчин-охотников, которые выплачивают ясак — налог пушниной — шкуркой одного

Бот «Святой Гавриил», худ.-маринист Е.В. Войшвилло

Модель бота «Святой Гавриил», автор В.В. Жбан, blogs.modelsworld.ru

соболя в год) и 77 лисичников. То есть общее количество взрослых мужчин составляло 92 человека. Это было второе по величине поселение аборигенов в низовьях реки (крупнее было поселение Камаки), и третье — в бассейне реки Камчатки (здесь самым крупным было поселение Машура).

Приустьевое русское поселение не рассматривалось как самостоятельное — это была приморская часть крупного в то время административного центра полуострова — Нижнекамчатского острога, почему и тойон (вождь) аборигенов, проживавших в устье реки, назывался морским тойоном, и когда впоследствии, после перенесения столицы Камчатки в Петропавловский порт, Нижнекамчатский острог утратил свое административное значение, то в устье реки Камчатки был перенесен казачий пост и новое поселение было названо Усть-Приморском.

Поэтому Усть-Камчатск (Усть-Приморск), выполняя с 1728 года функцию российского порта, особенно с 1 (12 по новому стилю) августа 1743 года, когда отсюда одна за другой пошли на восток за пушниной морские промысловые экспедиции российских аргонавтов, был все годы в тени Нижнекамчатска, и его рассматривали как нижнекамчатские выселки, нижнекамчатский портпункт.

Ситуация изменилась в 1812 году с образованием самостоятельного казачьего поселения Усть-Приморск.

Существующая в различных источниках информация о том, что сюда были переселены казаки из Большерецкого острога, скорее всего, не верна или не точна — сравнивая архивные материалы, убеждаешься в том, что в Усть-Приморск была переведена часть нижнекамчатских казаков, а оставшиеся в Нижнекамчатске их родственники записаны либо в мещане, либо в крестьяне.

Фамилии русских старожилов Усть-Камчатска известны — это Поповы, Поляковы, Минюхины, Помазкины, Соргучевы, Расторгуевы, Мутовины, Савинские, Оноховы, Белоноговы...

Село было небольшое. Путешествующий по Камчатке Карл фон Дитмар, побывавший в Усть-Приморске в 1852 году, писал о нем: «Поселение, в котором мы находились, состоит исключительно из небольших бревенчатых построек, беспорядочно разбросанных по берегу реки Камчатки. Посреди частных домов, числом около пятнадцати, поднимается небольшая, очень простая часовня, в которой иногда совершает службу священник из Нижнекамчатска. Сверх того здесь построено еще несколько более просторных казенных домов для офицеров и магазинов для разных судостроительных

материалов. Наконец, на берегу стоит еще небольшой деревянный маяк, который указывает судам, приходящим с моря, вход в устье. Постоянное население при нашем посещении состояло из 37 душ мужского и 44 женского пола первоначально русского происхождения; сверх того при постройке судов здесь бывает еще некоторое число матросов».

Карл фон Дитмар говорит о периоде, когда Камчатка в очередной (второй тогда по счету) раз обретала самостоятельность и в 1849 году снова была объявлена Камчатской областью и в Усть-Приморске в оперативном порядке шло строительство морских судов — ботов — для нужд Камчатской флотилии.

Но после перевода в 1855 году военного гарнизона в Николаевск-на-Амуре Камчатка долгие годы снова, как и прежде, оставалась забытой российской окраиной.

Новая эпоха началась в 1896 году, а вместе с ней пришло и новое название — Усть-Камчатск.

В этот год представители Товарищества котиковых промыслов, которые несли на Командорских островах колоссальные убытки в связи с крупномасштабным браконьерством морских зверей американцами и японцами, решили попробовать, для покрытия своих прямых убытков, использовать в промышленных (и, разумеется, коммерческих) целях рыбные богатства полуострова.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы

Начали они с промысла чавычи и ее засолки по архангельскому методу заготовки семги. Первый блин, по русскому обычаю, был комом — партия чавычи, отправленная на дегустацию в Лондон, протухла в дороге и ее пришлось выбрасывать в море.

Но на следующий год был применен уже не русский, а японский способ сухого посола, а также завезены на Камчатку японские рыбаки со своими орудиями лова — ставными морскими неводами, с помощью которых японцы весьма «успешно» и навсегда покончили с лососем острова Хоккайдо (в настоящее время добывают только искусственно выращенную рыбу), и потому потребность в лососевых видах рыб была в Японии очень высокой.

Японцы не только открыли для России свой рыбный рынок, но они стали очень активно кредитовать всевозможные российские товарищества по организации рыбных промыслов с привлечением японских рыбаков. Параллельно с российским промыслом началась и мощная японская ры-

Памятник Рыбацкой Славы

боловная экспансия, когда в период путины на устья нерестовых реки Камчатки прибывали десятки японских «хищнических» шхун.

А после победы в Русско-японской войне 1904–1905 гг. японцы получили по условиям мирного договора прямой доступ к российским рыбным ресурсам.

В 1922 году, когда на Камчатке была установлена Советская власть, из 23 действующих рыбоконсервных заводов на полуострове 22 принадлежали японцам.

Этот единственный завод был заводом владивостокского рыбопромышленника Альфреда Георгиевича Дембри (Денби), и располагался он на косе, сохранившей в своем названии его имя, на противоположном от села Усть-Камчатск берегу реки, на морской стороне.

«Рыбачка» — памятник рыбацким семьям

Построив и запустив в эксплуатацию завод, Альфред Георгиевич столкнулся с серьезной проблемой — страшным дефицитом профессиональных кадров ловцов. Рыбу нужно было добывать не для пропитания своей семьи и нартовых собак — на «юколу, соленку и кислую», как это было в течение столетий, а для того, чтобы завод мог беспрерывно в период всей путины (хода лососей на нерест) выпускать продукцию — рыбные консервы, крупными партиями отправляемые на экспорт в Англию.

Японцев привлекать к работе в устьях рек и заливах запре-

Представители старинной усть-камчатской династии Дубровиных — Виктор Васильевич (в центре) с сыном Вячеславом (слева) и соседом Николаем Гамовым

щалось — это были хоть и хиленькие, но стратегически важные меры безопасности.

И тогда Альфред Георгиевич пригласил на Камчатку из Приморья переселившихся туда староверов — заняться рыбным промыслом, обещая (и не обманул) хорошие и даже очень хорошие заработки.

Так по соседству с Усть-Камчатском появились в 1908 году поселения староверов — первые рыбацкие поселки. В местечке Крочи (получившее впоследствии название «село Николаевка») основали поселение и мои предки — староверы Демьян Хомченко с женой. В 1909 году здесь родилась моя бабушка — Ульяна Демьяновна. Кстати, с именем А.Г. Дембы связана и история появления в Усть-Камчатске уроженца деревни Салатка (Сладкая) Ишимского уезда Тобольской губернии Григория Павловича Вахрина — группу чуть более 40 человек из разгромленной «гвардии новой России», как называли армию генерала Владимира Оскаровича Каппеля, Дембы нанял во Владивостоке для охраны рыбных промыслов в Усть-Камчатске. Но все каппелевцы, уже имевшие на Камчатке семьи, в 1937 году были расстреляны.

Рядом с Николаевкой староверами были основаны также села Черный Яр, Березовый Яр, Пекалка, в которых проживали Матвеевы, Селедковы, Хомяковы, Даниловы...

И дело пошло. Как сообщал А.Г. Дембы, только в двухнедельный период хода нерки староверы сдали на завод 615 тысяч штук рыбин. Камчатские рыбные консервы не имели конкурентов на международном рынке — японская консервная продукция из камчатского же лосося не могла достичь такого уровня. И кажется, не достигла и по сей день...

Но ситуация на Камчатке при установлении советской власти была весьма сложной — де-юре Камчатка была территорией России, де-факто здесь хозяйничали японцы. Для того чтобы вытеснить японцев с Камчатки, нужно было победить их экономически.

И нужно признать, что советская власть умела решать очень серьезные экономические проблемы.

В 1927 году в устье реки Камчатки на Дембиевской косе строится первый государственный рыбоконсервный завод (с тех порт у него и сохраняется это гордое имя — Первый и коса носит второе название — Первозаводская), в 1928 году — в двенадцати километрах южнее заработал Второй завод.

И все это был единый Усть-Камчатск, население которого стремительно разрасталось.

Во время войны вручную было прорыто новое устье реки Камчатки, для того, чтобы в Усть-Камчатск могли заходить морские суда.

Затем создана база для перевалки леса и стройматериалов, которым снабжалось все побережье, где также строились новые поселки для рыбаков и рыбообработчиков.

На пороге дома, в котором прошло мое детство, с сыном Андреем

Камчатка стремительно развивалась. Разрастался и Усть-Камчатск, и ему уже не хватало места. В 1960-х годах возник новый административный центр — Новый поселок. Потом вырос и новый город на мысе Погодном.

Усть-Камчатск. На презентации книги, посвященной моим землякам

Но одна за другой обрушились на полуостров две катастрофы.

Первая в 1950–1970-х годах — лососевая, связанная с крупномасштабным дрифтерным промыслом камчатских лососей японскими рыбаками. Тогда количество прибрежных рыбацких поселков сократилось на порядок. Исчезли Второй завод, Ничира, Шубертово, а вслед за ними и поселения рыбаков на реке Камчатке — Николаевка, Березовый и Черный Яры, Нижнекамчатск, Камаки…

Вторая — в 1990-х: крупнейшая энергетическая, а вслед за ней и социально-экономическая катастрофа, связанная с развалом СССР и переходом на неподготовленные капиталистические рельсы, с которых наш паровоз, которому снова было велено «лететь» куда-то вперед, вообще слетел… Об этом я рассказываю в своем фильме «Я родом из Японии».

В 1979 году численность населения поселка превышала 16 тысяч человек, в 2010-м осталось 4 тысячи 352 человека. Сегодня точное количество жителей определить сложно — многие из тех, кто имеет в Усть-Камчатске прописку, приезжают сюда с материка (где имеют ПМЖ) только на период путины.

Перспективы развития Усть-Камчатска в настоящее время связаны только с рыбной промышленностью.

Поэтому вопрос о развитии событийного туризма на полуострове имеет для Усть-Камчатска не просто важное, а жизненно важное значение.

И фестиваль «Камчатка – Россия – Мир» может стать прорывным событием для дальнейшего развития этого старинного русского поселения.

Погодный (по названию мыса, на котором он был построен)

Якутск, площадь Победы, m.123ru.net

ЯКУТСК

Якутск, впрочем как и любой другой город Сибири, представляет причудливую смесь выходцев (добровольных и ссыльных) из разных регионов Руси (как называли в Сибири центральную часть государства), самой Сибири и воюющих с Россией государств, также снабжающих окраинные русские земли новым служилым и «пахотным» людом.

Основной военный состав Якутского воеводства с 1638 года определяли 245 тобольских казаков и стрельцов, 50 березовских и 100 енисейских казаков. Чуть позже прислали и первых военнопленных — 150 черкасов (запорожских казаков), которые были записаны в крестьяне.

Вместе с ними, начиная со знаменитого Пенды, прибывшего на Лену еще раньше казаков, Якутское воеводство наполнялось промышленным многолюдьем из городов Русского Севера, ведущих через Архангельский порт активную торговлю сибирской пушниной с Западной Европой.

Якутский (первоначально Ленский) острог основали в 1632 году енисейские казаки, многие из которых впоследствии перешли на службу в Якутское воеводство.

О том, насколько разнородным был состав якутского служилого воинства, можно судить по участникам так называемого Камчатского бунта, который произошел в Якутске за шесть лет до начала знаменитого похода Владимира Атласова.

Да-да, за шесть лет до «открытия» Камчатки, в 1690 году в Якутске был раскрыт заговор казаков, целью которого было убийство ненавистного воеводы Зиновьева и его

Сбор ясака в Сибирском остроге. XVII в. Худ. О. Фёдоров

«ушников» — сплетников, доносчиков, наушников, провокаторов, захват пороховой, свинцовой и хлебной казны, чтобы со всем этим бежать в далекую Камчатку, о существовании которой в Якутске к тому времени знали все: еще 17 декабря 1688 года Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец бил челом царю: «Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привез с собою в Якутцкой...»

О пушных богатствах Камчатки уже давно ходили легенды — ведь Бакшеев Рубец был на Камчатке в 1662–1663 годах не один. И среди заговорщиков, как выяснило следствие, тоже был человек из команды Бакшеева Рубца — пятидесятник Филипп Щербаков.

Как, когда и откуда появился в Якутске этот казак?

Оказывается, он был сослан из Томска еще ребенком за участие его отца в бунте 1648 года, целью которого было установление власти казачьего круга и отрешение от должности томского воеводы. То есть, это был потенциальный «заводчик» бунтов, можно сказать, с самого рождения...

Вторым в списке заговорщиков был пятидесятник Иван Паламошный, который так же как и Филипп, был сослан в Якутск вместе с отцом — Богданом Паламошным — участником все того же Томского бунта.

А вот и приговор: «По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав роспросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указу и из Соборного Уложенья, и из грамот великих государей, и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькою Щербаковым, с-Ывашком Паламошным с пытки говорили и винились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовою казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, и на гостине дворе торговых и промышленых людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарыщей ево, Мишкиных, ж десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог. А посадцкого Офоньку Балушкина сослать в ссылку ж з женою и з детьми на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье. А оговорных людей — атамана Стеньку Полуехтова да казаков Микитку Кармолина, Митьку Попова сослать в сылку ж з женами и з детьми в-Ыркутцкой острог. А казака Сергушку Мухоплева сослать в сылку ж з женою и з детьми на усть Яны к морю на вечное житье. А умерших воров и бунтовщиков Фильки Щербакова и Мишки Онтипина, Ивашка Паломошного, жен их и детей сослать в сылку ж в Нерчинской острог, чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градцких жителей побивать и грабить иным всяких чинов людем было неповадно».

Скажем сразу — пытали до смерти, казнили, били на козле кнутом, ссылали «к черту на кулички» безвинно, по оговору.

Был в Якутске у воеводы Зиновьева ближайший наушник подьячий Михаил Яков-

Якутск, башни острога времен основания города, commons.wikimedia.org

Градоякутский Преображенский кафедральный собор

левич Ушницкий, оскорбленный пятидесятником Щербаковым, который и сочинил донос о том, что пятидесятник этот в сговоре со своими товарищами затеяли убить и Зиновьева, и Ушницкого, и других важных персон Якутска.

В 1677 году этот самый Ушницкий уже проделал нечто подобное, когда якутский воевода Барнешлев, по его доносу о намерении убить воеводу, опять же самого Ушницкого и еще нескольких человек из ближнего круга воеводы, а затем бежать на Амур, арестовал и казнил 19 служилых и 8 промышленных людей.

Итак, начнем с самого Ушницкого. Его отец был военнопленным — польским шляхтичем и с 1633 года служил в казаках в Енисейске, а затем был переведен на службу в Якутск, где и погиб в 1640-х годах, а его сын, будучи грамотным человеком, 35 лет прослужил подьячим Якутской приказной избы.

Сводным братом Филиппа Щербакова был «атаман казачей Степан Полуехтов, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим с Ондрюшкою Щербаковым во прошлом во 162-м году за томской бунт».

Его земляком был и казак «Сергушка Мухоплев, уроженец томской, а сослан он в ссылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим з Данилком Мухоплевым в прошлом во 162-м году за томской же бунт».

Казненный Зиновьевым сын боярской «Мишка Онтипин, родился в Якутцком, а отец ево был березовской казак, переведен в Якутцкой».

И далее: «Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе. Казак Софонко Ильин, ссыльной человек, прислан с Москвы в Якутцкой по енисейской отписке в прошлом во 194-м году. Казак Ивашко Ондронов, пришел в Якутцкой гулящим и приверстан в пешую казачью службу. Казак Микитка Кармалин, ссыльной человек, прислан с Москвы со отцом своим с-Ывашком Кармалиным в прошлом во 159-м году за винную и за табашную продажу. Казак Микитка Гребенщиков, уроженец якутцкой, а отец ево был в Якутцком из гулящих людей в службе. Казак Митька Спиридонов попов сын, а отец ево поп Спиридон Васильев послан в Якутцкой в прошлом во 146-м году с окольничим с Петром Петровичем Головиным. Казак Игнашка Шишев, уроженец Илимского острогу, а переведен в Якутцком во 190-м году»

То есть на казачью службу в Якутске верстали всех, кто мог нести службу — и ссыльных, и гулящих (то есть беспаспортных), и промышленных людей.

Но и смертность среди казаков была очень высока. И не только потому, что колонизация новых земель проводилась

Панорама Якутска, самого крупного города мира, расположенного в зоне вечной мерзлоты, www.funomania.ru

в беспрестанных стычках и военных столкновениях с коренным населением, которое не привыкло уступать свою территорию чужакам и платить дань. Не меньшее, чем в боях, число казаков погибало в результате кораблекрушений, а также от холода, голода и цинги: в документах Якутской приказной избы такие сообщения не являлись редкостью.

И, просматривая списки казаков Якутского казачьего полка (по трем из пяти сотен) за 1830 год, когда Камчатка давно уже была самостоятельным регионом, мы обнаруживаем целый ряд якутских казачьих фамилий, от которых пошли родовые камчатские фамилии — и по линии камчатских казаков, и по линии аборигенов, получивших эти фамилии при крещении.

Сибирские казаки у проведывания новых землиц, XVIII в., худ. Н.Н. Каразин

Амосов, Аргунов, Атласов, Белоногов, Брусенин, Бурнашов, Данилов, Дьячков, Жирков, Зиновьев, Киренский, Корякин, Котельников, Лазарев, Мухоплев, Новогородов, Пермяков, Плотников, Попов, Расторгуев, Решетников, Селиванов, Скребыкин, Тарабукин, Третьяков, Ушаков, Чартков, Чириков, Чупров, Шадрин, Шамаев, Шахурдин, Шелковников, Шестаков.

Оно и понятно — Якутск был центром освоения, покорения и управления всем огромным краем от берегов Ледовитого океана до Амура-батюшки и океана Восточного, Великого, или Тихого.

Первый якутский воевода Петр Петрович Головин из семьи царских казначеев, то есть лицо не только официальное, но и неофициальное, близкородственное, должен был обеспечить порядок и контроль за процессом народной и военной колонизации северо-восточных окраин России.

И ничего у него не вышло — ни пытки, ни тюрьмы, ни виселицы не были способны переломить характер людей, отправившихся с далекой родины на поиск «золотого руна» — и не овечьей шкуры, как искал Одиссей, а драгоценных мехов — одна шкурка соболя, например, стоила в несколько раз больше, чем получал якутский казак жалования… за год. А ведь счет соболям вели не штуками, а сороками, вязками…

В пору моей молодости мы любили песню «Ты куда, Одиссей?». Она была созвучна и нашим мыслям, и настроениям того времени, когда романтика была не показушной, а Дальний Восток и Камчатка — плацдармом, на котором эта наша романтика страны Советов шлифовалась и закалялась:

На восток, на запад, на юг, и на север
Каждый день плывут корабли Одиссея…
Падают дожди, поднимается солнце,
И отвагу в сердце не унять.
Сколько бы веков над землей ни промчалось,
Будут жены слезы ронять у причала,
Так устроен мир, что подолгу не могут
Корабли у пристани стоять.

Так и в энные времена — не могли долго стоять «корабли у пристани», звали дали дальние в поход.

А конечные географические точки, до которых добирались якутские казаки, оставались в истории Камчатки, нашей малой родины, связанными с именами первопроходцев.

Сегодня многие исследователи сомневаются в том, что Камчатка получила свое имя в честь якутского казака Ивана Иванова сына Камчатого, который якобы был в числе первых, кто побывал на нашем полуострове.

Но сама версия не лишена исторической убедительности — многие географические названия на Северо-Востоке (в том числе и другая река Камчатка — в бассейне Индигирки), действительно связаны с именами землепроходцев. И наша Камчатка — не исключение.

Якутскими казаками были, например, братья Голыгины, в память об одном из которых (ученые спорят: о ком именно?) названа река.

История появления на карте Камчатки реки Морошечной связана с именем якутского казака, уроженца Великого Устюга Луки Семенова сына Старицына по прозвищу Мороска (Морозко).

А реку Козыревку так назвал в честь своего отца — Петра Федоровича, который первым собрал ясак в бассейне этой реки, его сын, камчатский приказчик Иван Петрович Козыревский, якутский уроженец во втором поколении, первооткрыватель Курильских островов.

Выше я рассказал о параллели якутских и камчатских фамилий.

Но это только малый осколок тех далеких времен, когда на Камчатку, сменяя «годовальщиков» (командированных), ежегодно приходили отряды все новых и новых казачьих десятков и пятидесятен Якутского казачьего полка. Сначала с севера (через Анадырский острог), дорогой Атласова, а впоследствии с запада — через Охотский порт, морем.

Камчатка, автор Дмитрий Задерей, архив «Витязь-Тревел»

Сначала шли на Камчатку выходцы из Тобольска, Енисейска, Березова, Великого Устюга и других городов России, а потом их дети — уроженцы Якутска, с доброй примесью якутской, тунгусской, юкагирской, чукотской, корякской, камчадальской крови.

Вот тоже интересный факт из современной жизни, когда «камчадалы русской крови» — потомки тех самых якутских казаков, осевших по своей воле или по неволе, на камчатской земле, выбирая себе спутниц жизни из числа местных аборигенок (а из кого им еще можно было выбирать?), производили на свет божий потомство, которое впоследствии на Камчатке стали называть «камчадалами русской крови».

Но ведь и у второго, и у третьего, и четвертого, и десятого, и даже пятнадцатого поколения камчатских казаков, родившихся за период с 1700 по 1900 годы включительно, мамки продолжали «черпаться» из числа аборигенок, а количество русской крови у отцов из поколения в поколение только уменьшалось и уменьшалось, превращая их в самых что ни на есть аборигенов Камчатки.

Тем не менее, для камчатских судей отсутствие в архивных материалах у потомков камчатских казаков (поселившихся на полуострове начиная с 1701 года), камчатских крестьян (завезенных на полуостров в 1730-х годах), камчатских священников (Камчатская духовная миссия начала свою деятельность в 1745 году) запись «камчадал» является важнейшим аргументом для вынесения отрицательного решения по поводу определения для людей данной категории статуса «камчадал», предоставляющего им право причислять себя к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Это, безусловно, вопиющая несправедливость по отношению к «камчадалам русской крови».

Но мало ли (кроме исторической) несправедливости в нашей жизни?!

Например, все регионы Дальнего Востока, начиная с Якутии и завершая Приморьем, приобретшем к тому же в последнее время столичный форс, создают собственную историческую среду обитания для своего региона, которая автоматически включает в свой актив (без камчатского на то участия) те или иные элементы камчатской истории — Первую и Вторую Камчатскую экспедиции, Русскую Америку, даже Петропавловскую оборону (о которой, как о за-

слуге Владивостока рассказывают, например, местные экскурсоводы в дальневосточной столице, не подозревая, что эта оборона произошла еще до рождения самого Владивостока).

Безусловно, у нас история общая, мы единый народ. И поэтому задача фестиваля «Камчатка – Россия – Мир», который имеет к нашей книге самое прямое отношение, — восстановить и возобновить наши глубочайшие межрегиональные исторические связи и развивать их, используя тот колоссальный внутренний, а не только внешний (часто очень поверхностный) ресурс, который позволит и Камчатке, и другим регионам России расширить сферу использования уникального исторического наследия нашей замечательной и огромной — не столько даже в территориальном, а в духовно-историческом смысле — страны.

И конечно же, ближе всех к нам, камчадалам, роднее всех остальных родных, — Якутия, потому что корни многих камчатских старожильческих казачьих родов именно отсюда — от предков-первопроходцев...

Авачинская бухта, Три брата, архив «Витязь-Тревел»

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир
Путешествие по времени

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

Подписано в печать 23.07.2020. Формат 84×108/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,14. Тираж 150 экз. Заказ № КПОО–003070.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru